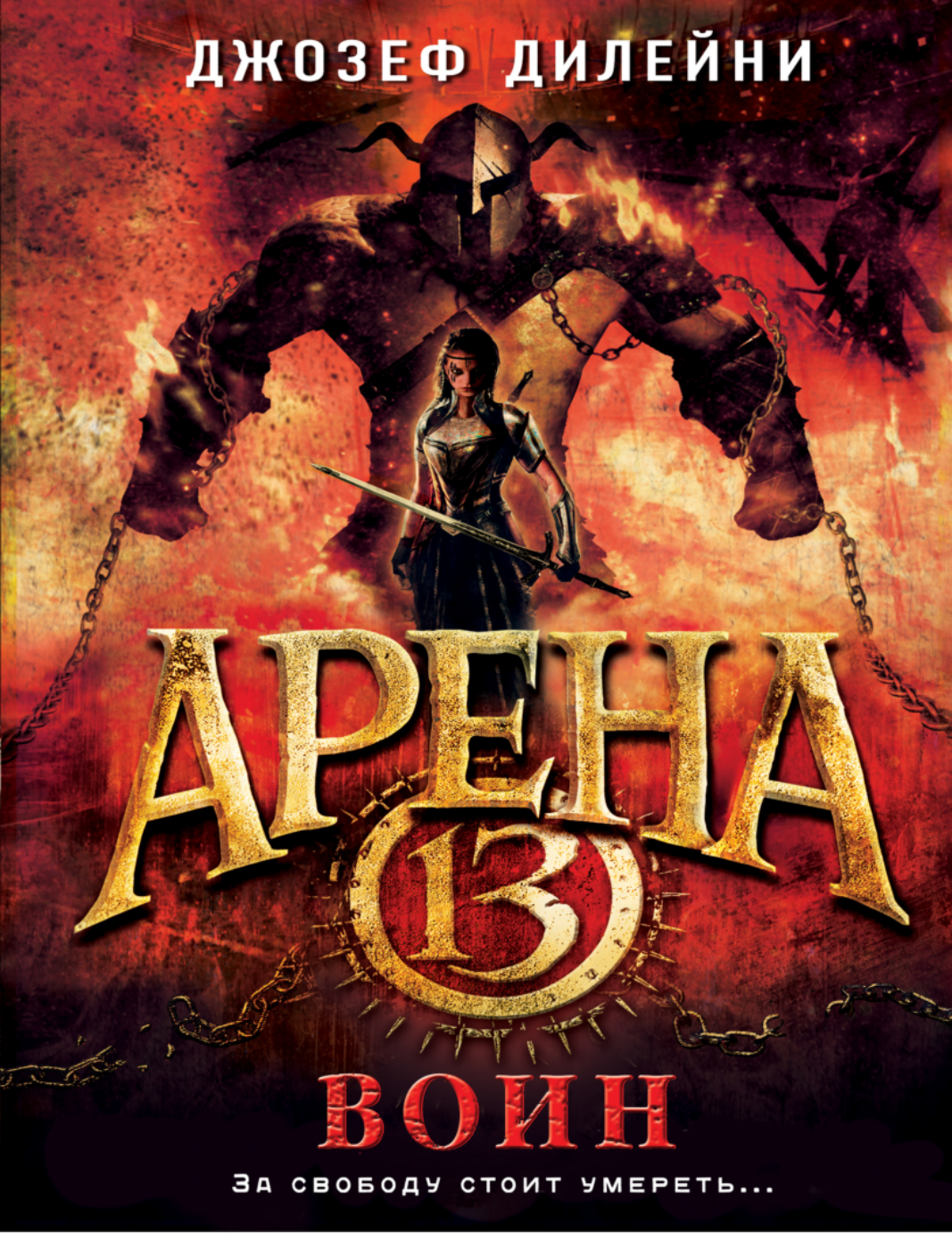
ДЖОЗЕФ ДИЛЕЙНИ
АРЕНА 13
ВОИН
За свободу стоит умереть...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В мире, который раньше принадлежал людям, теперь господствуют техноджинны. А человечество заперто в Мидгарде за Великим Барьером. Никто из людей не отваживается пересечь границу, и ходят слухи, что безумие – это малая цена, которую мятежник заплатит за неподчинение. Но у народа гентхаев есть артефакт, опровергающий все теории. Способ проникнуть к джиннам есть. Отец Лейфа, легендарный боец Арены 13, однажды побывал в тех землях и начертил подробную карту. И когда вождь гентхаев приходит к Лейфу с той самой картой, он не может не воспользоваться единственным шансом узнать, что скрывается за Великим Барьером…

- Джозеф Дилейни
  -
  - Пролог
  - 1. Смертельный гамбит
  - 2. Опасное приглашение
  - 3. Через Барьер
  - 4. Смерть с воздуха
  - 5. Серый город
  - 6. Смерть
  - 7. Каменный мост
  - 8. Ученый
  - 9. Музей Света
  - 10. Искусство войны
  - 11. Барск и орл
  - 12. Что-то коснулось моей шеи
  - 13. Мы правим звездами
  - 14. Лейф-воин
  - 15. Радостные известия
  - 16. Надеюсь, они никогда не узнают
  - 17. Шатеки сикоды
  - 18. Мой хозяин милосерден
  - 19. Дыхание Волка
  - 20. Меня зовут Квин
  - 21. Колесо мести
  - 22. Эмиссар
  - Глоссарий Мидгарда
- notes
  - 1
  - 2

○ 3

Джозеф Дилейни
Арена 13. Воин

Joseph Delaney
Arena 13. The Warrior

Copyright © Joseph Delaney, 2017 First published as “Arena 13. The Warrior” by Random House Children’s Publishers UK, a division of the Random House Group LTD Joseph Delaney has asserted his right to be identified as the author of the Work.

© Овчинникова А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Мэт

Мэт взглянул на западный берег реки Медия, и сердце его часто забилось. Он был почти дома. Впереди вдалеке виднелся Барьер, окружающий Мидгард, – черная масса облаков и тумана. Она поднималась от самой земли высоко в небо, бурля и змеясь как живое существо.

Барьер создали джинны после того, как много лет назад в великой битве победили и уничтожили Империю людей. Теперь последние несколько тысяч человек были заперты в пределах Барьера – им разрешили проживать свой короткий век, если они не попытаются перебраться через преграду.

Вскоре Мэт вернется за Барьер и будет в безопасности; преследователи его уже не догонят… Во всяком случае, он так думал.

Но вот он оглянулся и, к своей тревоге, увидел всадников, наблюдающих за ним с вершины холма: темные силуэты на фоне серого неба.

Все-таки его догнали.

Он быстро сосчитал. Тринадцать.

Вообще-то за ним наблюдали не тринадцать, а двадцать шесть существ. С вершины холма к нему двинулись барски и о́рлы – бинарные джинны с двумя сущностями. Каждый барск ехал на орле – создании с массивной головой, покрытой темными чешуйками. Двойной ряд зубов орла слегка загибался в пасть; с зубов капала серебристая слюна. Орл бежал на двух крепких ногах, его длинные руки имели по пять пальцев, в том числе противостоящий большой, и каждый палец заканчивался смертоносным острым когтем.

Седоки, барски, были еще страшней. Слегка напоминающие людей, но четверорукие, двумя руками они держались за костяные выступы на бронированной шее орлов, а двумя другими сжимали оружие – копья и мечи. На барсках были черные доспехи, кожаные перчатки и конические шлемы с предличниками, защищающими нос. Только лицо оставалось открытым оружию Мэта – короткому мечу, щиту и луку. Круглый щит служил не только для защиты: его бритвенно-острый край мог наносить противнику ужасные раны.

Мэт шел пешком и с трудом смог бы защищаться даже против одного бинарного джинна, а против тринадцати у него не

оставалось ни единого шанса. Он мог считать себя уже мертвым.

Он странствовал четыре недели, возвращаясь домой, в Мидгард. Под покровом темноты Мэт двигался на юг, зная, что его будут преследовать барски и орлы, ужасные слуги могущественного джинна аски, обитающего к северу от Высокой Стены, а если догонят – убьют.

Потому что он совершил то, что запрещалось всем людям – осмелился перебраться через Барьер. Наказанием за такое была смерть.

Он не просто бежал, спасая свою жизнь, но и выполнял важную задачу. Он начертил детальную карту своего пути, которую отдаст своему народу, гентхаям. Гентхаи надеялись однажды пересечь Барьер, победить джиннов и силой оружия вернуть людям весь мир. Карта Мэта укажет им дорогу.

И вот теперь его наконец догнали. Он был так близко от дома – но недостаточно близко. Он умрет на берегу реки, уже видя Барьер, окружающий родные земли.

Но потом у Мэта блеснул лучик надежды. Строй джиннов остановился, и только один барск на орле устремился к нему вниз по склону холма.

У них есть некое чувство чести? Они будут биться с ним один на один?

Мэт положил меч и щит у ног, наложил стрелу на тетиву, оттянул тетиву и застыл, задержав дыхание. Он спокойно ждал, когда увидит цель.

Джинн почти налетел на него, когда эта цель стала видна.

Стрела устремилась прямиком к ней и по самое оперение вошла в глаз слева от предличника. Она вонзилась глубоко в мозг, и барск опрокинулся назад; его четыре руки конвульсивно дергались, отчаянно пытаясь дотянуться до стрелы.

Мэт уронил лук и едва успел подхватить меч и щит, когда до него добежал орл. Мэт откатился в сторону, и две массивные ноги протопали мимо, прежде чем описать круг и вернуться к нему. Мэт заметил, что барск все еще лежит на земле и, похоже, корчится в предсмертных судорогах. Но орл тоже был грозным противником – мотая крупной головой, похожей на голову динозавра, он бросился на врага и протянул вперед тонкие руки с когтями, готовый рвать и терзать плоть. Мэт пустил в ход край своего щита, отрубив эти руки у самого локтя. Фонтаном брызнула черная кровь, орл завопил.

Мэт отскочил от него, но сперва сделал выпад мечом, целя джинну в лицо. Клинок глубоко полоснул по переносице и по обоим глазам. Орл, шатаясь, побежал; из обрубков его рук все еще хлестала кровь. Сослепу он влетел в реку, и не прошло и

нескольких секунд, как его, все еще пронзительно вопящего, унесло быстрым течением. Его страдальческие крики звучали все тише и тише, пока не смолкли совсем.

Мэт посмотрел вверх, на своих врагов. Они явно не ожидали, что он победит. Но еще до того как Мэт начал сражаться на Арене 13, он был искусным воином, обученным обращаться с мечом и луком.

Не стоило надеяться опять встретиться всего лишь с одним барском…И создания действительно двинулись вниз по склону двумя колоннами, чтобы окружить врага. По мере их приближения круг медленно сжимался.

Мэт круто развернулся на пятках, все еще держа щит и меч, но они, похоже, собирались напасть все одновременно. Хорошо, если ему удастся достать хотя бы одного из противников.

Двигаясь, Мэт ощущал слабость своей левой ноги – последствия старой раны, полученной на Арене 13. Рана ограничивала его маневренность, а длинный путь пешком еще больше натрудил ногу.

И вдруг свет померк. Хотя солнце пряталось за облаками, близился полдень, и небо было светлым.

«Почему же внезапно так потемнело?» – озадаченно подумал Мэт. Он не осмеливался оторвать взгляд от своих врагов, но заметил, что барски и орлы больше на него не смотрят. Они таращились вверх, на темную, быстро сгущавшуюся тучу.

Мэт тоже посмотрел вверх, и его мгновенно охватил страх. Он знал, что это такое. Плотная темная туча пикировала вниз, как стая птиц, но это были не птицы, а нечто куда более опасное.

Джинны создавали таких крылатых созданий – гунгар – для того, чтобы те поглощали и впитывали разум и плоть их врагов. Без сомнения, гунгар призвали барски и орлы.

«Через несколько секунд, – подумал Мэт, – от меня не останется ничего, кроме скелета».

Он поднял щит над головой – инстинктивно, понимая, что это бесполезно. Мэт слышал только хлопанье крыльев вокруг и подумал было, что гунгары ринулись на него, но, как ни странно, они атаковали окруживших его врагов. Мэт мельком увидел челюсти и зубы, с которых капала кровь, и услышал вопли барсков и орлов, когда тех рвали на куски и пожирали. Он знал, что джинны часто сражаются друг с другом – наверное, эти гунгары были врагами тех, кто на него напал. Мэтт все еще боялся, что следующим станет он, и ждал, что зубы вонзятся и в его тело. Ему было страшно, но он смирился и, сделав глубокий вдох, стал ждать смерти.

Но с ним ничего не случилось.

Он сидел на корточках, все еще держа щит над головой, а тьма постепенно уступала место свету. Гунгары улетали, взмывая вверх, оставив его невредимым.

Мэт посмотрел на землю вокруг. Она была пропитана черной кровью; несмотря на чешуйчатые доспехи барсков и орлов, их плоть была растерзана, остались только окровавленные кости. Глазницы каждой сущности были вскрыты, глаза вырваны и мозги съедены.

Но почему пощадили его?

Мэт пристально посмотрел на темную стаю гунгар, вьющихся наверху. Внезапно они образовали фигуру, отчетливо видную на фоне светло-серых облаков. Ошибиться было нельзя – это была голова волка.

Гунгары принадлежали джину-люпину Торговцу, вместе с которым Мэт путешествовал, пока ему не пришлось бежать.

Торговец спас его.

Теперь Мэт мог отправиться домой и отдать карту своему народу.

Мэт был великим героем Арены 13. Он победил Хоба пятнадцать раз, прежде чем ему пришлось уйти на покой из-за раны.

Но это осталось в прошлом. Теперь его ждало будущее: ему суждено было жениться на женщине по имени Шола, которую он полюбит больше жизни. У них родится сын Лейф. Мэт будет наслаждаться двенадцатью годами счастья, прежде чем злой джин Хоб убьет его жену и доведет до смерти его самого.

Но его сын выживет и будет жить, чтобы сражаться на Арене 13.

Лейф отомстит за то, что сделали с его семьей.

1. Смертельный гамбит

Маневр Михалика – самая рискованная тактика для любого бойца-человека. Ее неизменный результат – смерть или увечье.

«Пособие по сражению на тригладиусах»

Лейф

Это была последняя ночь сезона на Арене 13. Где-то начал бить невидимый барабан – словно удары пульсирующего сердца. Когда огромный канделябр с тринадцатью рожками опустился, озарив Арену 13 желтым светом, появился главный распорядитель Пинчеон, чтобы объявить первое состязание вечера. Его черное одеяние было подпоясано широким красным кушаком; он держал длинную тонкую серебряную трубу.

Здесь, в Колесе, Пинчеон оставался высшей властью, но времена изменились. Хотя он все еще расхаживал по арене и являлся членом многочисленной дирекции Колеса, которая теперь правила Джиндином, он утратил большую часть своей власти.

Пинчеон всегда был высокомерным. Я мысленно улыбнулся, подумав, с каким отвращением он станет наблюдать за этим первым состязанием сегодняшнего Списка.

Ярусы обитых плюшем и красной кожей сидений были забиты до отказа, и женщин среди зрителей было почти столько же, сколько мужчин.

По галерее пронеслось предупреждающее шиканье. Теперь мы услышали шаги обутых в ботинки ног, приближающихся к двери «мин», через которую на арену выходили бойцы, сражающиеся вместе с одним лаком. Сердце мое сильно заколотилось, когда

появился первый боец, а за ним – лак в доспехах. Бойцом была Квин.

Она уверенно вышла вперед и, прежде чем занять позицию позади своего лака, встала перед главным распорядителем.

Лаки носили полные металлические доспехи и были сильными и быстрыми; их маневры управлялись шаблонами, введенными в их мозг. Существовал единственный способ их уложить – вогнать клинок в их горловую втулку, которую удерживал на месте железный ошейник. Это называлось словом шаблона «обрыв» и заставляло лака немедленно рухнуть на пол арены.

Сегодня люди собрались здесь, чтобы увидеть, как вершится история, и во рту у меня пересохло от возбуждения и страха.

Я боялся не за себя.

Вчера я уже сразился и победил в своем финальном состязании и теперь был просто зрителем. Я боялся за Квин – хотя не только боялся, но и чувствовал воодушевление. Я знал, как много для нее значит нынешний вечер. Она собиралась сражаться на Арене 13 – первая женщина, которая когда-либо это делала.

Публика взорвалась возбужденными дикими приветствиями и принялась топать. Квин улыбнулась, глядя вверх, на галерею. Она знала, где я буду сидеть, и ее глаза нашли мои. Она помахала мне, и я с энтузиазмом помахал в ответ, довольный, что ее мечты о сражениях на Арене 13 наконец-то сбываются.

Потом, когда рев зрителей стал стихать, раздался новый звук, заставивший улыбку Квин померкнуть. Группа мужчин среднего возраста в переднем ряду начала шикать. В Джиндине были люди, желающие придерживаться старых обычаев, и меньше всего им хотелось, чтобы женщины стали равными мужчинам. Некоторые заявляли, что рискуют потерять работу; другие – что женщинам негоже сражаться на Арене 13 и такие бои противоречат их природе. Но нынче вечером сюда явилось множество женщин Джиндина, и они начали всячески подбадривать Квин, выкрикивая ее имя и заглушая шиканье. Они оделись в шелковые наряды, и большинство покрасили губы в традиционный черный цвет, но немало женщин следовали моде, которую придумала Квин: она красила черным только верхнюю губу, а нижнюю – в ярко-красный цвет артериальной крови.

И вот на арену через другую дверь, побольше – дверь «макс», вошел ее противник, мужчина по имени Рубико, с тремя лаками. Квин и Рубико были в обычных коротких кожаных штанах и куртках, открыв свои тела клинкам. Состязание выигрывалось, если удавалось полоснуть противника.

Квин была такой красивой, и я знал, что ее душа должна петь

от счастья.

Хотя раньше женщинам запрещалось драться на Арене 13, храбрая и горячая Квин сразилась с лаком, клинок против клинка, в подвале своего отца. Она победила, но была ранена и теперь коротко стригла волосы с одной стороны, чтобы демонстрировать шрам, который считала знаком почета. И она гордилась вытатуированной на лбу цифрой 13. Тот бой в подвале продемонстрировал ее храбрость. Теперь недавняя политическая неразбериха и смена власти перевернула обычаи с ног на голову. Здесь вот-вот должна была свершиться история.

Слева от меня сидел мой друг Дейнон (ученик, как и я) и пристально и очень сосредоточенно смотрел вниз, на арену. Он тоже дружил с Квин и искренне тревожился за нее. Но для меня она была намного большим, нежели просто подругой.

Пинчеон поднял руки и посмотрел на галерею.

– Да начнется бой! – выкрикнул он и зашагал к двери «макс».

Там он помедлил и поднес к губам трубу. Прозвучала высокая пронзительная нота, а потом две двери с грохотом закрылись.

Это был сигнал к началу боя, и бойцы устремились друг к другу.

На мгновение сердце мое застряло в глотке. Когда противники сблизились, я внезапно ощутил слабый запах, почти заглушенный ароматом духов зрительниц. Вонь крови.

Пол арены под нами был в пятнах крови, старых и свежих. Только в нынешнем сезоне погибли четыре бойца. Три смерти были случайностью; одна – результатом боя насмерть, когда сражались до гибели одного из противников. Моя кровь тоже осталась на арене. Я сразился с джинном Хобом и победил его, но он отсек мне правое ухо.

К этому запаху привыкаешь, но он напоминает, что на Арене 13 бойцы иногда погибают. А теперь там, внизу, была Квин, и мечи стремились добраться до ее тела.

Раздался лязг металла по доспехам, блеснули клинки: лак сражался против лака, а бойцы-люди танцевали за их спинами. Атака и отступление, атака и отступление – таков был шаблон, когда Квин кинула своего единственного лака против соперника с тремя лаками.

Мой страх угас, я удовлетворенно улыбнулся. Квин медленно теснила триглад Рубико. Это было немалым подвигом: хотя Рубико едва исполнилось тридцать, он был ветераном арены и числился среди трех самых искусных бойцов «макс», сражавшихся вместе с тремя лаками.

В течение пяти минут противники будут биться позади своих

лаков. Потом прозвучит гонг, и после короткой передышки они встанут перед лаками. Этот этап боя будет куда опасней, ведь тогда Квин станет намного беззащитней и перед мечами противника, и перед мечами трех его лаков.

Я надеялся, что она победит раньше, чем до этого дойдет.

Нервно облизнув губы, я посмотрел на Тайрона справа от меня. Он пристально смотрел на арену, наблюдая за боем дочери, и не мог усидеть спокойно – ерзал и барабанил пальцами по коленям. Он был лучшим механиком Джиндина, и я обучался в его команде бойцов. А еще Тайрон сменил Пинчеона на посту Главы дирекции Колеса и теперь стал одним из самых важных людей в городе.

По левую руку от него сидела Ада, которая ввела шаблоны в лака Квин. Некогда Ада была Верховным Адептом Имперской Академии, а потом стала дважды рожденной. Она умерла сотни лет назад и возродилась в фальшивой плоти, из которой созданы все джинны, но осталась гениальным шаблонщиком. Она была первой женщиной, создавшей шаблоны для лака, сражающегося на Арене 13, и настолько искусной, что сделала лака разумным. Она назвала его Трим, и мы с ним сражались вместе, чтобы победить на арене одну из сущностей Хоба.

Лак, защищающий сейчас Квин, не был разумным, и все-таки я надеялся, что Ада сделала его достаточно умелым, чтобы обеспечить Квин победу.

Я снова начал нервничать, моя тревога росла. В сражении стремились не прикончить своего противника, а просто пустить ему кровь, но не исключались и несчастные случаи. Я стиснул зубы и выбросил эту мысль из головы.

Галерея одобрительно взревела. Квин и ее лак оттеснили своих противников к стене арены, и те пытались спастись. Женщины начали радостно подбадривать девушку и стучать ногами, раздавались восхищенные вопли. Квин была очень быстрой; с помощью языка Улум, топая по полу арены, она давала сигналы своему лаку – и направляла его именно туда, где он мог эффективно пустить в ход мечи.

– Умница! Умница! – воскликнул Тайрон, когда до нас донесся металлический звук, возвещая, что клинок ударился о железный ошейник лака-противника, почти войдя в горловую втулку.

Теперь Квин следовало поскорее одержать победу. Пять минут почти истекли, вот-вот прозвучит гонг и бой приостановится; потом бойцы-люди сменят позиции и начнут сражаться лицом к лицу, а лаки встанут позади них. Противники сделаются более беззащитными, и оба могут получить жестокие

раны.

Тайрон встревоженно подался вперед; теперь он барабанил пальцами по перилам.

– Быстрее, Квин! Покончи с ним немедленно, девочка! – воскликнул он.

Сперва он был против того, чтобы его дочь сражалась на арене. У Ады ушло несколько недель на то, чтобы уговорить его дозволить этот бой, и сейчас Тайрон, без сомнения, сожалел о своем решении.

Внезапно передний ряд галереи разразился насмешками – смеялась компания грубиянов-мужчин. Потом я увидел всплеск красного, и лака Квин забрызгало кровью.

Сердце мое подпрыгнуло от страха. Ранили Рубико? Или Квин?

Публику накрыла ошеломленная тишина, но вдруг раздался взрыв пронзительного смеха. Я посмотрел туда, откуда он раздавался, и увидел, что один из мужчин держит металлический контейнер, из которого все еще капает красная жидкость.

Это краска, а не кровь, понял я. Он плеснул краской в знак протеста против того, что женщина сражается на арене. Краска серьезно повредила лака Квин, проникнув сквозь горизонтальную щель в шлем и ослепив его.

Шатаясь, лак подался назад и чуть не врезался в Квин. Существо слишком плохо видело, чтобы защищаться.

«Надо приостановить бой, – подумал я. – Почему ему разрешают продолжаться?»

Я прислушивался, ожидая звука трубы, но Пинчеон бездействовал, хотя наблюдал за сражением и наверняка знал о случившемся.

В любую секунду меч мог вызвать «обрыв» лака Квин; тогда она проиграет и будет вынуждена принять ритуальный порез в знак своего поражения.

То, что произошло в следующий миг, заставило Тайрона вскочить.

Все случилось так быстро, что я чуть было это не проглядел. Квин шагнула перед своим лаком, нырнула вперед, все еще сжимая мечи, и прокатилась между ногами триглада противника.

Сердце мое чуть не остановилось, когда клинки устремились вниз, к ней. Я не хотел смотреть – но не мог отвести взгляд. Поступок Квин был невероятно храбрым, но она ужасно рисковала.

Каким-то образом она увернулась от мечей и, продолжая катиться, миновала лаков противника. Мечом в левой руке она ударила Рубико по ногам и рассекла их под коленями. Секунду

спустя клинок нашел горловую втулку ее лака и вызвал «обрыв». Но Квин уже пустила кровь. Он победила в своем первом состязании – хотя с огромным риском для жизни.

Аплодисменты были громовыми. Я вскочил, хлопая и крича во все горло. Мы с Дейноном с удивлением и облегчением колотили друг друга по спинам, но Тайрон покачал головой и вытер тыльной стороной руки пот со лба. За последние несколько минут он, наверное, состарился лет на десять.

Помощники распорядителя уже шагали по дальнему проходу, чтобы арестовать компанию мужчин, которые выплеснули краску. Я надеялся, что их оштрафуют и запретят появляться в галерее на очень долгий срок.

Мы вернулись в дом Тайрона, чтобы в честь завершения сезона устроить маленькую вечеринку. Дейнон и я все еще жили здесь, пока продолжалось наше обучение, и делили стол и кров с Тайроном и двумя его дочерьми – Квин и Тиной, а также с сыном Тины Робби.

– Следует поздравить тебя, дочь, с победой в первом состязании на Арене 13, – сказал Тайрон, приветственно подняв бокал. – Но никогда больше не осмеливайся проделывать такое! У меня достаточно седых волос!

Раздалось позвякивание бокалов, послышались одобрительные крики. Но по лицу Тайрона я видел, как он напряжен, несмотря на кажущуюся веселость. Его волосы уже были седыми, постриженными так коротко, что от них осталась лишь щетина; морщины вокруг глаз углубились и тянулись к щекам.

Я понимал, что он чувствует. Сердце мое подпрыгнуло, когда Квин прокатилась под ногами лаков: я думал, что потеряю ее.

Она проделала так называемый маневр Михалика, известный также как «смертельный гамбит». Прием назвали так в честь человека, впервые использовавшего эту тактику. Михалик был единственным, кто при этом выжил и победил; из пятерых других бойцов, попытавшихся проделать тот же маневр, четверо погибли, искромсанные на куски мечами лаков противника, а пятый был жестоко искалечен и теперь ковылял с палкой, утратив подвижность левой руки.

Я знал, что Квин отчаянно мечтала выиграть свое первое состязание, но она не должна была так рисковать. Я злился на нее за то, что она поставила на кон свою жизнь, но еще больше злился на Пинчеона, главного распорядителя. Ему полагалось остановить бой в тот миг, когда краска выплеснулась на голову лака; без сомнения, он хотел увидеть, как Квин проиграет.

Тайрон перебросился с ним парой слов, а дочери устроил нагоняй с глазу на глаз. Но Квин есть Квин, она всегда делала что хотела. Ни за что на свете она не позволила бы себе проиграть в своем первом состязании на Арене 13.

Я окинул взглядом собравшихся в комнате. На вечеринку пришло около тридцати человек: механики вроде Тайрона, в том числе Брид с кустистыми бровями и долговязый, неуклюжий Воуд – эти коллеги тесно дружили, каждый имел свою команду бойцов. Они рисковали жизнью в нашей провалившейся попытке уничтожить все до единой сущности Хоба после того, как я победил его с помощью Трима.

К счастью, Квин не пришлось сегодня столкнуться с этой угрозой. Хоб – джинн, живущий над городом в цитадели с тринадцатью шпилями, – мог появиться в любое время, чтобы бросить вызов бойцу Арены 13. Кто из людей будет с ним биться, обычно решала лотерея, поэтому могли выбрать и Квин.

Но ситуация изменилась. Как правило, я не приводил Трима сражаться на арену, но было условлено: если явится Хоб, именно я встану с джинном лицом к лицу. Трим будет ждать внизу, готовый к такому повороту. Однажды мы с ним вместе уже победили Хоба и сможем сделать это снова.

Вслед за смещением Протектора, которого определили на его пост обитающие за Барьером джинны, чтобы он правил Мидгардом, люди в страхе ждали, что же произойдет. Некоторые считали, что орды чудовищных джиннов ринутся через Барьер, чтобы истребить нас всех. Было создано городское ополчение, дополненное армией гентхаев, но ничего подобного не случилось.

Люди боялись и Хоба. Он терзал город в течение столетий, но после падения Протектора никого не убил и ни разу не появлялся в Колесе, чтобы бросить вызов.

Мы думали, что джинны назначили Протектора единственным правителем, но после его падения стало ясно, что Мидгардом правили двое, и вторым правителем был Хоб.

«Почему же он не вмешался?» – недоумевал я. Его молчание и бездействие действовали на нервы. Люди считали, что он владеет ужасным оружием уничтожения; многие боялись, что он может пустить его в ход против Джиндина.

Сначала испуганные жители старались как можно реже выходить из домов, но город нуждался в еде, и вскоре фермеры снова начали доставлять сюда товары и пригонять скот на бойню. Жизнь вернулась в свою беспокойную колею.

Я опять оглядел комнату. На вечеринку пришли и несколько бойцов; с некоторыми из них я сражался на арене после победы над Хобом. Я закончил сезон в верхней трети Списков – совсем

неплохо, учитывая, что у меня было так мало поединков. Я надеялся, что в следующем году Тайрон позволит мне сражаться весь сезон по два раза в неделю, вот тогда у меня появится реальный шанс занять в рейтинге первое место.

Мой отец Мэт был лучшим бойцом Арены 13, и я стремился достичь того же, чего достиг он, а если подвернется шанс, – побеждать Хоба снова и снова.

Я все еще наблюдал за гостями Тайрона, когда ко мне присоединился Дейнон.

– Завтра ранним утром я ухожу, Лейф, – сказал он с улыбкой. – Не успею даже позавтракать. Я должен помогать на ферме.

– Так скоро? – удивился я.

– У меня нет выбора, – ответил он. – Семье нужна лишняя пара рук.

Его ферма переживала полосу неудач. В этом сезоне отец Дейнона не смог заплатить за обучение сына, но Тайрон щедро отмахнулся от оплаты. Он по-настоящему верил в Дейнона, который обещал стать отличным шаблонщиком, с помощью словов языка Ним формирующим и улучшающим навыки лаков. У меня были скорость, быстрота рефлексов и сила – навыки, которые хороши на арене; у Дейнона были мозги, и однажды он станет великим механиком с командой собственных бойцов.

– Чем будешь заниматься, Лейф? – спросил Дейнон.

В прошлом году я отправился навестить гентхаев, но не собирался делать это снова. Я был наполовину гентхаем, наполовину горожанином, но меня все больше тянуло к народу моего отца. Гентхаи – воины, живущие в лесу, не боялись Хоба и надеялись когда-нибудь пересечь Барьер, победить джиннов и вернуть людям весь мир. Это казалось безнадежной задачей, но они всерьез верили, что им такое удастся.

Теперь некоторые гентхаи покинули свой лес. Их вождь Коннит и многие его воины разместились в восточном крыле дворца Протектора, где собирался Руководящий Совет; другие гентхаи патрулировали окрестности города. С течением времени вероятность нападения джиннов как будто уменьшилась, но все равно разрабатывались разные стратегии защиты.

– Тайрон попросил меня остаться здесь и понемногу тренироваться всю осень и зиму. Мне это нравится. И тогда я буду ближе к Квин, – улыбаясь, сказал я.

– Тебе везет! – засмеялся Дейнон.

Мне везло, очень везло, что у меня была Квин. Я предвкушал, как долгой зимой буду проводить с ней время; предвкушал и тренировки. Мне хотелось отточить свои навыки на тот случай,

если Хоб снова придет сражаться.

У этого джинна был один разум, но много сущностей. Когда я победил и убил одну из его сущностей на Арене 13, это не только уменьшило исходящую от него угрозу, но и доставило мне огромное удовлетворение. Именно Хоб довел до смерти моих родителей, и я хотел ранить его как можно сильнее.

Мы с Дейноном посмотрели на Квин. Она разговаривала с Адой, которая теперь была самостоятельным механиком, хотя делила с Тайроном его тренировочный зал и жила в его доме. Пока в ее команде имелся единственный боец – Квин, но Ада занималась еще и тем, что помогала Дейнону учиться на шаблонщика.

Пока я наблюдал за Квин и Адой, к ним присоединилась старшая дочь Тайрона Тина. Они немного поболтали, а потом отправились побеседовать с другими гостями. Я почувствовал укол разочарования. До завтра у меня не будет шанса остаться с Квин наедине.

Что ж, меня утешала мысль, что всю осень и зиму мы проведем вместе.

Но этому не суждено было случиться.

2. Опасное приглашение

Я начал чувствовать себя так, будто был выражением высшей силы, аспектом Ним, богини шаблонов, движения и танца.

«Свидетельства Мэта»

Лейф

Назавтра спозаранку, вскоре после того как я помахал на прощание Дейнону, в дом явился посетитель – воин, вызвавший меня к вождю гентхаев. Коннит хотел немедленно меня видеть, и завтрак пришлось отложить.

Войдя в восточное крыло дворца, я увидел, что Коннит сидит в одиночестве за длинным столом. Я уселся напротив него.

Тогда как Тайрон за последний год состарился, Коннит выглядел помолодевшим. Его усы были темно-коричневыми – того же цвета, что и длинные волосы, лицо украшала полная гентхайская татуировка, и от него веяло силой и решительностью.

Он с улыбкой приветствовал меня:

– Прежде всего, Лейф, поздравляю тебя с ролью, которую ты сыграл в переговорах между гентхаями и городским правлением. Благодаря их успешному завершению у нас есть равное представительство в Руководящем Совете.

– Спасибо, господин, – ответил я, поклонившись.

– Я бы хотел пригласить тебя присоединиться к небольшой экспедиции, которую мы затеваем. Заметь – пригласить. Это не приказ. Экспедиция будет очень опасной, и ты вместе с другими воинами-гентхаями проведешь вдали отсюда по меньшей мере три месяца…А может, и больше. Цель вылазки – провести кое-какую разведку за Барьером.

Я удивленно посмотрел на Коннита. Все считали Барьер

непреодолимым: само приближение к нему сводило человека с ума. Эта высокая, бурлящая стена тумана и страха держала нас в заточении. Только Торговец беспрепятственно ее пересекал, причем по морю. Кроме того, Торговец не был пленником Барьера – его дом лежал где-то за этой преградой.

– Похоже, ты удивлен, Лейф, – сказал Коннит.

– Еще как! – ответил я. – Я думал, покинуть Мидгард невозможно.

– Есть способ выбраться отсюда, но он опасный, и не все выживают в пути. Даже перебравшись на ту сторону, ты рискуешь столкнуться с джиннами. Еще никто и никогда не осмеливался заходить так далеко. Но в этой экспедиции все будет по-другому: путь для нее разведал твой отец.

– Мы отправимся морем, господин? – спросил я.

Коннит с улыбкой покачал головой:

– Нет, по суше.

– Каково там, за Барьером, господин?

– Что касается холмов, низин, лесов, животных – они очень похожи на здешние, внутри Барьера. Но как знать, что ожидает нас дальше в полях? До сих пор наши воины ни разу не встречались с джиннами. Но все может пойти по-другому… Хотя мы надеемся узнать побольше о джиннах, оставшись незамеченными. Надо отыскать самую удобную дорогу, по которой отправится наша армия, когда придет время атаковать.

– А разве джинны не подстерегают тех, кто пытается сбежать из Мидгарда? – спросил я.

– Конечно, такое может быть, Лейф. Рядом с Барьером нет ни одного, но дальше – кто знает… Однако любые сведения, которые мы сумеем собрать о противнике, помогут нам его одолеть. Даже Ада ничего не знает о нынешних джиннах; она боится, что они не только размножились, но и сильно продвинулись в своих навыках. Это мы тоже должны выяснить. И подумай вот еще о чем, Лейф: любые знания о джиннах помогут нам победить Хоба.

У меня голова шла кругом. Я мечтал, что проведу зиму с Квин и отточу свои бойцовские навыки. Однако такая экспедиция сулила слишком заманчивые шансы, чтобы их упустить. Я всегда гадал, что лежит за Барьером, как и любой другой человек, запертый в его пределах, и теперь подвернулся случай это узнать. Приключение манило меня и могло приблизить гибель Хоба и отмщение за смерть моих родителей.

Где-то в глубине души я уже принял решение и выпалил:

– Мне бы хотелось пойти!

– Тогда будь готов выступить завтра на рассвете. Ты отправишься на север и по дороге будешь упражняться с оружием.

Я был потрясен и расстроен. Да, я согласился пойти, но меньше всего ожидал, что придется выступить немедленно. А я-то надеялся еще побыть с Квин, пока делаются приготовления к переправе!

Однако я сказал «да» и должен был придерживаться принятого решения; в конце концов, именно жажда мести и привела меня в Джиндин. Хоба следовало уничтожить, эта задача была превыше всего.

– А как мы пересечем Барьер, господин? – поинтересовался я.

– Тот, кто сквозь него проходит, рискует сойти с ума или погибнуть. Но у нас есть проводники – гентхаи-мистики, которые называют себя медиями – по имени реки Медия. Самое лучшее место для входа и выхода находится на ее берегу. Медии живут на землях рядом с Барьером и чувствуют его изменения. Прочность Барьера меняется в зависимости от циклов Луны, и, следя за этими циклами, медии проходят через него относительно без риска… Хотя не всегда успешно проводят через него других. В экспедицию отправятся десять человек, и мы не ожидаем, что все десять благополучно пройдут через Барьер.

– Почему я, господин?

– А почему бы и нет, Лейф? Это важная вылазка, и ты уже доказал, что достоин принять в ней участие. Ты победил вервейта и одолел в сражении Хоба. Кроме того, глава экспедиции Гаррет требует, чтобы ты пошел.

Я знал Гаррета: этот огромного роста воин наблюдал за моей работой, когда я посетил земли гентхаев прошлой зимой. Он заставил меня валить деревья до тех пор, пока мои руки не покрылись волдырями. Сперва он шпынял меня и физически, и словесно, но после сказал, что такое грубое обращение было испытанием, частью инициации гентхая, возвратившегося в племя после изгнания.

Когда мы вырвались из тюрьмы во дворце Протектора, я сражался с ним бок о бок и открыл ворота, чтобы впустить внутрь армию гентхаев. Поэтому я обрадовался, что Гаррет выбрал меня. Это была честь.

Первым делом мне предстояло выложить новости Квин и ее отцу.

Сначала я пошел повидаться с Тайроном, и мне пришлось подождать, потому что он работал в своем офисе в административном здании. Давно стемнело, когда мы встретились с ним дома, в его кабинете на верхнем этаже. На столе перед ним стоял бокал красного вина.

– Это опасно, мальчик, – сказал Тайрон, почесывая щетину на

макушке. – Ты рискуешь жизнью. Если джинны унюхают экспедицию, можешь считать себя покойником, и мы никогда больше тебя не увидим.

– Я готов к такому риску, – ответил я. – Мне всю жизнь хотелось посмотреть – что там, за Барьером. Отец плавал туда с Торговцем и невесть что там видел и пережил… Теперь я тоже хочу все это увидеть.

– Я думал, ты хочешь уничтожить Хоба. Думал, ты рвешься отомстить за смерть родителей. Разве это уже не важно? – спросил Тайрон, подавшись ко мне.

– Я все еще этого хочу и готов снова встретиться с Хобом лицом к лицу на Арене 13. Но до следующего сезона боев больше не будет, а к тому времени я вернусь. Коннит считает, что мы добудем бесценные сведения о джиннах – такие, каких нет даже у Ады. Они могут пригодиться и для того, чтобы понять, как расправиться с Хобом.

– Но это очень рискованное путешествие, и я боюсь за твою жизнь… Правда, если уж на то пошло, ты будешь в местах, куда Хоб не дотянется. В последнее время он притих, но вполне может отомстить за то, что мы покушались на его жизнь. Ты победил его на арене, Лейф, и ты один из первых в списке его мишеней. По крайней мере, за Барьером он не будет тебе угрожать.

Оставив хмурого Тайрона наслаждаться вином, я отправился поговорить с Квин.

Я постучал в дверь ее спальни, и она позволила мне войти. Квин сидела на низком стуле перед зеркалом и расчесывала волосы. Она всегда делала одинаковую прическу: длинные волосы с одной стороны и короткие с другой, чтобы демонстрировать шрам, полученный в сражении с одним из отцовских лаков.

Я опустился рядом с ней на колени и уставился на свое отражение в зеркале. На левой стороне моего лица красовалась «моко» – гентхайская татуировка: глубоко вытравленные линии и завитки, следующие контурам лица. Татуировка говорила о моем происхождении со стороны отца, Мэта. Правая сторона лица осталась не разукрашенной, потому что моя мать, Шола, не была гентхайкой. Я был полукровкой, занимающим место между двумя расами, но это означало, что я могу выступать в качестве посредника, приводя переговоры между горожанами и гентхаями к успешному завершению.

Справа мои волосы были выбриты до темной щетины, чтобы все видели, что у меня нет уха: его отсек Хоб во время нашего сражения. Такую стрижку придумала Квин. Она считала мою рану, как и свой шрам, признаком храбрости – тем, чем можно

гордиться.

Я увидел в зеркале ее красивое лицо с вытатуированной на лбу цифрой 13. Наши глаза встретились, и она улыбнулась мне.

Я попытался улыбнуться в ответ, но увидел, что ее глаза наполнились тревогой. От Квин было трудно что-нибудь скрыть.

– Что случилось? – спросила она.

И я ей рассказал.

– Завтра?! Так скоро?! Нет! Нет, Лейф, нет! – вскричала она. – Я могу больше никогда тебя не увидеть!

Ее реакция застала меня врасплох. Квин всегда была очень сильной и независимой, она не позволяла себе таких проявлений чувств.

Но потом она отвернулась и некоторое время молчала, раздумывая над тем, что я сказал. Когда Квин наконец снова посмотрела на меня, я увидел на ее лице выражение силы и целеустремленности.

– Знаешь, – сказала она, – я тебе завидую. Я бы тоже хотела пойти. Мне так хочется исследовать земли за Барьером!

Мы крепко обнялись, и я попытался ее успокоить.

– Я был бы рад, если бы ты отправилась с нами, но даже если гентхаи согласятся на это, твой отец запретит. Не беспокойся – я вернусь к началу следующего сезона. Так легко ты от меня не отделаешься!

Начав собираться в дорогу, я взял книгу отца и прочитал название: «Свидетельства Мэта». Я решил не брать ее с собой, чтобы не повредить или не потерять. Она принадлежала Тайрону, и я собирался вернуть ее перед уходом. В книге подробно описывались тренировки отца с Гунтером, величайшим механиком того времени, и каждое сражение Мэта на Арене 13. Однако большинство глав рассказывали о пятнадцати боях, в которых он победил Хоба.

Было приятно читать о достижениях отца, но я был разочарован, что в книге нет рассказа о путешествиях, которые, как считалось, он предпринял через Барьер вместе с Торговцем; описанное здесь относилось к более раннему времени.

К одному короткому отрывку я возвращался снова и снова: «Во время боя я стал испытывать странные ощущения: я как будто парил, руки и ноги слушались меня инстинктивно, но это не было моей обычной быстрой реакцией. Я начал чувствовать себя так, будто я был выражением высшей силы, аспектом Ним, богини шаблонов, движения и танца.

Я не просто вытанцовывал шаблоны перед тригладом. В некотором роде я сам стал этими шаблонами.

Я не верил в богиню, но это было не важно. Ощущение все равно оставалось таким.

И это сражение закончилось так же, как предыдущие. Хоб лежал, рассеченный на две части, в луже ярко-красной крови».

Похоже, мой отец испытал своего рода изменение сознания почти мистического свойства. Это противоречило остальным его записям – приземленным, реалистическим.

Некоторые и вправду верили, что Ним богиня, и перед сражением бормотали обращенные к ней молитвы. «Но как язык шаблонов может быть богиней? – недоумевал я. – Это же бессмыслица!»

Следующей, с кем я попрощался, была Ада. Я рассказал ей о странном опыте отца: в конце концов, она знала о языке Ним больше, чем кто-либо в Мидгарде.

– Может ли Ним и вправду быть богиней? – спросил я.

К моему удивлению, Ада не посчитала мой вопрос глупым и не отмахнулась от него. Вовсе нет!

– Одна религиозная секта поклонялась Ним и считала ее богиней, – объяснила она. – В мои времена терпимо относились ко всем религиям, какими бы диковинными они ни были, и никто над ними не смеялся. Вообще-то нашлись ученые, которые не отринули такую идею и сказали, что она имеет под собой почву.

– Ученые считали, что Ним богиня?! – удивленно воскликнул я.

Ада улыбнулась:

– Богиня – не обязательно существо, способное метать молнии и править людьми, но существо с высокой степенью чувствительности, которое может, при определенных обстоятельствах, вступать с нами в контакт. Ученые считали, что любая сложная комплексная система, состоящая из множества взаимодействующих частей, способна развить в себе сознание. «Словарь Ним», эта квинтэссенция языка, теперь используется шаблонщиками для кодирования лаков. В мое время Ним вводился также в устройства и структуры такие же прочные, как камень или бетон. Некоторые из этих вместилищ Ним вполне могли сохраниться до нынешних дней. – Помолчав, она продолжила: – Есть и еще кое-что. Поклонявшиеся Ним верили, что она благоволит к определенным людям – самым лучшим и самым умным, самым быстрым и самым опасным. Твой отец был величайшим из бойцов Арены 13, он победил Хоба и лучше всех танцевал шаблоны перед тригладом. Если богиня существует, он наверняка числился среди ее любимцев.

Я с улыбкой кивнул. Возможно, опыт моего отца был куда более вещественным, чем я допускал это раньше.

– Есть какие-нибудь советы насчет джиннов, с которыми мы можем встретиться за Барьером? – спросил я.

– Мне бы хотелось отправиться с вами, Лейф, но и Тайрон, и Коннит запретили. Они считают, что мои знания и навыки кодирования слишком важны, чтобы рисковать мной в таком опасном задании. Я так хочу встретиться с джиннами и узнать, на что они теперь похожи… Но ты должен их избегать. Они быстро наносят удар, и тогда выживают немногие. Твоя единственная надежда в подобном столкновении – начать диалог. Они разумные существа, и общение с ними наверняка возможно. Вот единственный совет, который я могу дать.

Ночью я провел последние драгоценные часы с Квин. Мы вернулись в то место, куда пришли сразу после того, как я стал учеником Тайрона. Тогда Квин провела меня по ночному городу, и наша прогулка закончилась на древнем высоком куполе Колеса.

Сейчас, пустив в ход отцовский ключ, она снова повела меня вверх по длинной спиральной лестнице внутри Колеса, где пахло пылью и старым деревом. Я с облегчением вылез на холодный осенний воздух и посмотрел вверх, на большую растущую Луну, которая омывала город бледным светом.

Держась за тонкие перила, мы завершили подъем снаружи купола и наконец добрались до его высшей точки, где в небо торчал сломанный флагшток, похожий на острый конец копья.

Там мы остановились, слегка запыхавшись, и молча огляделись по сторонам.

Я заговорил первым.

– Здесь когда-нибудь висел флаг? – спросил я, глядя на сломанный флагшток.

Квин покачала головой:

– Может, когда-то, давным-давно, но об этом никто не помнит. Наверное, флагшток сломался во время бури, и никто не подумал его заменить. Немногие, кроме грифов, приходят теперь сюда! – сказала она с улыбкой, взглянув на птиц, кружащих над нашими головами. – Это одно из моих любимых мест. Какой изумительный вид!

Я посмотрел на город, а потом взгляд мой устремился на восток, мое внимание привлек огромный Барьер, окружающий Мидгард, отгораживающий его от остального мира. Эту бурлящую стену тумана или облаков создали джинны, уничтожив в последней битве Империю людей.

Вместо миллиардов людей, некогда населявших всю Землю, в Мидгарде жили всего тысячи. Но нас становилось все больше; если мы не начнем вырубать леса, чего гентхаи никогда не

позволят, через пару поколений фермы не смогут давать достаточно еды, чтобы нас прокормить.

Это выводило из себя – сознавать, что за Барьером лежат невозделанными невесть сколько акров хорошей пахтотной земли.

Я буду скучать по Квин, но сердце мое трепетало от возбуждения при мысли о том, что вскоре я исследую эти земли. Ада рассказала, что джинны контролируют свою эволюцию – так на что же они похожи теперь? Они такие же, как Хоб, или совершенно другие? Как они живут?

Я посмотрел на север – и на единственное здание в городе, построенное не из дерева. До свержения Протектора каменный дворец с мраморными колоннами принадлежал ему. Предполагалось, что дворец построили до падения Империи людей, даже до появления других, первых, домов Джиндина.

В конце концов я уставился на каменную бронзовую цитадель с тринадцатью изогнутыми шпилями, стоящую над городом на вершине холма, – логово Хоба.

Да, я уйду за Барьер, но когда вернусь, найду способ расправиться с этим монстром.

Так и или иначе я собирался отомстить джинну, убившему моих родителей.

3. Через Барьер

Это неизбежно – что однажды люди уйдут за Барьер, который их окружает. Некоторые смотрят на это как на проявление героизма; другие видят в этом желание умереть.

«Амабрамдата», Книга пророчеств гентхаев

Я почти месяц тренировался, прежде чем мы попытались пересечь Барьер. В основном мы упражнялись днем или вечером, по пути к северной части Барьера. Наш отряд не торопился: переправа должна была состояться при определенной фазе Луны.

Спустя пару дней я уже затосковал по дому и гадал, зачем нам понадобилось выступить так рано. Я мог бы провести еще две недели с Квин.

Но Гаррет объяснил, что мы должны приготовиться к тому, с чем встретимся за Барьером, и заметил, что по части физической подготовки я слабейший в отряде. Я обладал быстротой и навыками, необходимыми для боя на арене, но в верховой езде, стрельбе из лука и фехтовании на мечах был новичком. Месяц тренировок подготовит меня к тому, что ждет нас впереди.

В отряде было десять человек. Мы упражнялись, разбившись на пары, и моим партнером всегда оказывался Гаррет. Мы начали с длинных мечей. Он мастерски на них сражался, к тому же был куда больше и сильнее меня, и мне приходилось нелегко.

После пары схваток он покачал головой и отвел меня в сторону:

– Мы не даем тебе показать все, на что ты способен, Лейф. Может, когда-нибудь, когда ты полностью вырастешь и разовьешь свою силу, ты будешь справляться с таким оружием. Но пока, думаю, тебе лучше подойдет вот это…

Он вручил мне короткий меч и круглый щит. Последний –

трех футов в диаметре, с острыми, как бритва, металлическими краями – не только служил для обороны, но и являлся смертоносным оружием. Такая комбинация вооружения понравилась мне гораздо больше, потому что меч смахивал на те, которыми я орудовал на Арене 13. Теперь мои природные навыки можно было использовать наилучшим образом.

Конечно, на тренировках мы пользовались деревянными щитами стражников, но вскоре я весь покрылся синяками. Однако к концу второй недели я уже мог давать противнику сдачи. Навыки, полученные на Арене 13, начали окупаться. Моя быстрота – и шаги триглада, о которых воины вроде Гаррета понятия не имели, – помогала мне занять самую выгодную позицию. Гаррету становилось все труднее отражать мои атаки, а я мог с легкостью танцевать за пределами его досягаемости. И у меня обнаружилась природная склонность к двум другим воинским искусствам гентхаев: верховой езде и стрельбе из лука.

Меня познакомили с моей верховой – черной кобылой по кличке Ларас, с пестрым крупом и белой отметиной под правым глазом. Она была быстроногой, чуткой и охотно мне подчинялась, поэтому вскоре я уже мог мчаться полным галопом, петляя между деревьями густого леса.

Еще я быстро овладевал коротким луком и к концу месяца так же точно попадал в цель из седла, как с земли. Моя уверенность росла не по дням, а по часам, я все больше и больше чувствовал себя воином-гентхаем.

– Говорят, твой отец великолепно владел луком, Лейф, – сказал Гаррет. – Похоже, ты унаследовал его дар. У тебя природные склонности бойца, и я доволен твоими успехами: тренировки длились недолго, но ты хорошо справился.

Я был несказанно рад услышать эту похвалу, но вскоре мои упражнения с оружием закончились.

С каждым днем Барьер становился все ближе. Я заметил, что в лесу теперь не видно и не слышно ни птиц, ни насекомых, ни зверей, хотя до недавнего времени леса кишели живностью. Деревья стали чахлыми и безлистными. Барьер вставал перед нами как огромная тварь: занавес тьмы с вкраплениями белого, кипящий, как вода в котле. Он стонал и завывал, а по ночам сиял сверхъестественными полосами огня.

У меня тревожно ныло в животе. Пришло время совершить опасный переход.

К нам явился проводник-медий с зашитыми веками и рассказал, что следует сделать. Мы пересечем Барьер пешком; лошадей через него переведут позже. Всей нашей десятке следует

завязать глаза, сказал он.

– Это ради нашего блага, Лейф, – объяснил Гаррет. – Нас будут тревожить звуки и прикосновения, но именно то, что видят люди внутри Барьера, вызывает у них приступ воющего безумия.

Я посмотрел на него и кивнул. Почти семи футов ростом, с головы до ног одетый в плетеную кольчугу, с двумя длинными мечами на бедрах, Гаррет выглядел устрашающе. Мне дали легкую плетеную кольчугу и короткий меч, который я носил в ножнах за плечом. Другие восемь гентхаев были самого разного возраста – от седых ветеранов за пятьдесят до юношей едва старше меня.

Нам предстояло пересечь Барьер ночью, взяв с собой немного еды в маленьких заплечных мешках.

Молодой месяц медленно опустился за горизонт, и я еще раз посмотрел на Барьер впереди. Река Медия текла нам навстречу из своего неведомого истока, на ее берегах росло несколько чахлых деревьев. Было прохладно.

Худой, с руками и ногами как спички, с осунувшимся лицом, медий тем не менее обратился к нам властно и громко:

– Через несколько минут мы выступим. Если хотите жить, не реагируйте на то, что услышите или почувствуете.

После этого он завязал нам всем глаза быстрыми точными движениями, хотя ничего не видел. Слепой поведет слепых… Но куда? – гадал я.

Мы связались длинной веревкой, обмотав ее вокруг талии, и вслед за медием пошли по берегу реки, навстречу течению. Сперва я был полон тревоги, но не слышал ничего, кроме шума реки, перекатывающейся по камням. Даже этот звук казался мне зловещим и мрачным, похожим на смех какой-то невиданной твари, ликующей при виде нашего затруднительного положения.

Стояла холодная ночь, и первое странное ощущение, которое я испытал, – это словно кто-то принюхивается рядом с моим лицом. Я почувствовал дуновение теплого воздуха на левой щеке, похожее на дыхание существа, внимательно меня исследующего.

«Это медий? – с подозрением подумал я. – Может, медии преувеличивают опасность перехода, пытаясь с помощью подобных трюков добиться, чтобы их больше уважали за их сокровенные знания?»

Внезапно воздух надо мной забурлил. Меня хлестал жестокий ветер, и я гадал – не вошли ли мы уже в Барьер. С разных сторон раздалось несколько воплей, и я понял, что мне трудно устоять на ногах.

Потом, совершенно внезапно, все стихло и успокоилось. Но когда угас последний свирепый порыв ветра, мне послышалось,

будто где-то сзади завопили. Почудилось мне это или нет?

Я услышал далекий шепот и тяжелую поступь рядом – будто к нашему отряду внезапно присоединился еще кто-то; словно у каждого из нас появился загадочный компаньон.

Все это действовало на нервы, но, делая короткие глубокие вдохи, я пытался оставаться спокойным… Хотя рука моя несколько раз поднималась к рукояти меча за плечом, все же я ухитрился сохранить самообладание, следуя наставлениям нашего проводника.

Внезапно медий закричал:

– Остановитесь и снимите повязки!

Я так и сделал и осмотрелся.

Несмотря на то что голос медия прозвучал неподалеку, я нигде его не увидел. И двое воинов-гентхаев исчезли – просто пропали в ночи. Они шли последними в нашей цепочке, и веревка, которая тянулась к талии предпоследнего, оказалась просто перерезанной. Это один из них закричал, когда его схватили? Это его вопль я слышал?

Мы все знали, насколько рискованным может оказаться переход, и вот теперь двое из нашего отряда исчезли, и нас осталось восемь. Двух живых, дышащих людей – воинов, которых я начал считать своими товарищами, – уволокли прочь, и я остро ощутил эту потерю.

Потом я оглянулся, чтобы при слабом свете звезд посмотреть на Барьер, вздымающийся в небо. Он выглядел точно так же, как с другой стороны, но лишь теперь я полностью осознал, что мы и вправду его пересекли. Впереди лежали незнакомые земли, где правили наши враги – джинны.

Как и рассказывал мне Коннит, пейзаж был очень похож на тот, который мы оставили позади. Река текла и здесь тоже, и на каждом ее берегу стояли голые безлистные деревья.

Мы провели на этом месте весь день, а на следующую ночь медий провел через Барьер наших лошадей. Все они прошли невредимыми (я с большим облегчением увидел Ларас), и теперь у нас имелись две запасные верховые, чтобы навьючить на них наш багаж.

На рассвете мы пустились в путь на север.

Все мы были вооружены до зубов. Хотя я недостаточно хорошо обращался с длинными мечами, они висели в ножнах на боках Ларас вместе с моим щитом и луком. Короткий меч и колчан со стрелами я пристроил за спиной.

Когда река начала отклоняться к востоку, мы приблизились к высокому хвойному дереву, окруженному группами серебристых папоротников. Гаррет показал налево, и мы двинулись на север,

прочь от реки.

Я недоумевал – почему мы так внезапно изменили направление. Весь день мы ехали вслед за Гарретом; в конце концов он объявил привал, и мы разбили лагерь на ночь.

На рассвете мы продолжили путешествие, но сперва Гаррет сверился с тем, что походило на карту.

– У нас есть карта? – удивленно спросил я. – Коннит сказал, что ни один гентхай не осмеливался заходить далеко за Барьер.

– Да, Лейф, у нас есть карта. Ее начертил тот, кто много раз заплывал за Барьер.

– Вы имеете в виду Торговца? – спросил я.

Гаррет покачал головой:

– Ее начертил твой отец.

4. Смерть с воздуха

Первая гхетта будет потеряна в воде; вторая свяжет двоих до самой смерти.

«Амабрамдата», Книга пророчеств гентхаев

– Мэт несколько раз путешествовал за Барьер вместе с Торговцем, – сказал Гаррет, – но в последний раз что-то пошло не так. Торговец бросил его, и Мэт вернулся один по суше, по дороге начертив эту карту.

– Он поссорился с Торговцем? – спросил я.

Гаррет пожал плечами:

– Никто не знает. Твой отец никогда об этом не рассказывал, но с тех пор он больше не работал на Торговца. Вскоре после возвращения он купил ферму, потом встретил твою мать и женился на ней. Но он отдал эту карту нам. Мы будем двигаться по пути Мэта в обратной последовательности – вот, посмотри.

Он протянул мне карту.

Я внимательно ее рассмотрел. Прямо впереди была пустыня, за ней лес. Нам предстояло переправиться через две речки. У дальнего края карты, далеко на севере, на острове посредине

широкой реки стоял город, а сразу за ним под толстой горизонтальной линией было написано «Высокая Стена», и в этой стене отмечены «Бронзовые Ворота».

– Тут нарисованы стена и ворота, значит, отец должен был туда добраться. Интересно, насколько это далеко. На карте нет никаких указаний масштаба, – сказал я.

– Туда мы и направляемся. Наверное, у нас уйдет пара недель, чтобы добраться до цели, – ответил Гаррет. – Мы надеемся взглянуть на эти ворота. Твой отец ничего не записал, но кое-что рассказал, когда передавал карту. От Западного Океана он добрался до города по реке на корабле Торговца. Та стена – крупное защитное сооружение, и мы должны ее оценить… А еще посмотреть, нельзя ли как-нибудь проникнуть через ворота. Возможно, мы решим, что лучше будет остаться по эту сторону стены и защищать ее от того, что лежит дальше к северу.

– В том городе должны быть джинны…

– Твой отец это подтвердил, и мы хотим во что бы то ни стало избежать встречи с ними. По правде говоря, Лейф, нам повезет, если мы сможем преодолеть даже малую часть пути. Если нам хотя бы удастся проверить, насколько точна карта, это уже будет ценным достижением. Когда-нибудь, если указанный на ней путь доступен, по нему сможет проследовать армия гентхаев, чтобы сразиться с джиннами.

Редкий лес вскоре закончился, и местность стала сухой и плоской.

Гаррет ревностно охранял карту, но я все-таки запомнил многое из того, что было на ней начерчено. Это место обозначалось как «Каменистая Пустыня», и мы ехали по крупному темному песку, камням, между низкими кустами.

Мы были видны издалека – легкая мишень для джиннов. Мы понятия не имели, какое обличье они могли принять теперь, после многих веков эволюции, но Ада предупредила, что джинны могут походить на насекомых, ракообразных или людей. Вне зависимости от своего вида они будут быстрыми, сильными и, вероятно, легко нас одолеют. Я содрогнулся при мысли об атакующих нас сотнях, а то и тысячах джиннов вроде Хоба. Нам ни за что не выжить… Если мы не сумеем вступить с ними в переговоры, как предложила Ада. Но какие слова мы смогли бы сказать в свою защиту? В конце концов, мы покинули Мидгард и пересекли Барьер вопреки желаниям джиннов.

Гаррет решил, что, пока мы едем через пустыню, лучше путешествовать ночью и спать днем, поэтому мы провели тревожные десять часов в мелкой низине, по очереди стоя на

страже. За все это время враг никак себя не проявил; вообще-то на широкой равнине шевелились только кустики чахлой травы, которые колыхал ветер.

Такое отсутствие жизни беспокоило нас: мы захватили провизии всего на несколько дней и рассчитывали пополнять припасы охотой. Вдалеке раздавался волчий вой, но гентхаи не едят волчье мясо.

Что еще того хуже – нигде не было источников, а наши небольшие фляги почти опустели. Кроме того, не хватало травы лошадям. Мы захватили для них маленькие мешки с кормом, но его надолго не хватит. Карта показывала, что пустыню в конце концов сменят деревья, но без указания масштаба мы не знали, когда это произойдет.

Вот почему мы испытали огромное облегчение, когда на второй день, перед самым рассветом, пейзаж начал меняться. Трава стала зеленее, и вскоре время от времени начали попадаться деревья.

На следующую ночь мы въехали в указанный на карте большой еловый лес и услышали успокаивающие звуки: вокруг в темноте шмыгали небольшие животные.

На ночь мы сделали привал, и на рассвете нас разбудил птичий хор. Сквозь птичье пение слышалось жужжание насекомых, которые безжалостно нас кусали. Воздух снова стал теплым, хотя приближалась зима и первые заморозки.

Мир за Барьером казался очень похожим на Мидгард, и я был разочарован. Я-то ожидал, что, когда мы вторгнемся на территорию джиннов, все изменится.

Вскоре мы нашли ручей и смогли наполнить наши фляги и напоить лошадей, а позже отправились поохотиться с луками на серых пушистых зверьков, которые перепрыгивали с дерева на дерево. Они как будто совсем нас не боялись и были легкой добычей. Таких созданий мы видели впервые и рискнули разжечь костер, чтобы их приготовить.

Под покровом леса я почувствовал себя в большей безопасности, надеясь, что, если поблизости и есть джинны, здесь нас труднее будет обнаружить. Кроме того, на поляне росла трава для лошадей, поэтому Гаррет решил остаться тут на несколько дней – отдохнуть, поохотиться и разведать путь.

В первый день он взял одного из воинов в пробную вылазку. Вернувшись, они сообщили, что не видели ничего, кроме уходящего вдаль леса, и по-прежнему – ни следа джиннов.

На второй день Гаррет попросил меня составить ему компанию. Он решил отправиться еще дальше: мы будем ехать, пока не угаснет дневной свет, разобьем лагерь на ночь и вернемся

на следующий день.

Мы скакали до заката, но не обнаружили ничего нового, а потом, как и собирались, устроились на ночлег. После ужина, когда мы смотрели в пламя костра, Гаррет заговорил, не глядя на меня, и его слова потрясли меня до глубины души.

– Я не думаю, что вернусь обратно через Барьер, Лейф, – сказал он. – По-моему, я умру здесь.

Прошло несколько мгновений, прежде чем я смог придумать вразумительный ответ.

– Вы чувствуете приближение смерти? – спросил я.

Он кивнул:

– Да, остро чувствую. Последние четыре ночи я видел один и тот же сон, и он всегда заканчивался одинаково.

– Не хотите рассказать мне о нем?

– Может быть, позже. Но я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Есть женщина, с которой я время от времени встречался и надеялся, что однажды мы поженимся. Ее зовут Мейра. Коннит расскажет тебе, где ее найти. Мне бы хотелось, чтобы ты, вернувшись к племени, отдал это Мейре. Скажи, что это от меня.

Он протянул мне какой-то предмет.

Нахмурившись, я взял маленький клочок волчьего меха, кое-как сшитый в виде треугольника.

– Что это? – спросил я.

– Так называемая гхетта. Знак любви, который мужчина традиционно преподносит женщине, когда просит выйти за него замуж и присоединяется к ее семье. Обычно мужчина лично передает его женщине, из рук в руки. Но я не верю, что вернусь. Это мой способ попрощаться и надежда на то, что она будет меня помнить.

– Если вам от этого станет легче, я его сохраню, – сказал я, – но вы сами отдадите его Мейре, я уверен.

Гаррет кивнул; губы его изогнулись в улыбке. Однако рассказанное им меня встревожило. Гаррет был самым сильным, самым уверенным из нас – скала, на которую мог положиться наш маленький отряд. Если он готовится умереть, возможно, никто из нас не выживет. И тогда я никогда не вернусь домой, никогда больше не увижу Квин.

На следующее утро мы молча поехали обратно через лес, сосредоточившись на том, что происходило вокруг нас и дальше, впереди, в особенности на звуках леса.

Но не звук предупредил нас о том, что что-то не так.

Нас предупредила тишина.

Весь лес – ветви, сучья, листья, маленькие птички и зверьки –

внезапно полностью застыл. Из живых существ двигались только мы, только мы издавали звуки. И мне показалось, что звуки эти становятся все громче; каждый удар копыта по земле стал похож на раскатистый удар барабанной палочки по туго натянутой коже.

Когда же мы приблизились к лагерю, я почуял то, что наполнило меня ужасом, из-за чего желчь подступила к горлу. Металлический запах крови и сладкую вонь гниения. Впереди была смерть, я это знал.

Мы въехали в лагерь, и все мои страхи подтвердились.

Шестеро наших товарищей были убиты.

Я и раньше видел смерть. Я видел, как воинов и детей рвали на куски вервейты; видел, как мужчин, к которым я относился тепло, убивали на Арене 13. Но тут случилось нечто другое – то, чего я никогда еще не переживал.

Сперва мы держались осторожно, не приближаясь к трупам. Но мы видели куски плоти, со страшной жестокостью оторванные от тел. Только короткие плетеные кольчуги и шлемы выдержали атаку; пеньковые штаны исчезли, и на костях почти не осталось плоти.

Кто мог сотворить такое?! Какая-нибудь разновидность волка?

Мы объехали вокруг лагеря в поисках следов и наконец были вынуждены осмотреть тела. Гаррет первым взялся за дело, и я заставил себя опуститься на колени рядом с каждым убитым по очереди. Я пытался задержать дыхание, чтобы не ощущать вони; потом безуспешно пытался зажать уши, услышав, как рвет Гаррета.

Куски кожи и плоти, оставшиеся на трупах, имели зеленоватый оттенок. Глаза отсутствовали, глазницы были в трещинах, как будто в них вогнали что-то острое. Были отщеплены маленькие кусочки кости.

Я понял, что этим воинам даже не дали времени обнажить оружие, и хотя гентхайских лошадей обучают оставаться рядом со всадником, если он падет в битве, лошади исчезли без следа. Остались только отпечатки копыт, ведущие в разных направлениях. Что испугало лошадей и погнало прочь?

Наверное, я был в шоке и не замечал всех деталей сцены, потому что лишь спустя некоторое время заметил рассыпанные по лагерю сосновые иголки. Они лежали даже на телах. Я в замешательстве посмотрел вверх, потом повернулся к Гаррету и показал ему на вершины деревьев. Кроны потеряли почти все иглы, сучья и даже маленькие ветви. Гаррет уставился вверх, качая головой. Судя по его лицу, он был в недоумении.

Я не знал ни одной птицы или другого летающего создания, способного нанести такие раны – и это объясняло, почему никто из людей не смог вытащить оружие. Их атаковали быстро, по-видимому, бесшумно и оттуда, откуда они никак не ожидали нападения.

– Смерть явилась с воздуха! – мрачно сказал Гаррет. – Думаю, джинны нас нашли.

5. Серый город

Воин может стать королем;
король должен быть рожден воином.

«Амабрамдата», Книга пророчеств гентхаев

Лейф

Мне было страшно. Я боялся не за себя и не за Гаррета. Теперь я боялся, что мы не сможем выполнить свою миссию.

Пока мы путешествовали по здешним землям, я ожидал, что враг может появиться откуда угодно, но все было таким нормальным, что это внушило мне ложное ощущение безопасности. И вот появилась новая угроза, еще невиданная.

«Мог ли наших товарищей убить некий крылатый джинн?» – размышлял я. Ада никогда о таких не упоминала, но ведь джинны могли измениться как угодно. Враг в любое время мог снова нанести удар, и я мало верил, что мы намного лучше тех шести воинов.

Но я не желал сдаваться и поворачивать назад – мы еще так мало узнали! Я боялся, что Гаррет объявит о конце экспедиции, мне же хотелось добраться до самой Высокой Стены – дальней отметки на карте моего отца.

Я беспокоился зря.

– Мы должны продолжить путь, – сказал Гаррет. – Но сперва позаботимся о наших погибших.

Наверное, неразумно было устраивать погребальный костер, но именно так поступали гентхаи, и дерева здесь имелось предостаточно. Гаррет хотел убраться подальше от лагеря до наступления ночи, и, вместо того чтобы по обычаю подождать заката, мы зажгли костер немедленно и наблюдали, как пламя поглощает тела.

– Мне невыносима мысль, что они никогда больше не увидят свои семьи. Никогда больше не будут сидеть в зале совета. Никогда не вернутся домой. У них отняли жизнь, и я чувствую, что часть меня ушла вместе с ними. У меня было видение собственной смерти, но я никогда не видел такого… – прошептал Гаррет.

Я отошел от него и начал сердито расхаживать по поляне, наблюдая, как искры летят в небо, словно души, поднимающиеся на небеса.

Потом, перед самым закатом, мы поехали на север, дальше по пути, обозначенному на карте моего отца. Нигде не видно было ни следа лошадей, ускакавших с поляны.

Лес казался бесконечным, и мы продвигались медленно и с трудом. На десятый день после пересечения Барьера, сразу после рассвета, мы с облегчением увидели к северу Серый Город. На юго-восточном конце большой горной цепи высился конусовидный холм, и город стоял на узком плато на середине этого холма. Похоже, здания в городе были сложены из серого камня, и даже издалека было заметно, что они обветшали.

– Мне бы хотелось взглянуть на город поближе, – сказал я в надежде, что нечто новое, придя на смену монотонному путешествию через лес, сумеет отвлечь меня от болезненных мыслей.

Я больше сошелся с Гарретом, чем с остальными шестью воинами, но теперь скучал по ним и все время видел их тени между деревьями – воображение играло со мной странные шутки.

– Я тоже этого хочу, Лейф, поэтому давай так и поступим. Если окажется, что город населен, подберемся как можно ближе, но так, чтобы нас не заметили. Если он заброшен, осмотрим его весь. В любом случае узнаем что-нибудь новое о здешней земле. А если мы туда поднимемся, с высоты будет удобно осмотреть места впереди. Может, мы увидим, где кончается лес и даже Высокую Стену и ворота.

Но мы подошли к подножию первого из холмов только к середине дня. По моим расчетам, на подъем до Серого Города уйдет минимум час – и еще не меньше часа, чтобы оттуда спуститься: значит, на исследование останется всего пара часов.

«К закату мы должны вернуться под прикрытие деревьев», – подумал я, нервно глядя в небо.

Может, сосновый лес и стал казаться монотонным, но даже сознавая, что он не может по-настоящему защитить от врагов, я чувствовал себя лучше с балдахином крон над головой. Под открытым ночным небом на склоне холма мы будем легкими

мишенями.

Итак, мы привязали лошадей и начали подъем, на который ушло больше времени, чем я предполагал. Мы не хотели рисковать, оставляя внизу плетеные кольчуги и кожаные доспехи, к тому же у нас были короткие мечи, поэтому вскоре вспотели и запыхались на полуденной жаре. Гаррету пришлось нелегко в его кольчуге.

Оставив далеко внизу последний низкий куст, теперь мы шагали по камням и неплодородной земле, на которой едва могла пробиться трава. Город как будто не приближался, но уже стало ясно, что он лежит в руинах. Он не был таким большим, как нам сперва показалось, но теснившиеся друг к другу дома громоздились ярусами, похожими на гигантские ступени.

Прошло почти три часа, прежде чем мы добрались до первых зданий, образовавших каменную террасу – непреодолимую стену. Однако мы медленно продвигались на юго-запад, пока не вышли к узкому проходу, где крутые ступеньки вели почти в полную темноту.

Сперва казалось, что они уходят в один из домов, но потом я увидел высоко вверху голубое небо и понял, что это узкий проход между зданиями, который легко защищать от незваных гостей. Здесь не было никакой стражи, и тягостную тишину нарушало только жужжание насекомых и стук наших подошв по древним камням.

Постепенно проход начал расширяться, подъем стал не таким крутым…И вот мы вступили на просторный внутренний двор, со всех сторон окруженный зданиями из серого камня, которые уступами высились друг над другом.

Теперь стало слышно, как где-то наверху свистит и стонет ветер, но в нашем убежище воздух был тихим и неподвижным. Половину двора уже накрыла тень, и пальцы тьмы тянулись к нам – солнце опускалось к западу.

Земля здесь поросла ярко-зеленым мхом, но мы не видели никакой другой растительности, наверное потому, что почва лежала слишком тонким слоем.

Мы с Гарретом молча двинулись прочь от теней, направляясь к ближайшей стене. Там гентхай вытащил из-за пояса кинжал и выдолбил в камне дыру. Серые куски отвалились, обнажив красный песчаник; казалось, каждый камень здесь покрыт коркой такого серого налета.

– Будь мы ближе к морю, я бы подумал, что серый налет – это гуано, – сказал Гаррет.

Далеко на севере Мидгарда, рядом с Морскими Воротами, каменистые береговые районы поставляли экскременты морских

птиц, богатые фосфатами и превосходно удобрявшие пахотные земли тамошних ферм. У Дейнона был дядя, оставивший свою маленькую ферму к югу от Джиндина, чтобы поискать удачи на севере; он преуспел, собирая и продавая гуано.

– Может, мы ближе к морю, чем думаем? – предположил я.

– Если верить карте – нет, – ответил Гаррет. – И я бы наверняка его почуял. У меня чутье на океан.

– Ну и какие же птицы могли это наметать? – спросил я, показав вверх.

– Если уж на то пошло, где в домах окна? – задал свой вопрос Гаррет.

Я кивнул:

– Да, я тоже об этом подумал. Вообще-то тут даже дверей маловато.

Все двери, которые мы видели, были закрыты каменными блоками, вырезанными в точности по размерам проемов.

– Зачем понадобилось замуровывать входы? – удивился Гаррет.

Я пожал плечами:

– Может, тут была чума и жители превратили дома в могилы. А может, это их ответ на какие-нибудь пошлины. Тайрон рассказывал, как много лет назад Протектору понадобилось собрать деньги, и он ввел в Джиндине пошлины на окна. Многие люди просто заколотили почти все свои окна – ничего, им хватит и оставшегося дневного света.

Это не вызвало на губах Гаррета даже намека на улыбку. Я вспомнил, что в деревянных домах Джиндина легко было заколотить окна; совсем другое дело здесь – если прикинуть цену камня и вложенный в его обработку труд.

Но, пройдя шагов шестьдесят к северу, мы набрели на первый открытый дверной проем. Мы шагнули в него и поняли: то, что снаружи казалось отдельными жилищами, на самом деле представляло собой длинные общие дома. Внутри пахло пылью и разложением, помещение тянулось в кромешную темноту.

– Чуешь? – спросил Гаррет, потянув носом. – Тут лежат мертвецы.

Я кивнул. Впереди были только кости и разложение. В городе остались лишь мертвые; никто не выжил, и почтить останки остальных было некому. Без сомнения, все погибли от какой-то болезни или мора.

Я шагнул наружу, заморгал на ярком свету и глубоко вдохнул свежий воздух.

Прямо на глазах свет потускнел, на северной стене двора появились новые тени. Теперь я впервые увидел вырезанные в

камне ступеньки – они вели вверх по склону горы – и показал на них Гаррету.

– Подъем не займет много времени, – сказал он, смерив их взглядом. – И с вершины должен открыться хороший вид. Надо посмотреть, что там впереди.

Подъем оказался трудным и небезопасным – ступени были узкими и истертыми, но открывшийся перед нами вид стоил того. Мы очутились на вершине верхнего яруса зданий, откуда смогли отлично разглядеть все, что лежало к югу, востоку и северу отсюда.

На юге и востоке зеленел океан деревьев, вдалеке на севере мы увидели огромную реку, извивающуюся по равнине, а за ней – бледно-пурпурные холмы. Задолго до реки лес уступал место лугу. Это была первая из двух рек, обозначенных на карте, обе они текли с запада на восток.

– Еще два-три дня – и мы окажемся на речном берегу, – сказал я. – Отец отметил на карте брод.

– Тогда будем надеяться, что там не слишком глубоко, – отозвался Гаррет. – Иногда даже брод бывает непреодолимым.

Нахмурившись, я показал на восток: там на горизонте виднелась гряда туч.

– Похоже, на нас идет гроза.

Богатырь некоторое время всматривался туда, потом тоже нахмурился. У Гаррета было исключительно острое зрение, но он покачал головой:

– Тучи выглядят странно, Лейф, и я не уверен, движутся они на нас или на юго-запад. Мне бы не хотелось, чтобы буря застигла нас на горном склоне.

В этот миг солнце скользнуло за гору, внезапно резко похолодало. Двор внизу выглядел так, будто там уже наступила ночь, хотя оставалось еще несколько светлых дневных часов.

Мы почти сразу начали спускаться. Хотя я не говорил об этом Гаррету, я чувствовал: надо торопиться и как можно скорей убраться из этого опустошенного места. В воздухе веяло чем-то таким, что пробирало меня ознобом до самых костей. Мои инстинкты тревожно вопили, что должно произойти нечто ужасное.

Внизу, в укрытом от ветра дворе, было намного теплее и не чувствовалось ни единого дуновения ветерка. Все стихло, словно затаив дыхание.

Именно тишина и спасла нас, потому что мы услышали нарушивший ее звук – тихий, еле уловимый. Это было предупреждение, похожее на слабое шуршание сухих листьев.

Потом, когда звук стал громче, я понял, что это такое. Плеск крыльев, яростные взмахи тысяч и тысяч крыльев. Не это ли услышали наши погибшие товарищи, прежде чем смерть явилась к ним с небес?

Мы бросились бежать, держась возле левой стены и направляясь к ближайшему открытому дверному проему. Когда Гаррет нырнул внутрь, я оглянулся и увидел темную бурлящую тучу крылатых созданий: они вылетали из открытых дверей высоко в стене и опускались по спирали во двор. Существа больше смахивали на летучих мышей, чем на птиц, но я никогда не видел таких больших летучих мышей, и головы у них были какие-то диковинные, похожие на головы насекомых.

Потом случилось нечто очень странное: туча уменьшилась в размерах и приняла отчетливые очертания длинного изогнутого листа, похожего на лист серебристого папоротника.

Секунда – и лист исчез.

«Мне почудилось?» – недоумевал я.

Я бросился за Гарретом в сумрак дома, а после – в чернильную темноту коридора. Чувствуя смерть за своей спиной, я не отставал от него ни на шаг, вытянув в сторону правую руку, чтобы ощупью находить путь вдоль стены.

Вдруг я увидел впереди силуэт Гаррета. Свет исходил из другой двери, ведущей во двор. Но почти напротив первого дверного проема мы увидели второй, наполовину загороженный большим камнем.

Шагнув в него, мы очутились в маленьком, не больше тюремной камеры, квадратном помещении с единственным входом, и в неярком свете разглядели, что камень имеет форму диска.

Не обменявшись ни единым словом, мы навалились плечом на его край. Камень не поддавался, и я ощутил мгновенный приступ паники. Я отчаянно напрягся, пытаясь сдвинуть его и слыша, как Гаррет стонет от натуги. Я же всхлипывал от страха, ожидая, что в любой миг меня разорвут на клочки.

Вдруг камень поддался, и мы покатили его вдоль дверного проема, чтобы запереться внутри. Едва сдвинувшись с места, диск пошел легче: его направляли канавки в полу и на потолке. Спустя несколько секунд камень перекрыл вход, и мы затаились в темноте, слыша только собственное дыхание.

Но вскоре раздались и другие звуки: шуршание, а после царапанье по другую сторону камня, который покачивался, словно на него навалился некий чудовищный вес. Постепенно движение прекратилось, все затихло, и мы в конце концов устроились на холодном каменном полу отдохнуть.

Ночь оказалась долгой. Мы спали по очереди. В чернильной темноте было трудно уследить за ходом времени, поэтому мы ждали…И снова ждали, чтобы точно знать – давно наступило утро, – прежде чем рискнуть выйти.

И все равно откатывать камень было опасно. Мы надеялись, что те хищники – существа ночные, но не могли знать наверняка. Но нельзя же вечно оставаться в камере без воды и еды!

И мы осторожно откатили камень, мало-помалу, делая остановки, чтобы прислушаться – нет ли снаружи чего-нибудь угрожающего.

И вот наконец мы стоим посреди двора, с благодарностью чувствуя тепло солнца на головах и спинах.

Не теряя времени зря, мы покинули Серый Город и стали быстро спускаться с горы.

Наши лошади были все еще привязаны к деревьям, но от обеих остались только скелеты с несколькими лоскутами плоти и кожи; мало что уцелело от голодного неистовства тварей. Даже наши седельные сумки оказались разорваны, а их содержимое сожрано. Однако фляги с водой уцелели, как и наше оружие.

Я был ошеломлен. В отличие от большинства воинов-гентхаев, которые обращались с лошадьми хорошо, но обращали на них мало внимания, я успел привязаться к своей кобыле. Ужасная смерть Ларас стала для меня тяжелым ударом и, как ни странно, потрясла меня даже сильнее, чем смерть товарищей.

– Туча, которую мы видели вдалеке, наверное, была стаей этих созданий, – сказал Гаррет. – Но где они теперь?

– Они могли рассесться где-нибудь в городе. Возможно, они кормятся только ночью? – предположил я.

Мы собрали бóльшую часть нашего оружия, в первую очередь луки и стрелы, которые давали нам возможность прокормиться. Но два своих длинных меча я оставил: их тяжело было нести и я лучше управлялся с коротким мечом и щитом.

И вот мы продолжили путь на север, идя днем и отдыхая ночью. Ночи были хуже всего, потому что я боялся нападения с неба и едва мог спать, хоть Гаррет и стоял на страже.

Стояла глубокая ночь, когда я в тревоге открыл глаза. Все было спокойно. В кромешной темноте я едва мог разглядеть свою руку, поднеся ее к лицу.

Я внимательно прислушался, ожидая услышать дыхание Гаррета. Ничего. Сейчас он стоял на часах, и я мог всецело на него положиться: он наверняка никуда бы не ушел…Я подумал, не окликнуть ли его тихонько, но даже это было опасно. Малейший шум мог привлечь джиннов или тех летающих тварей.

Я выкатился из-под одеяла и медленно встал на колени, все еще прислушиваясь. Сердце мое упало, когда где-то в небе, над верхушками деревьев, раздались далекие звуки. Они становились громче, и теперь не осталось сомнений: это хлопали мириады крыльев.

– Гаррет! Гаррет! – закричал я. Необходимость сохранять тишину больше не сдерживала меня.

Гаррет не ответил. А может, ответил, но его ответ утонул в неистовом хлопанье крыльев, врезающихся в листья, сучки и ветки, чтобы после снова и снова ударять по моему телу.

Меня словно парализовало. Слишком поздно я попытался обнажить меч – но уже не смог шевельнуть рукой.

Потом ударила резкая боль: словно мне в глаза, живот, руки и ноги глубоко вгоняли иглы. Острые клювы впивались в мое тело и отрывали куски моей плоти. Я сделал бы что угодно, лишь бы спастись от этой боли, и воззвал к смерти, чтобы она меня забрала.

И вдруг воцарилась тишина, я почувствовал, что меня осторожно трясут и голос Гаррета тихо окликает меня по имени.

Открыв глаза, я с бесконечным облегчением понял, что это был просто один из ночных кошмаров, которые часто беспокоили меня с тех пор, как мы пересекли Барьер.

Я сел. С меня катился пот, и Гаррет сочувственно похлопал меня по спине, потому что я рассказывал ему о своих кошмарах:

– Еще один плохой сон, Лейф? Тот же самый?

– Да, он всегда повторяется.

Я знал, что Гаррету тоже снятся кошмары. Он так и не рассказал мне о своем сне, который заканчивался его смертью, но я знал, что он сделает это, когда будет готов.

– Если они явятся за нами в темноте, остается надеяться, что мы сумеем убить друг друга. Если я окажусь слишком медлительным, – сказал с улыбкой Гаррет, – тебе придется убить двоих. Не подведи меня.

6. Смерть

В видении девушка носит красные ботинки. Ее ноги забрызганы артериальной кровью. Это может быть ее кровь.

«Амабрамдата», Книга пророчеств гентхаев

Квин

Я открыла глаза и с внезапной острой болью вспомнила, что Лейфа здесь больше нет. Он ушел больше месяца назад, и я по нему скучала.

Отчасти мне хотелось попросить, чтобы он не уходил, но я понимала, что совершу ошибку. Экспедиция за Барьер отправилась бы с ним или без него, а если он уступит свое место, то будет сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Я знала: он гордится тем, что его выбрали, и верит, что раздобудет сведения, которые помогут нам уничтожить Хоба.

Потом я вспомнила, что сегодня мой день рождения. Это и обрадовало, и опечалило меня.

Я была счастлива, что мне семнадцать – я еще на год приблизилась к тому, чтобы стать взрослой. А когда это произойдет, отец, надеюсь, перестанет обращаться со мной как с ребенком. Мне хотелось, чтобы он обращался со мной так же хорошо, как с Адой и Тиной. В восемнадцать лет я стану совершеннолетней, и он больше не сможет отказать мне в уважении. Остался всего один год!

Но этот день всегда был в то же время и печальным событием: в мой первый день рождения умерла моя мать. Я пыталась представить ее лицо: отец говорил, что я на нее похожа. Я не помнила ее, но мама жила в моей памяти благодаря

историям, которые он рассказывал мне и Тине, когда мы были детьми.

Я быстро оделась и села перед зеркалом. Первым делом я взглянула на номер 13, который вытатуировала на лбу. Много лет назад, задолго до рождения отца, бойцы Арены 13 наносили такие татуировки как символ гордости, знак того, что они должны продемонстрировать миру. На пряжке отцовского пояса красовался такой знак, но ему никогда и не снилось, что я сделаю такой же на своем лице. Он был в таком шоке, когда впервые увидел мой лоб!

Я пристально посмотрела на девушку в зеркале и задала обычный вопрос:

– Девушка в зеркале на стене,

Кто всех быстрее, поведай мне?

Я наблюдала, как ее губы зашевелились, когда мы ответили вместе:

– Квин!

Это была часть более длинного ритуала, через который я проходила перед битвой, чтобы успокоить нервы и укрепить веру в себя.

Потом я спустилась к завтраку.

Ада уже была внизу; она подошла ко мне и обняла.

– С днем рождения, Квин! – Она с улыбкой протянула мне сверток. – Открой его позже, и, если тебе не понравится, не бойся мне об этом сказать. Мы сможем вместе вернуться в магазин и обменять подарок на что-нибудь другое.

Я ответила улыбкой на улыбку:

– Спасибо, Ада. Я уверена, что он окажется идеальным.

Я внимательно посмотрела на нее. В последнее время Ада казалась гораздо счастливее, но я знала, что она все еще скучает по своему мужу Талу, которого убил на арене Хоб. Она до сих пор выглядела не старше своих тридцати с небольшим лет. Я слышала истории о других дважды рожденных, которых покупали у Торговца – их души были заключены в фальшивую плоть. По меньшей мере один из таких людей быстро состарился и умер, не прошло и года, но Ада пока казалась совершенно здоровой и все еще молодой.

Тут вошли отец и сестра. Оба они принесли подарки, с виду очень маленькие, и я гадала – что же такое в свертках.

На отце начал сказываться возраст, и это меня огорчало. Я хотела, чтобы он оставался в расцвете сил, но понимала, что однажды он станет стариком. Морщины на его лице сделались глубже, но хуже всего была печаль в его глазах. Спустя столько лет он все еще скучал по моей маме, и годовщина ее смерти

всегда заставляла его тосковать. Она стала жертвой осеннего гриппа, который пронесся по Джиндину, погубив сотни жителей.

– С днем рождения, Квин, – сказал отец, расцеловал меня в обе щеки и быстро обнял. Потом протянул мне маленький сверток: – Здесь то, что принадлежало твоей матери…

Я начала открывать подарок, но он покачал головой и положил на мою руку ладонь:

– Откроешь позже, когда останешься у себя в комнате. И пожалуйста, надень это вечером на свой праздник.

Я сказала «спасибо», потом обнялась с Тиной и поблагодарила ее за подарок, решив открыть позднее и его тоже.

Мы все уселись завтракать, в том числе сын Тины Робби – светловолосый бледный и грустный малыш. Как обычно, я всячески старалась его развеселить, но добилась только легкой улыбки.

Я не предвкушала вечеринку в честь моего дня рождения – мне не нравилась вся эта суета, – но у меня не хватало духу жаловаться, потому что праздник радовал отца. Кроме того, придут всего несколько членов семьи и близких коллег.

Прежде чем отправиться на работу, я поднялась в свою комнату, чтобы открыть подарки. К своему ликованию, я увидела, что Ада купила мне пару мечей-тригладиусов для боя на арене. Рукояти был изукрашены, клинки идеально сбалансированы; наверное, они стоили целое состояние. Я еще не открыла остальные подарки, но этот наверняка станет самым лучшим… Но это не значит, что я кому-нибудь об этом скажу!

Потом я открыла подарок Тины. Она хотела мне угодить, но такое я бы сама не выбрала. Она, без сомнения, ожидала, что я надену это длинное темно-бордовое платье с кружевами у ворота и на подоле на сегодняшний праздник. Я и вправду носила платья, но предпочитала короткие и облегающие, обтягивающие тело, которое (хоть и не годится себя хвалить) я довела до совершенства. Я не из тщеславия работала над тем, чтобы оно оставалась таким. На мне не было ни унции жира, и каждый мускул был натренирован с тем, чтобы служить мне на Арене 13.

Тина так и не оправилась после смерти своего мужа Керна, которого, как и Тала, убил на арене Хоб. У нее все еще было слабое здоровье, и я не хотела ее огорчать. Вечером я стисну зубы и ради нее надену это платье.

В конце концов я открыла отцовский сверток. Там оказалась единственная сережка в виде крошечного белого волка, красиво сработанная из серебряного сплава. К подарку прилагалась записка: «Я подарил это твоей матери Джаканде как символ моей любви много лет назад, в день, когда мы поженились. Сережек

было две, но вторая пропала, и осталась только эта. Пожалуйста, носи ее. С любовью, твой отец Тайрон».

Уши у меня были проколоты, но я редко носила ювелирные украшения. Для этой сережки я сделаю исключение.

Я осторожно вставила ее в левое ухо – с той стороны, где я коротко стригла волосы, чтобы они не закрывали шрам. Потом рассмотрела в зеркале свое лицо. Маленький волк поблескивал в солнечном свете поздней осени, почти горизонтально струившемся в окна.

Я ошиблась. Это было даже лучше мечей.

Я всегда буду ее носить.

Я пошла через город к административному зданию. Отец, самый успешный механик Джиндина, имел самую большую команду бойцов и лаков, и это часто требовало от меня тяжелой утренней работы. Временами ее становилось так много, что она отнимала еще и солидную часть дня. Но сейчас, во время перерыва между сезонами, сражений в Колесе не было, и я думала, что все обойдется малым: просто пара унылых часов возни с бумагами, в том числе с зарплатными ведомостями, а потом я смогу вернуться домой и потренироваться.

Административное здание – большое, вытянутое, двухэтажное – выкрасили снаружи в серый цвет, что очень подходило к происходившим в нем скучным делам.

Когда я к нему подошла, сердце мое упало. И мне стало еще хуже, когда я увидела, кто ждет меня на улице. Джон, который был моим бойфрендом до Лейфа. Джон красавец, и когда-то я сходила по нему с ума, но все это осталось в прошлом. Теперь я была с Лейфом и никогда не смотрела на других парней. К несчастью, Джон все еще думал, что может меня вернуть.

Приблизившись, я увидела, что он держит сверток.

– С днем рождения, Квин! У меня есть для тебя подарок, – сказал Джон.

Я заколебалась. Если я откажусь, это ничего не изменит. Я не хотела его поощрять, но совершенно не хотела оскорблять или причинять боль.

– Она новая, – сказал он, взглянув на мою сережку. – Подарок от Лейфа?

Я покачала головой. Лейф ничего не подарил мне перед тем, как уйти за Барьер. Я слегка обиделась – в конце концов, он же знал, что до моего дня рождения осталось всего несколько недель, – но всерьез не винила его: он был так захвачен приготовлениями к отъезду. Может, он вспомнит о подарке, когда вернется.

В любом случае, в прошлом году он купил самый лучший подарок в моей жизни – пару красных ботинок «триг» для сражения на Арене 13.

– Нет, это от отца, – ответила я.

– А что купил тебе Лейф? – не унимался Джон.

– Прости, Джон, мне надо идти. У меня сегодня много дел.

– Если он не вернется, Квин, я хочу, чтобы ты знала – я всегда буду с тобой.

– Он вернется, Джон, не сомневайся! – сердито огрызнулась я и рванулась мимо него в здание, игнорируя протянутый сверток.

Гнев послужил мне топливом для работы. Никогда еще я не разбиралась со счетами и балансами так быстро. Потом я вернулась домой для энергичной тренировки в зале, который обустроил отец; размерами и формой зал был точной копией Арены 13.

Я работала с новым лаком. Ада для меня ввела в него шаблоны, и трудиться приходилось немало. Большую часть дня я провела танцуя позади лака, совершенствуя Улум – звуковой код, который давал нам возможность общаться во время боя, – а Ада наблюдала за нами. Вы общаетесь со своим лаком, топая по полу, и стук говорит ему, какую позицию занять и какой маневр выполнить. У каждого бойца есть свой личный, уникальный код, чтобы противник не смог его понять.

Под конец я танцевала перед лаком, как при атаке, пытаясь избавиться от все еще кипевшего во мне гнева. Я знала, что Лейф не виноват и выполняет важную миссию, но обстоятельства отобрали его у меня, да так быстро, что он даже не подумал о моем дне рождения.

Все шло хорошо, и Ада была довольна увиденным, но в конце концов объявила о завершении тренировки:

– На сегодня достаточно, Квин. Пора готовиться к твоему празднику!

Я скорчила гримасу, хотя знала, что она права. Мне хотелось сделать все возможное ради отца и сестры, поэтому я спустилась, чтобы умыться и переодеться в подаренное Тиной платье.

Праздник запомнился мне не очень хорошо. Я все еще сердилась, но мне пришлось улыбаться и казаться веселой. Может, я выпила слишком много пунша, или он был крепче обычного – но как бы то ни было, вечер пролетел быстро. Я помню, как танцевала с молодым человеком, которого мне представили впервые – он и его родители были на нашем празднике неожиданными гостями. Парня звали Гудвин, и он уделял мне много внимания.

После праздника отец отвел меня в свой кабинет. Такое случалось редко, и я поняла – он хочет сказать мне что-то важное. Я гадала, не выставила ли себя дурочкой на празднике и не собирается ли он меня отчитать. Но когда я уселась лицом к нему по другую сторону стола, он тепло улыбнулся, и я поняла, что неприятности мне не грозят.

Как обычно, отец прихлебывал из бокала красное вино.

– Похоже, нынче вечером ты отлично провела время, – сказал он.

– Было весело. Спасибо за праздник…И еще раз спасибо за подаренную сережку, – сказала я, прикоснувшись к ней.

– Молодой человек, с которым ты танцевала…

– Ты имеешь в виду Гудвина?

Хотя по большей части я была с Гудвином, я танцевала еще и с одним из сыновей Воуда.

– Да, юного Гудвина. Его родители только что сделали официальное предложение о помолвке. Он их старший сын. Они пришли сегодня на праздник, чтобы оценить тебя и твою семью, и увиденное им понравилось.

Я была ошеломлена. Некоторые из богатейших семей Джиндина все еще верили в браки по расчету. Это был способ консолидировать богатства: старший сын наследовал бóльшую их часть, и вкупе с приданым невесты это помогало сохранить положение в обществе.

– Я отказываюсь! – сказала я, встав и чувствуя, как лицо мое горит от гнева.

– Конечно, отказываешься. Пожалуйста, сядь, дочка, и выслушай до конца то, что я должен сказать, – спокойно проговорил отец.

Я села и сделала глубокий вдох, стараясь совладать с гневом:

– Я люблю Лейфа и надеюсь, что однажды мы поженимся!

– Знаю… Когда-нибудь я буду счастлив, стоя рядом с тобой, дать вам обоим мое благословение. Я прошу лишь одного – чтобы ты была вежлива с Гудвином. Сейчас вы познакомились. Тебе нужно только еще дважды побыть в его компании – и тогда мы сможем ему отказать. Зачем его расстраивать? Его родители хорошие люди, рано или поздно он будет для кого-нибудь превосходным мужем…

– Но не для меня! – огрызнулась я.

– Конечно, не для тебя, Квин. Но зачем его обижать? На следующей неделе его родители устраивают прием и пригласят нас. Через неделю состоится третья вечеринка, на нейтральной территории. Все, что ты должна сделать – потанцевать с Гудвином и побеседовать с ним. Нынче вечером тебе это, похоже, не было в

тягость. А после мы сможем дать вежливый официальный отказ. Ты сделаешь это ради меня?

Отказаться было трудно. Отец Гудвина являлся совладельцем одного из самых больших игорных домов. Чтобы объединить город и скрепить альянс с гентхаями, Тайрону требовалось удержать такого человека на своей стороне.

Я вздохнула и кивнула, соглашаясь. Но это был не лучший конец моего дня рождения.

7. Каменный мост

И они пришли наконец ко второй реке, и увидели, что карта была верна. И там они увидели истинное чудо – мост, построенный из камня. Не без оснований его потом назвали Мостом Сожалений.

«История Конфликта», Эйтель Пессимист

Лейф

Теперь нам пришлось идти пешком, и только спустя три дня мы добрались до реки, которую видели с высоты над Серым Городом.

Моста здесь не было, но река оказалась широкой и мелкой; в некоторых местах вода доходила нам лишь до лодыжек. Мы легко перешли ее вброд, а после, не останавливаясь, продолжили путь на север.

Мы углубились во второй еловый лес, но местность оказалась холмистой, и нам мешали глубокие коварные овраги, тянущиеся с востока на запад. Пришлось потратить много дней на то, чтобы вернуться и поискать обходной путь. Карта была начерчена без масштаба, поэтому не указывала четкого пути через лес.

Каждый вечер, перед самым закатом, мы останавливались, и Гаррет аккуратно вносил в карту поправки, стараясь добавлять детали к рисунку, который раньше изображал только общие очертания. Был учтен каждый овраг и отмечен самый быстрый и самый прямой путь на север.

Карта показывала горы и Серый Город; рядом с последним Гаррет нарисовал предупреждающий знак – череп, давая знать тем, кто последуют за нами, что города надо избегать.

В конце концов между деревьями мелькнула вторая река, отмеченная на карте, – в этом рисунок оказался точным.

«Еще неделя ходьбы, – подумал я, – и мы должны выйти к городу на острове и к Высокой Стене за ним».

С лесистого склона я посмотрел вниз, на реку, до которой теперь осталось меньше дня пути. Внизу на лугу росли отдельные широколиственные деревья и кусты. Вскоре мы покинем укрытие соснового леса и станем более уязвимыми для нападения с воздуха.

Солнце садилось, тени в долине удлинялись. Я уже раньше заметил то, что принял за брод на реке – место с мелкой водой и камнями у самой поверхности, – но теперь воздух стал более прозрачным, и я понял, что это мост, отмеченный на карте отца. Я показал на него Гаррету.

– Я вижу его! – воскликнул он. – На этот раз нам не придется мочить ноги.

Мы направились к реке, выбирая самый легкий путь между деревьями и кустами.

Не прошло и суток, как мы уже стояли на берегу, дивясь на мост ниже по течению на некотором расстоянии от нас.

Река разлилась широким бурным потоком, ее дальний берег выглядел устрашающе далеким. Никогда еще я не видел таких рек: в сравнении с ней чахлые речки Мидгарда казались едва ли не грязными ручейками. Но самым великим чудом был каменный мост: он тянулся над рекой тринадцатью длинными изящными широкими арками. Карта никак не могла передать его великолепия.

В Мидгарде строили только однопролетные мосты из дерева и веревок, нуждавшиеся в постоянном подлатывании. Этот же мост выглядел так, будто простоял века и может продержаться до конца времен.

– Как можно построить такой мост? – спросил я. – Как вообще можно было хотя бы начать его строить?

Каменные опоры уходили прямо в ложе реки. Какие приспособления могли сдержать воду, пока работали каменщики?

Мы разбили лагерь на речном берегу, но на некотором расстоянии от моста. До сих пор ничто не говорило о присутствии джиннов, но будь поблизости люди, мост наверняка был бы частью их торгового пути.

Когда солнце село, Гаррет уснул, а я остался стоять на часах. Все прошло без происшествий, и вскоре наступила моя очередь отдыхать. Сперва я мирно спал, но потом мне снова приснилось хлопанье крыльев. На этот раз мне снилось нечто большее, чем

темнота и полог древесных ветвей над головой. Я снова очутился в центральном дворе Серого Города и снова обернулся, чтобы увидеть, как рой крылатых созданий влетает в открытый дверной проем высоко в стене. Время как будто застыло. Мгновение превратилось в вечность, мой ужас ушел, и я смог внимательно рассмотреть их.

Они были слишком далеко, и я не мог точно определить их размер, но теперь понял, что их тела напоминают тела насекомых, разделенные на три части, и поблескивают серебром словно отлично отполированные доспехи. Но головы их выглядели очень странно, что-то в них выводило из равновесия… Вот только на таком расстоянии я не мог определить, что именно.

Внезапно крылатые создания составили в небе силуэт серебристого папоротника…

И тут я проснулся оттого, что Гаррет начал меня трясти. Через его плечо я увидел, что серые облака на востоке слегка окрасились розовым: почти рассвело.

– Почему вы меня не разбудили? – спросил я.

– Я знал, что не смогу снова заснуть, а ты устал, – ответил Гаррет. – Ты бы сделал для меня то же самое. Держи завтрак…

Я сел и, взяв кусок холодного мяса, без энтузиазма принялся его жевать. Мы не рисковали развести костер: по другую сторону моста могло залечь в ожидании все что угодно.

– Я слышал в ночи какие-то звуки, – сказал Гаррет. – Где-то рядом с центральным пролетом. Как будто женский плач. И посмотри-ка туда!

Он показал на мост. В сером предрассветном мареве было видно, что над ним в вышине кружат черные птицы. Сердце мое пропустило удар, но потом я понял, что они совсем не похожи на крылатых созданий, несущих смерть с неба. Птицы летали слишком далеко, чтобы я мог точно определить их вид, но они напомнили мне грифов, которые парили над бойней и Колесом в Джиндине.

– Похоже, нас ждет богатое событиями утро. Давайте выступим, – предложил я и начал было вставать, но Гаррет положил ладонь на мою руку.

– Думаю, нам надо вернуться, – сказал он. – Двинемся обратно к Барьеру.

Я удивленно посмотрел на него:

– Вернуться? Почему?

– Мы прошли долгий путь и многое видели, Лейф, куда больше, чем я ожидал. Мы добрались до второй реки. Мы узнали, кто угрожает нам с воздуха, и выяснили, что эта угроза находится рядом с разрушенным городом. Мы должны принести добытые

знания другим – пока еще можем.

Я испытующе посмотрел на него, но гентхай отвернулся.

– Вы думаете, что-то должно случиться, да? Дело в мосте?

Гаррет кивнул и показал на реку:

– Если я попытаюсь перейти по нему, я умру. Мне снился каменный мост. Я погибну на нем.

– Тогда вы возвращайтесь, Гаррет. Унесите с собой то, что мы узнали, и вы спасете жизни людей. Но я должен идти дальше. Здесь можно еще столько всего увидеть, и я собираюсь пройти весь путь до конца. Я хочу проследовать по маршруту на отцовской карте, посмотреть на Высокую Стену, ворота…И выяснить, можно ли через них проникнуть. Я хочу доставить эти сведения гентхаям. Если они проедут через Барьер, им нужно будет знать как можно больше.

Наступило молчание. Я сделал большой глоток из фляги и уставился на другой берег реки. Она бурлила не так сильно, как вчера; теперь, несмотря на быстрое течение, вода лизала берега в успокаивающем ритме. Но река казалась очень глубокой.

Гаррет снова повернулся ко мне.

– Не думай, что я боюсь, – сказал он. – Но если я сейчас погибну, я не смогу принять участие в том, чего ждал всю жизнь. Когда армия воинов-гентхаев переправится по мосту, чтобы напасть на джиннов, я хочу быть вместе со всеми.

– Тогда вы заслуживаете того, чтобы быть с ними. Возвращайтесь.

Гаррет нахмурился и покачал головой.

– Нет. Дай мне гхетту! – потребовал он.

Я вздохнул, вынул из куртки маленький кусок белой волчьей шкуры и протянул ему. Внезапно я понял, что задумал Гаррет, но ничего не мог с этим поделать. Он схватил залог любви и швырнул его в реку. Гхетту подхватило течение, а потом она утонула.

– Я хотел ее пристыдить, – сказал Гаррет. – Я надеялся, что Мейре станет больно, когда ей отдадут это после моей смерти. Видишь ли, она уже три раза отказывала мне, а когда я начал настаивать, назвала меня болваном. Но теперь это не важно. Да и кто может ее винить? Такой человек, как я, не создан для женитьбы. – Гаррет встал и, решительно глядя на мост, начал прилаживать за спиной щит и длинный меч. – Воину не нужна женщина, – сказал он без тени горечи в голосе. – Может, я никогда не проеду по этому мосту вместе с армией, но сейчас я храбро встречу смерть. Пойдем. Помни меня, Лейф. Если ты благополучно вернешься назад, расскажи другим о том, что я совершил.

Я готовился выступить с тяжелым сердцем: Гаррет заразил меня ощущением грядущей беды. Может, мы оба умрем на этом мосту…Я задумался, увижу ли снова Квин.

Вскоре мы уже шагали по мосту, который вблизи впечатлял еще больше. Он был таким широким, что пять или шесть человек смогли бы проехать по нему в ряд; но там, где арки соединялись, он сильно сужался, и в таких местах свободно по нему прошла бы только одна лошадь. Однажды армия гентхаев и вправду может проследовать по этому мосту, но только гуськом, и любой фургон с припасами придется или бросить, или выпрячь из него лошадей и перетащить через реку.

Мы шагали по мозаике из серых, голубых и красных плит. На нашей стороне мост окаймляли парапеты, и примерно через каждые двадцать шагов на них красовались очень искусно вырезанные из камня головы хищных животных и птиц. Посередине первого пролета из парапета торчали две черные металлические пики, и я задумался – зачем они нужны.

Я пристально посмотрел на центральный пролет, над которым все еще кружили грифы. У меня на глазах три птицы нырнули вниз, к мосту. Солнце теперь стояло над самым горизонтом, как зловещий красный глаз, выглядывающий из-за перистых облаков и превращающий воды реки в кровь, и в неярком свете я увидел, что рядом с левым парапетом кто-то сидит.

– Гаррет, видишь? Вон там… Прямо под теми птицами!

– Люди, – ответил Гаррет. – Пятеро. Трое из них дети. Похоже, их привязали к мосту.

Его ответ меня поразил. Единственным выжившим людям полагалось находиться взаперти за Барьером. Люди – здесь?! Такое противоречило всему, во что верили обитатели Мидгарда. Что это значит? Тут потрудились джинны?

Мы сорвались на бег, домчались до центрального пролета и остановились, потрясенные видом учиненной здесь бойни. Справа, рядом с восточным парапетом, лежали трое мертвых мужчин. Их раздели догола и четвертовали. Над ними на ограде торчали семь пик, и на три пики были насажены головы; лица и бороды покрывала запекшаяся кровь.

На трупах пировали три грифа, перья на их шеях были в крови. Третий гриф клевал самую дальнюю из трех голов.

Гаррет побежал вперед, и птицы, взлетев, начали угрожающе кружить.

Я свернул к западному парапету: здесь семь пик пустовали, но под ними лежали две бледнокожие женщины с золотистыми

волосами, привязанные к железным кольцам, вделанным в основание низкой стены. На их телах, прикрытых лохмотьями, я не увидел ран, но в волосах запеклась кровь.

Самым жалостным зрелищем были трое детей не старше двух лет от роду. Они сжались рядом со своими матерями и при моем приближении начали истерически вопить.

Женщины не издали ни звука, но смотрели на меня широко раскрытыми глазами, как будто утратили рассудок. Я опустился на колени, вытащил нож и разрезал веревки, которыми были связаны их руки и ноги.

Женщины даже не попытались шевельнуться, поэтому я взял одну из них за руку и осторожно поднял; она встала, пошатываясь.

Вторую поднять оказалось трудней, а едва встав на ноги, она начала трястись. Дети завыли еще громче, но недостаточно громко, чтобы заглушить звук, который внезапно донесся с северного берега реки: грубый, угрожающий рев медной трубы.

Гаррет показал на пролет моста, упирающийся в дальний берег.

– Воины! – крикнул он. – Они идут сюда!

Я поднял одного ребенка и схватил за руку ближайшую женщину.

– Пошли! – закричал я и повел ее к южному берегу.

Вторая женщина заковыляла за нами. Гаррет поднял оставшихся двух детей и понес их под мышками.

Едва мы добрались до следующего пролета, как я увидел, что за нами, крича, кто-то бежит, и понял: нас догонят задолго до того, как мы доберемся до берега. Я выпустил руку женщины и сунул ей ребенка. Она стояла съежившись, как будто ожидала, что ее ударят.

Я попытался ей улыбнуться, но, по правде сказать, моя улыбка получилась скорее похожей на гримасу.

– Туда! – закричал я, показав на берег. – Иди!

Она не двигалась, поэтому я слегка ее подтолкнул. Тут Гаррет начал реветь, кричать и махать им руками, как дикий сумасшедший великан; женщины и дети при виде такого отпрянули и наконец-то начали уходить.

А мы с Гарретом повернулись лицом к погоне. Гентхай вытащил свой длинный меч и, посмотрев вправо и влево, словно оценивая пространство от парапета до парапета, несколько раз взмахнул мечом и удовлетворенно крякнул.

– Сколько их там? – спросил я.

– Всего-навсего девять, – ответил Гаррет, – так что вряд ли стоит разделяться. Пусть шестеро будут мои, а трое – твои.

Сняв из-за спины лук, колчан, щит и короткий меч, я пристроил лук с колчаном рядом с парапетом. Потом поднял меч и щит и сделал несколько пробных взмахов.

– Первый удар – мой, – сказал Гаррет. – Скорость уступает место силе!

Я кивнул и шагнул назад, дав ему побольше места, чтобы он встретил первого врага.

Длинным мечом чаще всего пользовались сидя верхом, и лучшие воины держали два таких меча – по одному в каждой руке. Для пешего это оружие было куда менее удобным; тут многое зависело от ритма, от умения использовать вес меча, совершая им взмахи наподобие маятника. Но Гаррет превосходно умел обращаться с таким оружием и был достаточно высоким и сильным, чтобы пускать его в ход с опустошающим эффектом.

Я наблюдал, как первый воин бежит к Гаррету, держа у самого бока копье с зазубренным наконечником. Очень бледнокожий мужчина был одет в шкуры, украшенные звериными черепами; его золотистые волосы – того же цвета, что и у женщин, – висели длинными косами, и в них, похоже, были вплетены зубы.

Он миновал узкое место моста; за ним по пятам следовали двое других. Только когда они появились, я понял, что все трое сжимают одно и то же длинное копье, держа его как таран.

Имей они дело с многочисленными рядами врагов, такая тактика себя бы оправдала, но против длинного меча Гаррета она была безумием. Он шагнул в сторону и взмахнул мечом с такой силой, что начисто отделил голову первого человека от тела, а потом глубоко вонзил клинок в грудь второго.

Третий выпустил древко копья, упал на колени и потянулся к висящему на боку топору, но я шагнул вперед и обезглавил его быстрым, нацеленным в горло ударом.

Гаррет еще не успел извлечь свой меч из тела второго человека, поэтому я вышел вперед, чтобы встретить следующую атаку.

Я ждал, слегка расставив ноги, балансируя на пятках и высоко подняв щит, чтобы прикрыть голову. Передний воин метнул в меня топор. Я легко отразил его, и топор, крутясь, перелетел через парапет. Внизу раздался всплеск.

Потом, повинуясь воинским инстинктам, я крутанулся вправо, оказался среди атакующих и первому из них раскроил лоб острым краем своего щита, а второго убил коротким рубящим ударом по шее.

Они оба завопили, но я все равно успел расслышать нетерпеливый крик Гаррета:

– Пригнись!

Я тут же упал на колени – как раз вовремя, чтобы увидеть, как мелькнул длинный меч, описав смертоносную дугу там, где секунду назад находилась моя голова.

Спустя несколько мгновений все было кончено. Три раза клинок Гаррета описывал ужасную дугу, и когда я встал на ноги, все наши враги лежали мертвыми или умирали.

Но потом на дальнем берегу снова раздался рев рога.

Гаррет повернулся, вгляделся туда и покачал головой:

– Их слишком много. Иди. Я задержу их сколько смогу.

Я замотал головой.

– Мы будем сражаться вместе!

Гаррет положил длинный меч на плиты у своих ног и снял висящий за спиной щит.

– Я буду биться здесь. – Он показал на место, где парапеты сближались. – Тут они смогут добираться до меня только по одному. Но ты иди – другого выхода нет. Один из нас должен вернуться, иначе наше путешествие было напрасным.

Гаррет рассуждал здраво, но я не мог заставить себя его покинуть. Я видел, что к нам мчатся вражеские воины, и перестал считать их, дойдя до двадцати. Их было не меньше тридцати. Враги настолько превосходили нас числом, что если я останусь, мы погибнем оба.

– Тогда позволь мне это сделать. Я задержу их, а ты уходи, – сделал я последнюю попытку, понимая, что напрасно трачу слова.

– Я видел это во сне! – крикнул Гаррет. – Я погибну здесь, на этом мосту! Даже если я убегу, я умру прежде, чем доберусь до берега. По крайней мере, у тебя есть шанс. Уходи немедленно, пока еще не поздно! Возьми карту!

Он протянул ее мне, и я, сунув карту за пазуху, повернулся, чтобы посмотреть на врагов.

Первый почти добежал до места, где мост сужался; Гаррет поднял короткий меч и щит и шагнул вперед, чтобы встретить воина. Раздался звон металла о металл, а потом – более глухой звук клинка, пронзившего ткань, плоть и кость.

Я повернулся и, оставив лук и колчан, но захватив щит и меч, побежал к южному берегу.

Две женщины почему-то задержались на краю моста. А потом, к своему смятению, я увидел, что враги стоят на обоих берегах – наверное, они некоторое время наблюдали за нами, ожидая, когда мы попадем в ловушку посреди моста. В следующий миг я разглядел, что у воинов, собравшихся полукругом перед женщинами, темная кожа и они в доспехах из синих металлических колец.

В утреннем свете клинок сверкнул красным, и я услышал вопль женщины. Я побежал быстрее. Противников было четверо или пятеро – не слишком много, если я атакую быстро и решительно.

Один из них держал за ногу ребенка. Я услышал, как одна из женщин начала кричать; слова ее лились невнятным потоком и оказались напрасны. Ребенка швырнули высоко вверх, он перелетел через парапет и упал в воду. Женщина завопила тонким высоким голосом; похоже, она была на грани безумия. Вопль ее внезапно оборвался, а потом двух других детей тоже швырнули в реку, и их унесло течением.

Воины слишком увлеклись бойней, чтобы заметить меня.

В конце концов, может, это и не ловушка. Я понял, что передо мной совсем другие люди, не те, с которыми мы сражались на мосту. Воины с северного берега пытались спасти своих женщин и детей, а мы помешали им и даже погнали пленников к их облаченным в синие доспехи врагам.

Я увидел удивление на лице одного из мужчин, когда я щитом и мечом сделал выпад вправо и влево. Прорвавшись мимо противника, я побежал вверх по склону к маленькой роще. Пускай погонятся за мной; после того что они сделали, я только порадуюсь этому. Они были убийцами женщин и детей, и их осталось всего трое – я буду доставать их по одному. Самый проворный умрет первым.

Деревья росли кругом. Едва ворвавшись в рощу, я резко остановился, удивленный открывшимся передо мной зрелищем. В роще находились пять человек: одна женщина и четверо мужчин – высоких, худых, темнокожих, с крючковатыми носами, с похожими как две капли воды лицами. Одетые все в те же странные синие доспехи, воины стояли по двое слева и справа от женщины, восседавшей на создании, какого я никогда в жизни не видел. Размером с лошадь, но с более толстыми ногами и почти вдвое длиннее лошади, тварь имела плоское рыло и острые, загнутые вверх клыки, но глаза ее казались почти человеческими и изучали меня со смесью интереса и злобы. Дальним родственником этого создания мог бы быть дикий кабан; несмотря на округлое тело, под черной шкурой играли мускулы… И с широкой спины этой твари, с высокого седла из красной кожи, женщина высокомерно глядела на меня.

Я опустил меч и щит и завороженно уставился на нее.

Она была молодой, чуть старше подростка, но с решительным властным лицом, с кожей удивительного бледно-зеленого цвета. Но, посмотрев на ее рот (я вспомнил рассказы о загадочных созданиях за Барьером, которые якобы не нуждаются в пище

благодаря способности поглощать энергию прямо из солнца), я увидел два ряда идеальных белых зубов. Она накрасила губы черным, как женщины в галерее Арены 13, и завязала длинные черные волосы на затылке. На поясе, перехватывающем платье из простого белого хлопка, висели два красивых кинжала с рукоятями в виде головы барана, шею женщины украшал узкий черный медальон с маленькими рунами. Потом я заметил на ее лбу небольшую татуировку в виде листа серебристого папоротника и живо вспомнил фигуру, которую образовали в небе летающие создания.

Внезапно у меня закружилась голова…Я едва сознавал, что делаю. Все мысли о недавно случившемся, стерлись из моей памяти.

Как во сне, я поднял меч, салютуя, и вернул его в ножны.

Губы женщины растянулись в улыбке, но выражение ее лица было надменно-снисходительным. Она протянула руку, направив на меня указательный палец, и пурпурная искра, сорвавшись с его кончика, устремилась ко мне.

Сердце мое дернулось и остановилось, горло перехватило, и я почувствовал, что падаю…

Когда снова открыл глаза, я стоял рядом с рекой, возле той женщины на странном создании. Я дрожал всем телом от холода и, опустив глаза, увидел, что раздет догола. У меня все забрали – оружие, кольчужную рубашку, одежду и ботинки.

Ко мне вернулась память, и при мысли о карте меня захлестнуло отчаяние. Они забрали и карту! Неужели все наши усилия были тщетны и бедный Гаррет погиб напрасно?!

Тут я заметил, что у меня скованы запястья и от них к седлу диковинного существа тянется цепь. Еще одну цепь мне накинули на шею сзади, не давая подойти к твари. Обе цепи были туго натянуты, и когда я попытался разглядеть, кто тянет меня назад, я почувствовал, как что-то кольнуло меня между лопаток. Горячая боль прострелила спину, невероятно сильная при таком небольшом уколе, заставив меня задохнуться и немедленно повернуть голову вперед. Но все же я успел мельком заметить синюю кольчугу одного из помощников женщины. Все четверо воинов, без сомнения, находились где-то позади меня.

Женщина повернулась в седле и посмотрела на меня сверху вниз, и впервые я увидел в ее глазах жестокость.

Тварь тяжело двинулась к мосту, и мне пришлось, пошатываясь, последовать за ней. Ковыляя, я посмотрел влево и увидел бледнокожих воинов, стоящих в кругу на речном берегу. Они были одеты так же, как те люди, с которыми мы недавно

сражались, но выражение их лиц было угрюмым и непокорным. Однако стоило женщине на них посмотреть, все они, как один, опустились на колени на траву и низко склонились, коснувшись лбом земли.

Мы двинулись через мост, и когда добрались до того места, где он сужался, бока твари царапнули по камню.

Мы дошли до центрального пролета, и там, к своему ужасу и смятению, я увидел голову Гаррета, насаженную на пику на парапете. Я заплакал, а женщина повернулась в седле и снова посмотрела на меня с жестокой улыбкой.

Я подумал о том, что Гаррет видел во сне свою смерть – и сон оказался вещим. Никогда он не отправится в поход вместе с армией гентхаев, но я позабочусь о том, чтобы память о нем жила, чтобы он погиб не напрасно. Хотя карта моего отца исчезла, я все еще помнил, что было на ней нарисовано, и решил везде, где только можно, мысленно добавлять к ней новые детали.

Но сейчас я в первую очередь был полон решимости выжить. Я уцелею и вернусь в Мидгард со знаниями, которые обеспечат нам победу. Эта решимость не оставила места отчаянию.

«Мне еще столько всего надо узнать», – подумал я.

Воины, с которыми мы сражались на мосту, выглядели почти варварами; они не будут страшны конной армии гентхаев. Совсем другое дело – люди в синих доспехах.

«Какую силу пустила в ход женщина, чтобы заставить меня потерять сознание? – гадал я. – В чем источник этой силы?»

Судя по тем, кто меня захватил, не все живущие за Барьером обладали одинаковой силой, и было крайне важно разузнать, какую именно угрозу они собой представляют.

Я должен сбежать и принести эти знания домой.

8. Ученый

Ученик должен учиться, а учитель должен учить. Только так приходит истинное знание.

«История Конфликта», Эйтель Пессимист

Лейф

На следующий день после того, как я попал в плен, меня оставили к северу от реки с маленьким племенем светловолосых людей, с которыми мы сражались на мосту. Сперва я подумал, что меня отдают на смерть. После, когда меня вдоволь накормили, я решил, что моим уделом будет рабство.

Я пытался не ссориться с этими людьми: я хотел выжить и снова увидеть Квин. Как ужасно было бы умереть так далеко от дома, так далеко от тех, кого я люблю.

Однако меня кормили и давали разминаться, хотя не позволяли отдохнуть достаточно, чтобы ноги успели зажить – идя босиком, я их стер. Меня редко освобождали от цепей – и только под бдительной охраной. Держащие меня в плену не пытались со мной общаться.

В племени было около двухсот человек, они жили в пещерах и убежищах из камня под прикрытием низких каменистых холмов, держали свиней и ежедневно охотились; главной их пищей было мясо.

Шли дни, я свыкся с рутиной и пал духом. Я скучал по Гаррету и в ночных кошмарах видел его голову на пике. Только бы удалось сбежать! Добраться до Высокой Стены казалось безнадежной задачей, я хотел лишь вернуться домой с теми знаниями, которые раздобыл.

Мои захватчики дали мне шкуры, какие носили сами, но

однажды утром вывели наружу, на холод, сорвали с меня всю одежду и остриями копий погнали в лес. Похоже, я опять очутился лицом к лицу со смертью.

Но потом я увидел впереди женщину верхом на огромной твари, в сопровождении все тех же четырех одинаковых воинов в синих доспехах. Меня снова приковали цепью к седлу, и мы двинулись на север.

Почти стемнело, когда мы вышли из леса и спустились на бесплодную равнину, не отмеченную на карте отца. Бледно-красную пыль усеивали куски кремня, а в центре равнины стояла скалистая, бронзового цвета, платформа в форме блюдца, утыканная мириадами осколков кристаллов, блестевших в свете умирающего солнца.

Когда мы приблизились, я разглядел тонкие изогнутые пики и сперва подумал, что мы подошли к цитадели вроде той, в которой обитал Хоб. Но подойдя ближе, я понял, что это сооружение намного меньше. На возвышении в форме грубого каменного круга стояло несколько кривых башен, созданных словно не человеческими руками.

С меня сняли цепи и остриями копий погнали к узкому отверстию – темной вертикальной трещине в каменной стене. Входя в щель, я оглянулся на женщину, но она пристально смотрела вверх, на самую большую из башен. Два воина в голубых доспехах остались стоять слева и справа от твари, на которой сидела женщина, а двое других ввели меня внутрь.

Я очутился в темном узком коридоре, круто уходящем вниз. Сюда проникал слабый свет, но определить, откуда он исходит, было невозможно. Я ощутил влажное тепло, приятное после прохлады снаружи. Это напоминало летнюю ночь с приятным ветерком.

Еще я уловил звуки, почти музыкальные, как будто вызванные ветром, самой циркуляцией воздуха. Звуки усиливались и ослабевали: то была симфония криков, воплей и вздохов, окрашенных печалью. Я ощутил внезапную боль, вспомнив о Гаррете, который так храбро встретил смерть.

Мы продолжали идти вниз (наконечник копья оставался у моей спины), пока наконец не очутились в просторной круглой комнате с множеством металлических дверей. Ближайшая дверь была распахнута. Меня заставили в нее войти, и она с лязгом за мной захлопнулась.

Услышав удаляющиеся шаги своих конвоиров, я осмотрел дверь, но не обнаружил на ней ручки. Я провел пальцами по краям холодного металла, но створка плотно прилегала к стене, и ее невозможно было открыть.

Повернувшись, я вгляделся в каморку, в которой очутился. Мои глаза медленно привыкли к полумраку, и я обнаружил, что это вовсе не каморка, а еще один узкий коридор. Он тоже круто уходил вниз, и я осторожно двинулся по нему, пока не вошел в большое квадратное помещение, почти такое же просторное, как круглая комната, которую я недавно покинул. Тут не было окон и тоже никакого видимого источника света, но освещения хватало, чтобы оглядеться… Увиденное обеспокоило меня.

В каждую из четырех каменных стен на высоте были вделаны металлические кольца чуть толще человеческого предплечья, а в центре комнаты в полу зияло круглое отверстие.

Осторожно приблизившись к нему, я опустился на колени и заглянул вниз. Я увидел каменные ступени, по спирали уходящие в темноту, и меня охватил внезапный иррациональный страх при мысли о том, что может там таиться. Это походило на ужас ребенка, которому снится ночной кошмар, когда вся храбрость улетучивается и остается только отчаянное желание проснуться.

Я знал, что должен заставить себя спуститься по лестнице, но голос мудрости советовал соблюдать осторожность. Сперва нужно было отдохнуть.

Отойдя от отверстия, я приблизился к дальней стене – и снова колени мои дрогнули от страха, потому что я увидел в полу еще одну дыру: длинную узкую яму, тянущуюся вдоль всей стены. Я заглянул туда и, хотя увидел только темноту, ощутил, что внизу прячется нечто и смотрит на меня. Я поспешно отпрянул.

Постепенно мои глаза привыкли к полумраку, и я впервые разглядел в стене слева неглубокую нишу; в ней лежал тюфяк с единственным одеялом. Чувствуя себя полностью вымотанным, внезапно перестав думать об опасностях, которые могли притаиться внизу, я лег и укрылся одеялом.

Я лежал и вспоминал Гаррета. Потом мои мысли обратились к Квин и к последним часам, проведенным с нею. Я попытался представить ее лицо: цифру 13, вытатуированную на лбу, волосы, постриженные короче с одной стороны, и шрам. Но когда я начал засыпать, лицо ее как будто замерцало и превратилось в лицо той жестокой женщины, которая направила на меня палец, заставив потерять сознание.

В конце концов, поддавшись усталости, я уснул.

Мало-помалу я проснулся и понял, что мне надо помочиться. Но мне было тепло и удобно, поэтому я продолжал то задремывать, то снова просыпаться, пока наконец не откинул одеяло и не открыл глаза.

В ту же секунду я оказался на ногах.

Комната изменилась: в металлических кольцах торчали факелы, горящие желтым мерцающим светом. Рядом с круглым отверстием в полу появился небольшой стол, покрытый зеленой скатертью, а на нем стояли блюда с мясом и фруктами, бронзовый графин, два хрустальных бокала, несколько бокалов поменьше и оловянные кружки, изукрашенные изображениями птиц.

Я был голоден, но сперва мне требовалось помочиться. Я огляделся по сторонам и быстро решил, что узкий проход, ведущий к двери, дальше всего от моей постели и от стола. Но потом я увидел вторую нишу в противоположной стене и пошел ее осмотреть.

Слева в нише была маленькая круглая дыра, справа – продолговатое углубление побольше. Помочившись в дыру, я быстро вернулся к столу и взял тарелку с каким-то бледным мясом. Я подозрительно принюхался, но мясо пахло отлично.

«В любом случае, зачем тем, кто взял меня в плен, трудиться, чтобы меня отравить? – подумал я. – Если бы они желали моей смерти, меня бы наверняка уже убили».

Я ел быстро; мясо оказалось восхитительным – и так сильно поперченным, что нелегко было определить, какому животному оно принадлежит. Потом я попробовал круглый оранжевый фрукт – сладкий и сочный, но непохожий ни на один из фруктов, которые я ел раньше.

Я уже собирался налить себе попить, как вдруг услышал где-то внизу звук – далекие шаги, будящие эхо. Они звучали все громче и так резко, словно металл ритмично ударял по камню.

Схватив со стола бронзовый кувшин (из него на каменный пол выплеснулась пурпурная жидкость), я быстро сделал три шага назад. У кувшина было тяжелое толстое дно, худо-бедно он мог сойти за оружие.

К моему удивлению, из отверстия в полу появилась голова девушки, поднимающейся по спиральной лестнице. Сперва я увидел красивое спокойное лицо, черные волосы, заплетенные в косы, завязанные лентами с зелеными камнями, длинную грациозную шею, потом – тонкую талию и очень длинные ноги… И только под конец заметил серебряный папоротник, вытатуированный у нее на лбу.

Девушка была в черном платье немногим длиннее рубашки, обнажавшем бóльшую часть бедра, перехваченном в поясе белым кушаком. Словно кто-то прорезал в мешке три отверстия для рук и головы, потому что я не увидел никаких признаков шитья. Серебристая обувь с виду напоминала металлическую, но сгибалась при ходьбе.

Девушка остановилась наверху спиральной лестницы, и я очень медленно обошел вокруг стола, направляясь к ней. К моему удивлению, она заговорила на нашем языке.

– Ты проливаешь вино, – тихо сказала она.

Я так удивился, что тут же пролил еще больше, – так могла бы говорить женщина из Джиндина. У девушки были мягкие дружелюбные манеры, в ее голосе не слышалось ни малейшего упрека или враждебности.

Я вгляделся в ее лицо – приятное и женственное, хотя в карих глазах порой мелькал свирепый блеск. Ее коричневая кожа была куда темнее, чем у гентхаев, резко отличаясь от бледной кожи желтоволосых людей, с которыми я недавно жил. И я не увидел ни малейшего намека на неестественный зеленый оттенок кожи женщины, ездящей верхом на странной твари.

Я осторожно вернул графин на стол. Как только я это сделал, девушка шагнула из дыры и стала наклонять голову до тех пор, пока ее нос не оказался рядом с моей грудью. И тут, впервые после ее появления, я осознал, что я голый.

Она коснулась моей груди и, поморщившись, сказала:

– Ты липкий. Тебе нужно помыться. Вы не моетесь перед едой?

Я пожал плечами:

– Я был бы счастлив помыться – но где вода?

Девушка осторожно, но крепко взяла меня за запястье, подвела к нише в стене, где я мочился, и показала на овальное углубление в каменном полу.

Я послушно встал в углубление, а она нажала на маленький темный кружок на камне. Внезапно с потолка плотным потоком хлынула вода. Она была холодной, я задрожал и задохнулся, но потом, не теряя времени, стал мыть под мышками.

Девушка оставила меня за этим занятием, и несколько мгновений я просто наслаждался ощущением воды на теле.

Наконец я закончил мыться; подражая девушке, приложил пальцы к темному камню и улыбнулся, когда вода потекла медленней, истончилась до струйки, а потом и вовсе остановилась. Я начал стряхивать ее с себя, и тут девушка появилась снова, держа зеленое полотенце.

Несколько мгновений она наблюдала, как я вытираюсь, а потом ушла.

Завернувшись в полотенце, я вернулся к столу. Теперь возле него стояли два табурета, по одному с каждой стороны, и девушка протянула мне черную рубашку вроде той, которую носила сама.

Я взял рубашку, позволил полотенцу упасть и натянул одежду через голову. Девушка предложила мне белый кушак,

который я свободно повязал на талии, а после жестом показала на один из деревянных табуретов.

Я с улыбкой кивнул и сел. Наполнив из бронзового графина хрустальный бокал, девушка протянула его мне. Я подождал, пока она нальет и себе тоже, и только тогда жадно выпил.

В бокале оказалось вино – во много раз лучше тех, что давали виноградники севера Джиндина. Я как раз собирался об этом сказать, когда девушка спросила:

– Зачем ты здесь, на нашей земле? С какой целью? Моя госпожа желает знать.

– Я здесь для того, чтобы исследовать новые земли и научиться мудрости здешних людей, – солгал я. – Я ученый, который ищет новые знания и культуру.

– Ученый с мечом? – спросила она и, поднеся бокал к губам, сделала глоток.

– Ученому приходится вооружаться для защиты от опасностей, встречающихся в пути. Но скажи своей госпоже, что я пришел с миром.

Девушка снова отхлебнула вина.

– Ты сражался как воин. Многие слуги моей госпожи погибли от твоей руки – и от руки твоего товарища. Она скоро будет судить тебя, а тем временем нас ждет работа. Мне разрешили в течение семи дней учить тебя нашему языку, чтобы ты усвоил столько, сколько сможешь.

– Зачем мне учить его, когда ты так красиво говоришь на моем? – спросил я.

Девушка нахмурилась:

– Моей госпоже не подобает говорить на твоем языке. Ты чужак, и закон гласит, что либо ты заговоришь на нашем языке, либо останешься невыслушанным. А если тебя не смогут выслушать, ты будешь не лучше скотины в поле и сгодишься только под нож.

Ситуация была ясна – выбора у меня не оставалось.

– Тогда давай начнем первый урок, – предложил я.

– Сперва допей вино, чтобы оно смазало твою память, – велела девушка.

Я улыбнулся, решив, что она шутит, но осушил бокал.

– Прежде всего я научу тебя названиям вещей, потом названиям действий и наконец покажу, как связывать слова так, чтобы остальные могли тебя понять. Если ты не окажешься тупицей, через семь дней твое владение языком будет соответствовать минимальным требованиям закона. Или же ты умрешь.

– Как называется существо, на котором ездит твоя госпожа? –

спросил я. – Я никогда такого не видел. И разве здесь нет лошадей? Если ты знаешь, что такое лошадь…

– Моя госпожа ездит на разире, – ответила девушка. – Только особам высокого ранга разрешено иметь подобных верховых. Иногда разиров облачают в доспехи и используют в битве.

Я и раньше слышал слово «разир»: так называли приземистых гуманоидных существ, служивших Торговцу. Они доставили тяжелый цилиндр, внутри которого был шатек, купленный Адой, чтобы создать Трима, разумного лака. Но это создание выглядело совсем по-другому.

– Лошадь называется агнван, – продолжала девушка, – но на агнванах ездят только варвары вроде тебя. Если ты выживешь, вскоре увидишь много агнванов. Возможно, ты скучаешь по верховым, на которых ездили ты и семеро твоих товарищей, когда вторглись в наши края. Вы покинули свою землю, Кесториан Датред, и за каждым этапом вашего путешествия внимательно наблюдали.

– Кесториан Датред? – повторил я, пробуя слова на языке. – Это как-нибудь переводится?

– Нет, значение слов забылось, но твои земли (запретный край, который никто не может посетить) называют и по-другому. Некоторые – Данур, то есть Место Твари, потому что древние легенды рассказывают о свирепой бестии, запертой там, за облаком, и предупреждают, что мы должны быть осторожны, иначе она проснется и поглотит весь мир. Конечно, это всего лишь сказка, и мы сильны и не боимся ничего, что дышит.

– Как называется это строение? – спросил я, обводя рукой стены.

– Кри-кор. Это своего рода пост или крепость в лесу, принадлежащая моей госпоже, и мы останемся здесь до тех пор, пока она не вынесет тебе приговор.

– Тогда я должен приготовиться, – сказал я. – Пожалуйста, научи меня всем словам, какие я должен знать.

И тут я сделал очень странную вещь. В девушке было нечто, заставившее меня отбросить сдержанность.

– Как ты называешь это? – спросил я, протянув руку через стол и прикоснувшись указательным пальцем к ее губам.

Вместо того чтобы отшатнуться или изобразить ярость, она тепло улыбнулась:

– Губы называются эйлеас, а это, – она высунула язык, – называется итлеа. Мы начнем с частей тела, а потом двинемся дальше, исследуя мир. Но сперва поговорим о наших именах. Тебя зовут Лейф. Могу я называть тебя так, когда буду с тобой говорить?

– Конечно, – кивнул я.

– Тогда ты тоже можешь звать меня по имени – Пери.

«Откуда ей известно мое имя? – озадаченно подумал я. – Я что, произнес его во сне? И откуда она так идеально знает наш язык?»

Однако я придержал вопросы при себе и сосредоточился на том, чтобы узнать как можно больше слов.

Пери говорила быстро, редко повторяя что-нибудь больше чем дважды, но у меня была хорошая память, и каждое произнесенное ею слово тут же запечатлялось в моем мозгу. Трудно сказать, было ли это и вправду связано с вином, как она намекнула; но если так, здешнее вино оказывало эффект, противоположный эффекту любого вина, выпитого мной раньше.

Урок, похоже, длился несколько часов, но моя сосредоточенность не ослабевала. Наконец, совершенно внезапно, на меня навалилась огромная усталость, я почувствовал, что у меня слипаются глаза и голова наливается тяжестью.

– Сегодня мы достаточно потрудились, – заявила Пери. – Теперь спи, чтобы то, что ты узнал, закрепилось в твоей памяти.

Я был только рад повиноваться, пошел к нише и улегся на тюфяке. Спустя несколько мгновений я уснул.

Едва проснувшись, я осознал: что-то изменилось. Воздух стал холоднее, факелы светили едва-едва, поэтому в комнате сгустились тени. Я встал и подошел к столу.

Блюда оказались пусты, вино и бокалы убраны, а вместо графина стоял маленький стеклянный сосуд с прозрачной жидкостью. У меня пересохло во рту, поэтому я налил немного в бокал и осторожно отхлебнул. Это была свежая вода, и я выпил два бокала, прежде чем утолил жажду.

И тут я услышал слабый шум, доносящийся из ямы у дальней стены, как будто кто-то царапал по камню.

Я осторожно подошел, чтобы посмотреть, что там такое, и снова услышал тот же звук. Когда я заглянул вниз в первую ночь, я не увидел ничего, кроме темноты, теперь же яму озарял неяркий свет факелов.

Опустившись на колени, я вгляделся – и увидел, что на меня снизу смотрит женское лицо. Сердце мое замерло, и я чуть не отпрянул от удивления, потому что на меня глядела Пери, девушка, учившая меня языку.

Я уже хотел ее окликнуть, но тут голова скрылась в темноте тоннеля под полом, и, потрясенный, полный ужаса, я увидел ноги и тело этого существа. От этого зрелища у меня в животе все перевернулось. Тело черное, словно смазанное маслом,

поблескивало, ноги, не меньше шести, были многосуставчатыми, и они милосердно унесли создание прочь с моих глаз.

Это было скорее насекомое, чем человек; скорее монстр, чем животное. Это был шатек.

Я присел у края ямы, отчаянно стараясь вернуть себе самообладание.

А я-то решил, что имею дело с людьми! Со странными людьми, владеющими технологиями, с которыми я никогда раньше не сталкивался – если вспомнить пурпурные искры, вырвавшиеся из пальца женщины и заставившие меня потерять сознание.

Я ошибался. Это было многоликое создание вроде Хоба, со многими сущностями, порожденное шатеком. Воины в странных доспехах из синих колец тоже являлись частью единого создания. Сущности были разными, но всеми их глазами смотрел высший разум. Ада называла такой разум «горстад».

Когда я разговаривал с Пери, я общался со всем существом разом.

Сомнений не было: я стал пленником джинна.

9. Музей Света

Человеческие города некогда омывал свет, заставлявший меркнуть звезды.
Так будет снова.
Но тьма всегда возвращается.

«Амабрамдата», Книга пророчеств гентхаев

Квин

На второй вечеринке я вела себя осторожнее и выпила всего один маленький бокал пунша.

Я потанцевала с Гудвином, мы немножко поболтали, но, судя по взглядам, которые он бросал на меня всякий раз, когда думал, что я не вижу, юноша не был счастлив. Он не получал от меня ожидаемого ответа: вместо того чтобы хихикать над его шутками, я только вежливо улыбалась.

Вечер тянулся медленно, но наконец мы с отцом смогли отправиться домой. Я вздохнула с облегчением. Еще одна вечеринка – и все закончится.

Как объяснил отец, третья вечеринка должна была состояться на нейтральной территории. Семья Гудвина предложила место и взялась за все заплатить. Они хотели закатить по-настоящему большой пир, и после долгих дискуссий мой отец согласился. Вечеринка должна была состояться в комнате для переговоров в крыле дворца Протектора.

Это привлекло мое внимание: мне не терпелось посетить дворец.

Восточное крыло теперь занимали гентхаи, западное – городская управа; отец ходил туда на собрания, но я никогда его не сопровождала. О том, что там, во дворце, гуляли всевозможные

слухи. Часть дворца собирались отдать под музей с артефактами из далекого прошлого Земли: их датировали временами задолго до победы джиннов над людьми.

Отец рассказывал, что на вечеринку придут все древние богатые семьи. Полагаю, длинный список гостей и расточительность соответствовали настроениям в городе. К людям вернулась уверенность. На нас не обрушилась кара из-за Барьера. Хоб оставался в своей цитадели, и горожане снова начинали наслаждаться жизнью.

Комната для переговоров меня разочаровала: не слишком большая, она не отличалась от гостиных почтенных богатейших домов города.

Я надела свое третье новое платье – еще одну длинную штуку с кружевами. Подол волочился по полу, рукава неудобно свисали, и мне потребовалось собрать всю силу воли, чтобы их не закатать.

Под платьем я носила красные ботинки «триг», подарок Лейфа, а в левом рукаве прятала кинжал, с которым, ходя по Джиндину, не расставалась. Это помогло мне чувствовать себя лучше, и я мысленно улыбнулась, подумав, как легко могла бы поставить крест на своей помолвке, просто приподняв подол платья и показав, кто я на самом деле.

В начале вечера я была настроена довольно холодно, но постепенно оттаяла. В конце концов, я больше не увижу Гудвина, поэтому решила постараться изо всех сил. Может, на этот раз моя улыбка стала теплее; может, сама того не сознавая, я больше его поощряла; как бы то ни было, в конце танца он остановился и с ласковой улыбкой предложил:

– Я бы хотел показать тебе кое-что во дворце… Нечто особенное. Это находится этажом ниже, и мой отец получил специальное разрешение, чтобы нас туда пустили.

– Что же там такое? – спросила я – во мне шевельнулось любопытство.

– Пойдем со мной – и узнаешь! – подзадоривая, сказал он.

Заинтригованная, я вслед за ним вышла из комнаты и спустилась по лестнице к дубовой двери. Гудвин достал ключ, отпер дверь и провел меня в просторное помещение, освещенное мерцающими факелами, которые озаряли большие стеклянные ящики и крепкий комод.

– Музей естественной истории! – воскликнула я.

В стеклянных ящиках по большей части находились чучела птиц; осматривая выставку, я поняла, что млекопитающих тут нет.

– Млекопитающих держат где-то в другом месте? – спросила я.

Гудвин покачал головой:

– Здесь был остров птиц, где вряд ли жили какие-нибудь дикие звери – пока их сюда не запустили джинны. Только собаки, кошки и сельскохозяйственные животные вроде овец и коров.

– Мы на острове?

– Так считает мой отец, и для такого предположения есть некоторые основания. Если карты, которые мы нашли, подлинные, они это подтверждают. Да, похоже, мы на острове, и есть еще один остров, примерно такого же размера, к югу от нашего.

Отец Гудвина был не только совладельцем большого игорного дома, но и возглавлял Историческое общество Джиндина – группу пылких историков-дилетантов, которые копались в прошлом, пытаясь выведать его секреты.

– А хочешь увидеть кое-что по-настоящему уродливое? – спросил Гудвин. – Уродливей даже моей физиономии?

Я улыбнулась и ответила, как и полагалось:

– Ты не уродливый. Вовсе не уродливый.

– В сравнении с этим – да, – сказал он, и подойдя к комоду, выдвинул верхний ящик.

Я присоединилась к нему. Ящик был со стеклянной крышкой, в нем лежали ряды насекомых.

– Не тот! – сказал Гудвин, задвинул ящик обратно и выдвинул другой. – А, вот он. Только посмотри на это!

И снова под стеклом я увидела ряды насекомых, и одно из них тут же привлекло мое внимание, потому что было огромным.

– Оно называется вета, – сказал Гудвин. – В пределах Барьера нет ни одной живой веты, но, возможно, они до сих пор водятся где-то за ним. Похоже, они были довольно редкими и их пытались защитить – хотя просто не представляю, зачем кто-то хотел спасти такое мерзкое создание.

Я уставилась на вету со смесью удивления и отвращения. Каково было бы, проснувшись в темноте, обнаружить, что по моему лицу ползет громадное насекомое!

– Знаешь, как отец называет этот музей? – спросил Гудвин.

Я пожала плечами.

– Он называет его Музеем Света.

Я поглядела на факелы, мерцающие желтыми огнями. Гудвин увидел, куда я смотрю, и покачал головой:

– Дело не в факелах. Есть особенные огни – они этажом ниже. Хочешь взглянуть?

Я спустилась за ним по еще одной лестнице к другой дубовой двери, но, когда он ее открыл, увидела за ней лишь темноту.

– Иди вперед, – сказала я, внезапно сделавшись

подозрительной.

Я не знала, что у него на уме, но могла догадаться. Если я права, Гудвин совершает большую ошибку.

Но он просто протянул руку за дверь и щелкнул чем-то на стене. Внезапно комната как по волшебству наполнилась светом. Я вошла вслед за юношей, изумленно глядя вверх, на источник света – стеклянные шары, прикрепленные к потолку. Откуда-то из-за ближайшей стены доносилось слабое гудение.

– То, что порождает свет, называется электричеством! – объявил Гудвин. – Раньше по всему миру города освещались его силой. Но это не единственная причина, по которой отец дал музею такое название. Приготовься удивиться!

Я увидела на стене большую раму, на которых обычно изображают пейзажи; но в эту был вставлен только кусок серебристого стекла. И тут Гудвин прикоснулся к полоске темного материала под картиной, и рама вдруг наполнилась светом, а в ней появился изумительный вид с высоты птичьего полета на коническую гору, из вершины которой поднимался дым.

Я как будто взглянула сквозь прозрачное стекло на реальный мир. Картина была объемной: я ощущала, что нахожусь на огромной высоте, у меня кружилась голова, я боялась упасть. Потом мы стремительно ринулись вниз, и сердце мое застряло в горле. Теперь, когда гора приблизилась, стал виден ручеек красного огня, стекающий по каменистому серому склону. Гора была полой и полной огня.

– Это огненная гора, ее правильное название – вулкан, – сказал Гудвин. – Раньше их было полно на обоих островах, и здесь случались так называемые землетрясения, во время которых земля тряслась так неистово, что целые города рушились и превращались в пыль. Но джинны что-то сделали, и это прекратилось. В музее хранятся записи о том, как они переделывали ландшафт, сплющивая одни горы и поднимая другие, и изменяли течение рек.

Сцена в раме поблекла, там снова поблескивало серебро.

Гудвин подошел ко мне и положил руки мне на плечи. Он был на голову выше меня, и я подняла глаза, слишком поздно сообразив, что он собирается сделать.

В следующую секунду он обнял меня и крепко прижался губами к моим губам. Это произошло так быстро, что у меня едва хватило времени среагировать, но когда я подняла руку, собираясь его оттолкнуть, огни погасли и все погрузилось в полную темноту.

Я услышала тяжелые шаги, потом почувствовала, что Гудвина

оттаскивают от меня – так неистово, что я чуть не потеряла равновесие. Он завопил всего один раз, высоко и пронзительно, как свинья, которую режут. Раздался громкий треск, и крик оборвался.

Последовавшее за тем молчание ужасало. Я поняла, что кто-то стоит рядом со мной в темноте: слышала сбившееся дыхание, напоминавшее дыхание лаков после сражения на арене. Был ли здесь и вправду лак – один из тех, диких, обитавших в лабиринте тоннелей под Колесом? Я начала дрожать от страха, но сделала медленный глубокий вдох, чтобы успокоиться, и позволила кинжалу выскользнуть из рукава в мою левую руку.

Низкий голос во тьме произнес:

– Направь против меня клинок – и я сломаю тебе шею, как прутик.

– Кто ты? – спросила я, услышав, как дрожит мой голос.

– Я убил мужа твоей сестры, Керна, и скоро убью того, кого ты любишь. Но я не сломаю шею Лейфу, как сломал глупому мальчишке, с которым ты только что обнималась. Это слишком легкая смерть. Я убью его медленно, и он испытает предельную муку.

Тогда я поняла, что стою в темноте наедине с Хобом.

10. Искусство войны

Шалатан – это джинн-воин, обладающий огромными навыками в производстве сущностей для выполнения конкретных задач. Одна из таких сущностей известна как «пери». Она играет роль посланника к другим джиннам и отлично знает языки.

«История Конфликта», Эйтель Пессимист

Лейф

Внезапно факелы вспыхнули, и комната снова наполнилась ярким светом. То, как они загорелись, встревожило меня; я пристально уставился на факел над своей головой, гадая, какими сверхъестественными силами добились такого эффекта. Нечто подобное случалось, когда Хоб посещал Арену 13.

Потом я услышал шаги, звенящие по спиральной лестнице, повернулся и увидел Пери: она появилась с подносом, на котором стояли два бокала, уже полных пурпурного вина. Я пошел за ней к столу, уселся на табурет и, приняв у нее бокал, осторожно отхлебнул, пытаясь совладать с дрожащими руками.

– Тебе как будто не по себе, – сказала Пери. – Ты не выспался?

Я показал на яму у стены:

– Я видел кое-кого там, внизу. Женщину с твоим лицом. Сперва я подумал, что это ты, но, приглядевшись внимательнее, увидел нечто чудовищное – создание, больше похожее на насекомое, чем на женщину. Оно не ходило как люди, а семенило на множестве ног. Это шатек. Ты джинн!

На мгновение гнев, как штормовая туча, пронесся по лицу Пери; глаза ее опасно сверкнули, и она, нахмурившись, посмотрела на свои ноги. Но когда девушка снова подняла взгляд, она улыбалась.

– Да, так и есть, – ответила Пери. – Те, с кем ты сражался на мосту, – части другого джинна, который был нашим вассалом, но потом восстал. Все куда сложнее, чем ты можешь себе представить, и не следует поспешно судить о том, в чем ты ничего не смыслишь. Ты видел в яме мать всех, обитающих в этом кри-коре. Все мы – слуги моей госпожи, а шатек, попавшаяся тебе на глаза, – наша мать. Я пери, знаток всех языков и способов коммуникации.

– Шатек – твоя мать? – спросил я и подумал: значит, правильнее говорить про шатека не «он», а «она».

Пери кивнула:

– Да, но ее не нужно бояться. Она обитает внизу и останется там. Даже если тебе хватит храбрости, чтобы туда спуститься, она не сделает тебе ничего страшного – по крайней мере до тех пор, пока не прикажет моя госпожа. Но я расскажу тебе кое-что, чтобы ты как следует сосредоточился на предстоящем уроке. Если госпожа объявит, что ты должен умереть, ты умрешь от рук моей матери.

При мысли об этом кровь застыла у меня в жилах. Я вспомнил, как Ада скормила шатеку лака; тот был поглощен и возрожден как Трим. Ясно помня мучительные вопли лака, я не мог вообразить себе худшей смерти. Я понял, что шатек внизу должна быть более могущественной, чем та, которая породила Трима и вскоре умерла.

Ко мне вернулись дурные предчувствия.

Я занимался изучением языков до тех пор, пока не настал день суда.

Казалось, прошло куда больше семи дней – трудно оценить время по периодам бодрствования и сна. После каждого длинного урока я так уставал, что засыпал; всего мне дали двадцать семь уроков, хотя Пери уверяла, что прошло меньше недели.

Как ни странно, мне было трудно убедить себя, что Пери – одна из сущностей джинна. Я начинал к ней привыкать; она стала для меня почти человеческой подругой. Мне хотелось беседовать с ней…А может, дело в бокале вина, который я выпивал перед каждым уроком.

В утро суда я принял душ и оделся в чистую робу, которую мне приготовили. Потом поел вместе с Пери в ожидании, когда за мной придут охранники.

– Спасибо, что научила меня вашему языку, – сказал я.

Она улыбнулась:

– Если ты точно ответишь на вопросы госпожи, воспользовавшись приобретенными языковыми навыками, это будет мне наградой. Надеюсь, тебе даруют жизнь, Лейф. Если так, мы сможем скоро встретиться снова. А теперь я научу тебя последнему слову. Это слово – «шалатан», что означает «моя госпожа». А еще это имя джинна, частью которого я являюсь. Именно так ты должен к ней обращаться, когда будешь отвечать на ее вопросы. Произноси это слово негромко и с уважением.

– Конечно, так я и сделаю, – ответил я.

– Было приятно с тобой общаться, Лейф. Когда джинн разговаривает с джинном, желая избежать конфликта, именно пери помогает им взаимодействовать. Если все проходит успешно, мы говорим, что рукопожатие состоялось и протокол согласован. Мы с тобой этого добились. Жаль, что тебя должны судить.

– Мы, люди, тоже называем это «рукопожатием», – сказал я, сжав ее правую руку своей.

Она широко улыбнулась и ласково погладила тыльную сторону моей руки большим пальцем. Потом убрала руку и, не оглядываясь, спустилась по спиральной лестнице.

Мне снова пришлось встретиться с охранниками. Они были такими же, какими мне запомнились – высокими, в синих кольчугах, сжимающими серебряные копья с тремя зазубринами у наконечника. Охранники молча показали на открытую дверь и шагали за мной по пятам, когда я вошел в круглое помещение.

Там ожидали еще шестеро охранников, все в одинаковых доспехах и с одинаковыми лицами – конечно, тоже сущности джинна. Они стояли у выгнутой стены лицом к простому деревянному стулу с высокой спинкой, на котором восседала та, что будет меня судить.

Шалатан была в голубом платье, за ее черный пояс с двух сторон были заткнуты кинжалы с рукоятями в виде бараньих голов. Факелов в помещении я не увидел, но как будто прямо из стен исходил очень яркий свет. И снова меня удивила красота этой женщины и ее гордое лицо. Пожалуй, кожа ее выглядела даже зеленее, чем раньше.

Меня подталкивали к ней наконечниками копий до тех пор, пока за моей спиной не прошипели:

– Алша! – Что означало – «Стой».

Женщина презрительно улыбнулась и заговорила очень медленно, чтобы я как можно лучше мог ее понять, но в ее голосе слышалась издевка.

– Говоришь, что ты ученый, – сказала она. – У нас тоже есть ученые, но, в придачу к общим знаниям, каждый из них на чем-либо специализируется. У вас тоже так происходит?

Я знал, что в мою историю не поверили, но улыбнулся, поклонился и, благодаря внезапному приливу интуиции, понял, как надо отвечать.

– Моя специализация – искусство войны, Шалатан. Я отлично владею боевыми приемами своего народа и в путешествиях ищу новых знаний.

– Что варвар знает об искусстве войны? – резко и гневно спросила она.

– У меня есть кое-какие навыки, Шалатан, и я готов это доказать. Вложите мне в руки оружие – и я буду сражаться, пытаясь победить любого воина по вашему выбору.

Я ужасно рисковал, говоря так смело, но мне хотелось, чтобы она увидела – я тоже воин. На мгновение мне подумалось, что я совершил ужасную ошибку.

Шалатан показала на меня пальцем, и я напрягся, ожидая, что внезапно потеряю сознание, как тогда на речном берегу. Но потом ее лицо смягчилось, она опустила руку:

– Ты ведешь себя храбро. Может, ты действительно и ученый, и воин, но ты еще и нечто другое. Я изучила карту, которую ты чертил; карту, на которой отмечен путь в наши земли. Ты шпион, и за это умрешь. Но я не зря до сих пор сохраняла тебе жизнь. Я собираюсь позволить другим допросить тебя. Наши ученые далеко на севере специализируются по Дануру. Я могла бы доставить тебя туда с завязанными глазами и закованного в цепи, но есть и другой путь, который зависит от тебя. Даже варвар способен понимать, что такое честь. Итак, я спрашиваю тебя: ты существо чести?

Я поклонился:

– Да, Шалатан.

– Ты сдержишь свое слово?

Я снова поклонился:

– Да.

– Итак, ты обещаешь не бежать и не поднимать руку на меня и моих слуг, если я возьму тебя с собой вместо того, чтобы убить здесь?

– Обещаю, Шалатан, – сказал я. – Даю слово.

Она торжествующе улыбнулась:

– Тогда я заберу тебя на север, чтобы тебя допросили там.

Мне дали одежду и ботинки, отобранные у реки. Потом, к моему удивлению, вернули щит и короткий меч.

Снаружи меня ожидал еще один сюрприз: кобыла с тем же седлом и уздечкой, какие были на моей погибшей Ларас; наверное, их сняли с ее скелета и доставили сюда.

Но когда я подошел к лошади, у меня задрожали руки и ноги и я испугался, что, чего доброго, упаду. Кобыла была копией Ларас – вплоть до крапчатого крупа и белого пятна под правым глазом. И она как будто меня узнала, издав при моем приближении приветственное ржание.

Я поехал бок о бок со своим эскортом к Северной Стене кри-кора.

Шалатан ждала, сидя верхом на разире; на сей раз на твари были доспехи из черных заостренных пластин, края которых заходили друг на друга, как чешуйки змеи. Перед Шалатан выстроились шесть или семь сотен пеших воинов, все в синих кольчугах; теперь в придачу к копью каждый держал овальный щит и имел на поясе короткий меч. У семерых через плечо висели длинные луки.

Мою кобылу привязали к доспехам разира синей металлической цепью, достаточно длинной, чтобы я мог полностью обогнуть тварь. Двадцать воинов, шагающих слева и справа от разира, ясно дали понять, что я должен держаться сзади, чтобы цепь была натянута на полную длину.

За нами ехали тринадцать больших фургонов, очень похожих на те, которыми пользовались люди в Джиндине. Большинство фургонов везли припасы, но три были без окон, с заколоченными дверями и с верхней частью не из дерева, а из меди и латуни; металл покрывали гравировки с изображением змей и созданий, смахивающих на насекомых. Я гадал, что в этих фугонах, но не имел ни малейшего шанса исследовать их, потому что их охраняли так же бдительно, как и меня самого.

Я радовался, что убрался из кри-кора, и, пока мы ехали на север, мысленно сверял запечатленную в моем мозгу карту, добавляя к ней новые детали.

Мне надо и впредь узнавать все, что только можно. Однажды, очень скоро, я сбегу и принесу эти знания в Мидгард.

Утром третьего дня мы добрались до вершины высокого утеса. Справа от нас на далекие камни рушилась дымящаяся белая вода, и все звуки тонули в ее гулком грохоте.

Несколько часов мы двигались по утесу на запад, пока склон постепенно не начал становиться более пологим, а река не осталась далеко позади. Но я помнил, что на отцовской карте река эта, прежде чем достичь океана, поворачивает на север, потом на запад и обтекает с двух сторон город.

Вскоре мы смогли снова двинуться на северо-запад между деревьев, не отмеченных на карте отца; я добавил несколько новых штрихов к рисунку, который хранил в голове.

Становилось все холоднее, с севера дул прохладный ветер. Я знал, что скоро наступит зима.

Наконец деревья поредели, мы начали спускаться по крутому склону – и внезапно перед нами насколько хватало глаз открылась широкая панорама. Далеко внизу лежала богатая обработанная земля, пересеченная дорогами и ирригационными каналами, которые питала видневшаяся вдали крутая излучина реки. Но в первую очередь мое внимание привлекли Высокая Стена и город перед ней.

Стена преграждала дальнейший путь на север. Это был грозный барьер из серого камня, высокий и широкий; вдоль его основания шла дорога. Стена тянулась насколько хватало глаз: она появлялась откуда-то из-за далеких Пурпурных Холмов на востоке и уходила к мерцающему Западному Океану.

У города имелась своя ограда; к тому же, как верно показывала отцовская карта, его со всех сторон окружала вода, потому что Великая Стена каким-то образом отклоняла текущую на север широкую реку, заставляя ее свернуть на запад.

Река устремлялась к Стене, но в последний миг упиралась в нее, круто сворачивала на запад и уносилась к океану. Еще один водоем простирался параллельно Высокой Стене, а после разделялся на два рукава, так что город был окружен не только собственной оградой, но и рвом с быстрым течением.

Мало того – потоки (явно искусственные), врываясь в отверстия в ограде, струились под мостами и в конце концов соединяли ров с тринадцатью озерами, расположенными в пределах города. На них стояли на якоре небольшие парусные лодки, а суда побольше причаливали к четырем берегам разделенной на два рукава реки.

Здания из красного камня светились в бликах осеннего солнца, контрастируя с мрачно-серой Высокой Стеной.

В сердце города, окруженное тринадцатью озерами, вздымалось огромное круглое здание в три этажа, с тринадцатью куполами на плоской крыше и высокой сторожевой башней в центре.

Каждая группа домов стояла среди садов и лужаек, и из каждой такой группы поднимался и тянулся над озером мост, уходя к громадному круглому сооружению в центре.

Меня поразило, что здесь больше деревьев, чем зданий. Это сбивало с толку. Когда на землю высокий спрос, деревья и трава сильно ограничивают количество домов.

Я мысленно отметил препятствия – широкую глубокую реку и Высокую Стену, – с которыми столкнется армия гентхаев. Предположим, реку удастся пересечь, построив плоты, но, хотя воины рано или поздно могли взобраться на Стену, не было никакой возможности переправить через нее лошадей, а Стена тянулась от океана и до холмов.

Где же ворота, обозначенные на карте отца?

Наконец я отыскал их глазами. За городом, если направляться в сторону океана, в том месте, где два рукава снова соединялись, через реку был перекинут единственный мост. Он отсутствовал на карте, поэтому я старательно запомнил его местоположение. Мост вел к огромным бронзовым воротам в Высокой Стене. Итак, если он все еще будет здесь, когда появится армия, мы сумеем обойти город. Сами ворота выглядели внушительно, но все-таки это не твердый камень; их можно протаранить или сорвать с петель.

Одно это открытие стоило того, чтобы проделать такой путь, хоть я и прибыл сюда в качестве пленника. Я убедился в существовании Высокой Стены и ворот и понял, что армии гентхаев под силу сюда добраться, снести ворота и двинуться на север. Но мне очень хотелось посмотреть на ворота поближе…

Как только я выведаю их секреты, я сбегу. Если я рискну двинуться дальше на север, один, без подмоги, у меня будет мало шансов вернуться. Конечно, сбежав, я нарушу данное Шалатан слово, но она была моим врагом. Она и ее сородичи убили миллиарды людей и заперли остальных в пределах Барьера. На кону стояло наше выживание.

Мне придется отбросить в сторону свою гордость.

11. Барск и орл

Барск и орл созданы друг для друга; первый обладает более острым умом и доминирует, но зависит от орла, который носит его.

У такого бинарного джинна, порожденного шатеком, нет возможности родиться снова от ее любви. Благодаря этому ограничению из барсков и орлов вылепили воинов – ведь тот, кто может умереть лишь однажды, должен сражаться свирепей прочих, чтобы сохранить себе жизнь.

«История Конфликта», Эйтель Пессимист

Лейф

Спустя почти неделю после того, как мы поселились в городской резиденции, я увидел верхового барска. В этом зрелище было нечто леденящее кровь, как будто я заметил вестника собственной смерти, и интуиция подсказала мне, что в городе всем нам грозит опасность – даже самой Шалатан.

В первые дни я чувствовал себя спокойно. Шалатан выделили самый северо-западный из тринадцати секторов города: всё здесь, в том числе сады, озеро и здания, предоставили в ее распоряжение. В секторе имелось обширное подземелье, куда запретили входить только мне – темная зона, в которую Шалатан, ее воины и тринадцать фургонов спустились по прибытии.

Широкая крутая дорога, вымощенная красным камнем, вела в круглую пещеру внизу, но путь преграждали огромные ржавые

металлические ворота. Я наблюдал, как ворота медленно открылись, но потом охрана повела меня к моему жилищу… Позже мне сказали, что даже мою кобылу увели вниз, в темноту.

К моему удивлению, меня больше не сторожили. Мне оставили круглый щит и короткий меч и разместили куда удобнее, чем в кри-коре: в сложенном из камней квадратном здании посреди большого огороженного сада рядом с городской стеной. Позже я выяснил, что здание называется «ханша» (что переводится как «дом для чужаков») и его построили для являющихся сюда представителей других джиннов.

Дом был без окон и с единственной маленькой железной дверью, которая закрывалась только изнутри, если сдвинуть створки, скользящие по металлическим рельсам. Дверь запиралась на несколько тяжелых железных засовов.

Снаружи строение выглядело маленьким, но внутри оказалось просторным. Над землей находилась единственная аскетически обставленная комната с простыми деревянными стульями и круглым деревянным столом, отполированным так, что его поверхность блестела как зеркало. На стенах в конических медных держателях, украшенных свернувшимися змеями и ящерицами с глазами из зеленых и желтых самоцветов, висели маленькие факелы.

В центре помещения была спиральная лестница; как только мои охранники ушли, я, не теряя времени даром, спустился по ней и нашел внизу пять больших подземных комнат: две из них – с портьерами, гобеленами и мягкими кожаными диванами, третья – явно спальня, четвертая – с приспособлениями для гигиены.

Пятая же комната оказалась почти точной копией подземной камеры, служившей мне домом в кри-коре: с нишами в стенах и глубоким колодцем в полу, куда уходила еще одна спиральная лестница. Рядом с колодцем стояли покрытый зеленой скатертью стол и два стула. Вдоль дальней стены даже тянулась похожая яма.

В кри-коре я не стал обследовать колодец и яму, но теперь приближалось время, когда я должен буду сбежать и вернуться домой. Может, они ведут наружу? И я решил позже их осмотреть.

Усевшись за стол, я стал терпеливо ждать. Не прошло и нескольких минут, как я услышал знакомые шаги, и появилась улыбающаяся Пери, которая несла поднос с едой и напитками.

– Я не видел тебя во время путешествия, – сказал я, пока она переставляла все с подноса на стол. – Сначала я подумал, что тебя не взяли, потом стал гадать, не прячешься ли ты в одном из фургонов – тех, с медными стенками?

Пери улыбнулась, но не ответила; вместо этого она

предложила мне бокал вина. Я отпил глоток, и вино тут же согрело мой желудок.

– Сегодня продолжим уроки? – спросил я.

– Что ж, есть много новых слов, которые тебе стоит выучить – некоторые из них очень важны для любого пребывающего в городе. Еще я начну обучать тебя Высокому Языку, который используется для официального общения. Но дальнейшее обучение отложим до завтра, чтобы ты мог отдохнуть с дороги. Ты будешь в полной безопасности, пока не выйдешь за пределы сада.

– Зачем мне выходить, если здесь у меня есть все что нужно? – спросил я. – В этих стенах мне наверняка ничего не грозит.

– Каждая из тринадцати зон города отдана кому-нибудь вроде моей госпожи, – сказала Пери, – но между зонами идет жестокое соперничество, и любое проявление слабости может привести к изгнанию или даже к худшему. Вошедшие в город последними наиболее уязвимы. Мы собираемся двинуться на север, но должны заслужить это право. Только самые сильные обитатели тринадцати зон могут проходить через бронзовые ворота когда захотят. А сейчас мы, наверное, самые слабые. Поэтому оставайся дома или в саду и не делай ничего, что еще больше усложнит положение моей госпожи.

– Мне бы хотелось увидеть Бронзовые Ворота. Это возможно? – спросил я.

– И речи быть не может, – нахмурилась Пери. – Ты здесь чужак, и как только забредешь за пределы сада, госпожа больше не сможет тебя защитить.

Мне не терпелось увидеть ворота, а потом сбежать, но я скрыл свое разочарование, и мы молча поели. Вскоре Пери ушла, еще раз предложив мне отдохнуть и пообещав утром рассказать побольше.

Перед тем как отправиться спать, я поднялся на верхний этаж и вынес один из стульев в сад. Было холодно, но, несмотря на озноб, я почти час просидел в темноте, наблюдая, как звезды медленно совершают круг по небу. Звезды были такие же, как и внутри Барьера, и меня охватила тоска по дому.

Я скучал по Квин.

На следующий день Пери принесла из рук вон плохие новости.

Сперва она подробнее рассказала об опасностях, таящихся в этом городе. Чтобы пройти через Бронзовые Ворота на север, Шалатан с помощью боевых навыков своих воинов придется

продемонстрировать, чего она стоит. Оказывается, в том большом здании в центре города есть огромная арена, где через десять дней начнутся Игры – бои насмерть между представителями тринадцати джиннов. Занявшего последнее место немедленно изгонят из города; первое же место обеспечит Шалатан ключ от Бронзовых Ворот.

Мне стало ясно, как возникло Колесо Мидгарда с его тринадцатью Аренами. Но наше деревянное здание было бледным подражанием куполу в центре города джиннов.

– Значит, если нам не удастся отправиться на север, меня не смогут судить? – спросил я.

– Здесь никто не обладает достаточными знаниями, чтобы тебя допросить. А если допрос и суд не состоятся, моя госпожа будет вынуждена лишить тебя жизни. Таков закон.

– Хорошо, что она проделала такой длинный путь, чтобы меня выслушали, – сказал я.

Пери улыбнулась:

– Она делает это скорее ради себя, чем ради тебя. Здесь, к югу от Высокой Стены, обитают слабые. На севере, за Стеной, обитают сильные; те, кто состязается за право покинуть этот остров.

– Мы на острове? – удивился я.

– Да. Город стоит на острове, образованном течением реки; но мы находимся также на более обширном острове посреди океана. Еще один остров лежит к югу отсюда, а вдали есть огромные земли – континенты, где обитают самые могущественные джинны. Вот чего желает моя госпожа: быть вместе с сильными, а не со слабыми. Ты дал ей повод возобновить борьбу за положение.

Внезапный озноб пробрал меня, когда я понял, что подразумевает Пери.

– Джинны к северу более грозные, чем те, которых я видел до сих пор? – спросил я.

Ада упоминала о других разновидностях джиннов и предупреждала, что благодаря эволюции они, вероятно, стали более могущественными, чем во времена Империи. И вот теперь я понял, что это на самом деле значит. Нас всего несколько тысяч человек, а мир за нашим островом кишит джиннами.

– О да, – ответила Пери. – Разумеется! Их называют асками, и их сущности составляют огромные армии верхом на разирах. А еще они нанимают барсков и орлов, бинарных джиннов, чтобы те сражались бок о бок с ними, а также действовали в качестве воинов-посланников. Барск едет на о́рле, который бежит на двух ногах быстрее агнваны. Это грозные двойные твари, и на них

страшно смотреть. Они служат аскам, чтобы поддерживать порядок среди младших джиннов и улаживать конфликты.

– Мне бы хотелось посмотреть на одного из тех могущественных джиннов, Пери, – сказал я.

– Если ты выживешь, однажды твое желание увидеть аска исполнится. Но скоро ты наверняка увидишь барсков и орлов. Три бинарных джинна уже направляются сюда, чтобы надзирать за Играми, которые решат нашу судьбу.

– Я смогу посетить Арену и посмотреть на Игры? – спросил я.

Я ожидал категорического отказа, но, к моему удивлению, Пери сказала, что Шалатан обязательно пожелает, чтобы я там был.

После этого Пери начала учить меня Высокому Языку, но мне было трудно сосредоточиться на уроке.

После ухода девушки мне пришлось о многом поразмыслить. Последние сведения не сулили для вторжения гентхайской армии ничего хорошего, и я гадал – какие еще плохие новости ожидают меня на севере.

При первом взгляде на барска меня и вправду пробрал озноб, но величайшую тревогу внушил мне именно орл.

Однажды я быстро шел по краю озера, дрожа на холодном ветру. Здесь окаймляющая озеро изгородь была низкой и не мешала мне смотреть на огромную арену из красного камня в центре города. Игры должны были начаться через несколько дней, и эти состязания очень меня интересовали. Ведутся ли они по тем же правилам, что и Тригладус на Арене 13?

Внезапно я услышал странный звук – металлический, гулкий, надолго повисший в воздухе. Звук донесся с запада, от океана, и перед моим мысленным взором возникли Бронзовые Ворота в Высокой Стене. Я понял, что их только что захлопнули, впустив в город барсков и орлов, которые должны были прибыть сегодня.

Я продолжал идти вперед. Конечно, бинарные джинны не могли появиться у озера – их проводят в здание, где располагается Арена. Я вообще никого еще не встречал здесь во время своих прогулок. Пери сказала, что днем по эту сторону изгороди безопасно, но что я ни при каких обстоятельствах не должен пролезать в брешь и переходить озеро по центральному мосту, ведущему к Арене.

Когда я в конце концов вернулся обратно, все было тихо и спокойно. На земле лежал мелкий снежок – первый за эту зиму, но небо было ясным, и заходящее солнце отражалось в спокойных водах пустынного озера. Ближе к городу я видел лодки на некоторых озерах, но на этом – ни одной.

Я шагал прочь от моста, как вдруг далеко за моей спиной послышалось легкое ритмичное постукивание. Оно напоминало стук копыт, но не лошадиных, и четко раздавалось в неподвижном воздухе.

Я оглянулся и увидел, что кто-то движется по мосту в мою сторону. Мгновение я пристально всматривался туда…А потом кровь в моих жилах застыла.

Седок ехал на спине создания не больше лошади, но в аллюре этой «верховой» было что-то очень странное. Увидев, что существо передвигается на двух ногах, я повернулся и пошел от озера к своей ханше так быстро, как только мог, не срываясь на бег. Я не захватил с собой ни меча, ни щита – зачем носить их на прогулку у озера? – и теперь чувствовал себя ужасно беззащитным.

Я рискнул снова оглянуться и увидел, что странное создание и его наездник уже у края моста. Теперь они приостановились и, похоже, пристально смотрели в мою сторону.

Я поспешил дальше почти бегом. Еще один взгляд сказал мне, что парочка следует за мной. До сих пор я возвращался по своим следам, оставленным на снегу; теперь же свернул влево, к городской стене, в сторону от своего жилища.

Я твердил, что веду себя глупо; барск и орл не гонятся за мной – просто следуют своим путем ко входу в подземелье, чтобы посовещаться с Шалатан и обсудить приближающиеся Игры.

Однако очередной взгляд вне всяких сомнений подтвердил, что они нацелились на меня. Слева от меня в городской стене была маленькая потайная калитка, которую я часто исподтишка исследовал, но она каждый раз оказывалась накрепко заперта. Отсюда до ханши оставалось еще пятьсот шагов.

Я понял, что мне не сбежать, и остановился. Я никогда не смог бы перегнать эту тварь и ее наездника. Кроме того, если я побегу, джинн с полным правом может считать меня своей добычей. Пери заверила, что я буду в безопасности, если не сунусь в сад после темноты, – значит, раз солнце все еще висит над горизонтом, мне нечего бояться.

Я повернулся лицом к своим преследователям, пытаясь отдышаться и представляя, как бы повел себя в такой ситуации Гаррет, храбрейший из воинов. Я мысленно услышал его смех и неистовые слова, которые никогда не были пустой бравадой: «Всего один, Лейф? Вряд ли он стоит моих хлопот. Я оставлю его тебе!»

Барск остановил орла, когда до меня оставалось примерно десять человеческих шагов.

Хотя барск представлял собой ужасающее зрелище, создание,

на котором он ехал, внушало еще больший страх.

Я видел в глазах разира похожий ум, но куда менее острый. Орл был чуть крупнее верховых лошадей гентхайских воинов, но не такой коренастый, как тяжеловозы Джиндина. В некоторых отношениях благодаря таким же быстрым, порывистым, целеустремленным движениям он смахивал на птицу, но ноги его были более мускулистыми и покрыты зеленой чешуей, как у болотной ящерицы, а тело – крупным, с длинным хвостом, который дергался за ним как третья нога. Тонкие жилистые руки имели по пять пальцев, в том числе противостоящий большой; пальцы эти ритмично сгибались и разгибались, их острые когти блестели, как маленькие серебряные кинжалы. Широкие ноги опирались на три когтистых пальца, из пятки выступала острая костяная шпора. Шея была длиннее лошадиной, и только ее защищали пластинчатые доспехи вроде тех, что носил разир. На массивной, как гранитный блок, голове подергивались и поворачивались туда-сюда очень маленькие уши, словно пытаясь прислушаться одновременно ко всему, что происходит вокруг. Морду и плечи покрывали чешуйки с черной каймой, темнее чешуи на теле. Еще ужаснее злобных глаз были зубы: двойные ряды острых как бритва, клыков, загнутых внутрь приоткрытой пасти, словно готовящейся укусить.

Я представил, какими страшными противниками окажутся в ближнем бою такие создания: их ноги станут пинать и потрошить; руки – рвать, терзать и пускать в ход оружие; пасть – кусать и, крутанув, вырывать плоть и даже перегрызать кость. Какой шанс у лошади против такого существа?!

Я оторвал взгляд от орла и посмотрел на его седока.

Барск напоминал человека, но с той разницей, что у него было четыре руки. Двумя он держался за черные костяные дуги, торчащие из защищенной броней шеи орла, а двумя другими сжимал оружие: длинное зазубренное копье, привязанное к орлу витком цепи, и топор, лезвие которого уравновешивалось смертоносной пикой на обухе.

Я тут же понял, какое преимущество в битве дают лишние руки. Те, что сжимали торчащие костяные выступы, были очень мускулистыми, гораздо толще двух других, в которых барск держал оружие. Гентхаев трудно выбить из седла, но я понял, что барска с его орла может свалить только смерть.

На барске были черные доспехи из маленьких, заходящих друг на друга пластин, по которым пробегала ритмичная дрожь словно из-за дыхания; на груди доспехов красовался знак в виде тройного шипа из филигранного серебра. Перчатки из мягкой коричневой кожи защищали руки, открытым оставалось только

лицо. Тонкая носовая пластина конического шлема тянулась до удлиненного подбородка, и я подумал, что нос барска тоже должен быть тонким, раз его полностью прикрывает металл. Близко посаженные глаза изучали меня со смесью презрения и ненависти.

Потом барск заговорил. Выговор его отличался от того, что был у Пери и Шалатан, и фразы звучали очень официально. Пери называла это «Высокий Язык», но к тому времени я уже мог понимать почти все, что на нем говорили.

Барск, похоже, знал, кто я такой, потому что не пытался задавать вопросы. Судя по его поведению, он не собирался нападать, но для воина-барска было явно необычным встретить в стенах города человека-варвара. И он понимал, что его враг находится под защитой.

– Твое присутствие здесь глубоко оскорбляет меня, – сказал барск. – Я повелеваю тебе с сего мгновения не покидать жилища. Хоть ты и не в цепях, отныне ты не волен бродить снаружи.

Я улыбнулся и ответил на Высоком Языке:

– Но разве это место не отдали моей госпоже? И разве ты не знаешь, что мне даровано разрешение бродить свободно между ханшей и оградой?

Барск напрягся и низко зашипел. Орл зашипел с ним в унисон, а потом издал горловое рычание, от которого завибрировали защитные пластины на его шее: создание поняло мои слова, и они его разозлили.

– Это я дозволил ей поселиться здесь, – прошипел барск. – И я могу отменить или ограничить это дозволение. Знай: если я снова тебя здесь найду, ты будешь принадлежать мне. Сначала я тебя допрошу. А после прикончу. Отныне закон в этом городе – я. Везде, где я – там закон. И слова мои – закон. Ты понял?

Я низко поклонился.

– Да, чаккан, я буду повиноваться твоей воле, – сказал я, употребив слово «господин», которым, как сказала Пери, называли тех, кто к северу от Стены имел высокий ранг.

Барск, кажется, расслабился и, бросив на меня последний сердитый взгляд, который, без сомнения, должен был меня устрашить, повернул орла и поехал прочь.

Встреча с бинарным джинном лишила меня спокойствия, но все, о чем я мог думать, – это о проблемах, с которыми столкнутся лучники гентхаев, целясь в глаз барска или орла. Мне показалось, что в обе мишени попасть будет очень сложно.

12. Что-то коснулось моей шеи

Джинн-сикода, такой, как Хоб, питается жаждой мести.

Он способен на бесконечную жестокость.

«Руководство по языку Ним»

Квин

Было так темно, что я не видела Хоба, но слышала его тяжелое дыхание. Он стоял очень близко ко мне, и его кислое дыхание разило старой кровью. Даже не видя его, я ощущала, насколько он велик. В моем воображении он навис надо мной как великан.

Я не сомневалась, что джинн пришел меня убить, но я не хотела облегчать ему эту задачу. Хоть он и предупредил, чтобы я не поднимала на него кинжал, я напряглась, намереваясь именно так и поступить.

Сердце мое трепетало от страха, но я все-таки верила в себя и собиралась исполнить свой танец. Мне хватит быстроты, чтобы резануть Хоба прежде, чем он сломает мне шею, и я приготовилась, оценивая расстояние до его глотки.

– Убери свой кинжальчик. Сейчас я не стану тебя убивать, – сказал Хоб. – Я приберегу это удовольствие на потом.

– Ты убил Гудвина! – воскликнула я.

– Его смерть была быстрой и милосердной, – ответил джинн. – Я предпочитаю убивать медленно, и в будущем именно так и стану поступать.

– Но зачем… Зачем ты его убил?

– Его смерть была первой из многих. Меня пытались уничтожить. Когда попытка потерпела крах, началось восстание против правления джиннов. Протектора сместили с должности и

заточили. С этим нельзя смириться; ему следует вернуть власть, а гентхаи должны удалиться из города. Я поразмыслил о том, что произошло, и тщательно взвесил свой ответ, – от гулкого голоса Хоба вибрировал воздух. – Пока мои условия не выполнят, я буду убивать и убивать тех, кто был замешан в восстании. Тебя я пока пощажу, но не сделаю этого во время нашей следующей встречи. Я собираюсь убить тебя на глазах у Лейфа. Медленно, ты будешь безмерно страдать, а я буду наслаждаться му´кой на твоем лице. Расскажи об этом Тайрону. Передай ему также, что он в длинном списке тех, кого я намерен убить. Мое отмщение никогда не свершится. Даже некоторые невинные, не принимавшие никакого участия в мятеже, будут страдать и умирать.

Наступила долгая тишина, которую нарушало только тяжелое дыхание Хоба.

Потом он заговорил снова:

– Ты напоминаешь мне свою мать. – Голос его внезапно смягчился. – У тебя ее лицо и, что еще важнее, ее сила духа. Твой дух – та разновидность человеческой силы воли, которую я с наслаждением ломаю.

– Что ты знаешь о моей матери? – гневно спросила я.

Я поняла, что Хоб может видеть в темноте. Он ясно видел мое лицо – и, наверное, видел лицо моей матери до того, как она умерла.

Хоб не ответил.

Потом что-то коснулось моей шеи. Первым моим порывом было отшатнуться, но я заставила себя остаться на месте. Я поняла, что Хоб холодными пальцами гладит мою шею от челюсти до ключицы.

Это было омерзительно! Но тем лучше: хотя голос джинна намекнул мне, где он стоит, лишь теперь я точно знала, где он скрывается в темноте, и смогла оценить расстояние до цели. Все, что он говорил, не давало моему гневу угаснуть. Я уже балансировала на пятках. Я была готова. Вот он, нужный момент!

Сделав шаг вперед, я пырнула его в горло. Я была очень, очень проворной, и мой клинок устремился прямо в цель, но… пронзил только воздух.

Внезапно снова загорелись огни, и я увидела, что Хоба здесь больше нет.

Сунув кинжал обратно в рукав, я опустила глаза и увидела бедного Гудвина.

Я встала рядом с ним на колени, избегая смотреть в невидящие глаза, уставившиеся в потолок. На юноше не было никаких отметин, ни пятнышка крови, но он не дышал, и его голова была повернута под невозможным углом – ему сломали

шею.

Он был милым – вежливым, способным и остроумным, и в нашу первую встречу заставил меня смеяться. Я могла бы приписать это действию пунша, но это была бы неправда. Я флиртовала с ним… Если бы я так себя не вела, его родители не сделали бы предложение, которое стоило ему жизни.

И его не было бы здесь, со мной, когда появился Хоб.

Бедный Гудвин все еще был бы жив.

Невозможно сообщить такие новости на бегу.

В комнате для переговоров все улыбались и вежливо кивали, прихлебывая напитки и разговаривая.

Избегая встречаться с людьми взглядами, пытаясь взять себя в руки, я прошла между гостями и направилась прямиком к отцу. Отец мог читать мое лицо как открытую книгу: один-единственный взгляд сказал ему, что произошло нечто ужасное.

Мы вышли наружу, и я коротко рассказала ему о том, что случилось, передав угрозы Хоба. Я дрожала с головы до ног.

Отец все взял на себя. Он сообщил о случившемся городскому ополчению в западном крыле дворца и послал весточку Конниту, предводителю гентхаев. На это ушло всего несколько минут.

Потом отец поговорил наедине с родителями Гудвина. Я была ему благодарна, что он не попросил меня присутствовать при этом.

Он сделал все что мог, чтобы предотвратить панику, но люди все равно запаниковали.

Вопли и всхлипывания матери Гудвина взбудоражили всех.

Вскоре всем стало известно, что Хоб убил Гудвина в нижних этажах дворца, и гости старались как можно быстрее убраться из здания.

Дома отец позвал меня в свой кабинет, чтобы поговорить с глазу на глаз, и заставил рыться в памяти, заново пересказывая все, что произошло; повторять угрозы Хоба слово в слово, насколько я смогла их запомнить. Это выматывало, к тому же я все еще была потрясена смертью Гудвина.

– Прости, что тебе снова пришлось пройти через все это, – в конце концов проговорил отец, похлопав меня по руке, – но я должен точно знать, что он сказал. Ада сообщила мне, что Хоб – разновидность джинна под названием сикода. Такие джинны способны отлично вести дознание, хотя их главные функции – пытки и шпионаж. Они мстительны и наслаждаются, причиняя боль; редко угрожают впустую и обычно точно выполняют свои обещания. – Отец вздохнул и потянулся к бутылке красного вина. Потом как будто передумал, опустил руку и покачал головой: –

Гентхаи не покинут город, и Протектору наверняка не вернут власть, поэтому Хоб начнет нападать и убивать. Ясно, что все, вовлеченные в заговор против него, станут мишенями – вероятно, включая и семьи этих людей. Мы можем усилить стражу и расставить охранников везде, где только можно, но люди все равно будут погибать; мы не сможем защитить всех. Этого я и боялся. Дела идут хуже некуда.

– Хоб сказал, что у меня лицо моей матери, – проговорила я, наблюдая за отцом.

Он побелел – хотя любое упоминание о маме всегда заставляло его грустить.

– Он играл с тобой, Квин, пытался причинить тебе боль всеми возможными способами. Он палач, и иногда его инструменты – слова.

– Он видел мою мать? – спросила я.

– Без сомнения. Он меняет облик и бродит среди нас незамеченным. Он мог проходить мимо нее на рынке или мельком видеть ее в саду, идя мимо нашего дома. Но он прав. Я одинаково люблю обеих дочерей, но у тебя лицо твоей матери – и в придачу ее железная воля и неистовый дух. Иногда я слишком тороплюсь тебя наказывать, но это потому, что ты так сильно напоминаешь мне ее; в гневе я наношу удар, потому что мне самому больно.

Слезы потекли у него из глаз, и я подошла к нему и обнимала до тех пор, пока он не успокоился. Когда я уходила, отец уже протянул руку, чтобы налить себе бокал красного вина.

Начало было скверным.

Хоб стал нападать на фермы, стоящие в стороне от города. Погибали целые семьи – мужчины, женщины и даже маленькие дети. Он не щадил никого.

Дюжина таких нападений случилась в ночь после смерти Гудвина. Чтобы убивать, Хоб пустил в ход множество своих сущностей. После второй ночи беспорядочных убийств, произошедших в городе, были приняты экстренные меры. Раньше воины-гентхаи патрулировали только городские окраины и главные дороги между Джиндином и Майпосином, теперь же им разрешили дежурить и в городе, чтобы помочь ополчению. Они окружили и цитадель Хоба… Но все это ничего не дало.

Убийства продолжались. То ли Хоб пользовался тайными тоннелями, ведущими в его логово, то ли (ведь он был оборотнем) многие его сущности уже ходили рядом с нами неузнанными.

Отец сказал, что мне назначат вооруженного охранника,

который будет сопровождать меня всегда, когда я решу выходить из дома. Я не спорила. Опасность была вполне реальной, хотя я считала, что Хоб дождется возвращения Лейфа и только тогда попытается меня убить.

Охранник ждал меня в саду – высокий, мускулистый, в гентхайской кольчуге до колен. Еще он был в коротком плаще с черным капюшоном, застегнутым до подбородка, чтобы скрыть горловую втулку, – потому что это был Трим, разумный лак, созданный Адой. Вместе с Лейфом он победил Хоба на Арене 13.

Трим кивнул мне и зашагал вслед за мной к административному зданию. У двери отцовского офиса он слегка поклонился:

– Я подожду здесь. Позови меня, если понадоблюсь.

– Сначала зайди, Трим. Мне бы хотелось задать тебе несколько вопросов, если можно.

Лак очень меня интересовал. Он сопровождал Лейфа, когда тот впервые стал посредником между гентхаями и дирекцией Колеса. На той встрече Трим метнул копье, убив Киро, управлявшего Общиной, где держали множество лаков. Киро был жестоким тираном, он заставлял лаков сражаться друг с другом на арене, окруженной длинными клинками, и многие погибли ужасной смертью, изрезанные в клочья. Киро нарушал закон, но, поскольку там делались деньги, власти закрывали на это глаза.

Казнив Киро, Трим исчез. Некоторые думали, что он присоединился к диким лакам, которые, как считалось, живут под Общиной.

Мы вошли в офис, я заварила травяной чай, разлила его по двум чашкам и протянула одну Триму. Мы уселись друг напротив друга.

– Чем ты занимаешься сейчас, когда предоставлен сам себе? – спросила я с улыбкой.

– Жду возвращения Лейфа, – ответил Трим. – Надеюсь, Хоб бросит еще один вызов и мы с Лейфом снова сможем его победить.

– Но чем ты пока занимаешься? – настаивала я.

– Иногда выполняю поручения Коннита. Иногда встречаюсь с Адой и Тайроном. Мы разговариваем о будущем и о том, что может произойти. Мы составляем планы.

– Говорят, ты спускался в подземелья под Общиной. Это правда?

– Да, я разговаривал с дикими лаками. Теперь, когда Киро мертв и дела пошли лучше, некоторые из них решили вернуться на верхние уровни и тренируются со своими прежними

хозяевами.

– Ты говоришь, что они «решили» это сделать… Но я думала, ты единственный разумный лак. Разве у других тоже есть сознание?

– Они не такие разумные, как я, но кое-что смутно осознают. Я могу общаться с ними так, как не могут люди. Я беспокоюсь за лаков. Как Лейф с его происхождением может разговаривать и с гентхаями, и с городскими жителями, так и я могу быть посредником между людьми и лаками… которые заслуживают лучшего обращения. Как только мы уничтожим Хоба, я собираюсь стать представителем их интересов.

– Да, с лаками обходились скверно, – согласилась я. – Но некоторые механики вроде моего отца хорошо присматривали за своими. Когда будешь ходатайствовать за лаков, я тебя поддержу. Вот если бы мы могли уничтожить Хоба немедленно!

– Это случится в недалеком будущем. Но не бойся его: пока я тебя охраняю, он не тронет и волоска на твоей голове.

То ли благодаря присутствию Трима, то ли из-за своей угрозы убить меня на глазах у Лейфа, Хоб ничего против меня не предпринял – зато другие заплатили ужасную цену.

На четвертую ночь резни Хоб напал на ферму, стоящую вдалеке от других, и убил фермера, его жену и двоих сыновей.

Одного сына он пощадил.

Это был Дейнон.

Хоб знал, что его тренирует мой отец, и сказал Дейнону, что тот тоже умрет, но позже. Представляю, как испугался Дейнон, оказавшись лицом к лицу с Хобом и осознав, что его семья мертва!

Соседи согласились позаботиться о животных, и Дейнон вернулся в наш дом. Ему понадобилось несколько дней, чтобы он смог хоть немного прийти в себя.

На седьмую ночь напали еще на шесть ферм, а в городе вломились в тринадцать домов, где убили всех до единого. Но той ночью гентхаи одержали свою первую победу: одна из сущностей Хоба была поймана на открытом месте и изрублена в куски.

Большинство людей думали, что это только раззадорит Хоба. Джиндин и сельскую округу охватил ужас.

Как и все остальные, я боялась Хоба, но еще больше меня ужасало, что Лейф не вернется. По нашим расчетам, он уже давно должен был появиться, и с каждым днем мои дурные предчувствия усиливались.

А потом ситуация в Джиндине дошла до критической точки.

Хоб требовал, чтобы гентхаи удалились из города и чтобы Протектору вернули власть. И гентхаи наконец-то дали свой ответ.

Они казнили Протектора.

13. Мы правим звездами

Когда джинны противостоят друг другу, рукопожатие – обычный предварительный обмен информацией, чтобы установить личность и цель.

Это первая стадия протокола.

«История Конфликта»,
Эйтель Пессимист

Лейф

Мне не разрешили смотреть на Игры.

Шалатан попросила, чтобы мне дозволили присутствовать там в цепях, но барски и орлы запретили. Теперь они были в городе законом, а она подчинялась их воле.

Какое разочарование!

Днем я стоял в открытых дверях ханши, не осмеливаясь выйти в сад – вдруг за мной наблюдают. Огромная круглая арена была под крышей, но все равно я слышал, что происходит внутри. Там били барабаны, кричали и пели. Время от времени эти звуки заглушались воплями и пронзительным визгом, как будто боец испытывал смертные муки.

Ночью Пери пришла ко мне и принесла очень плохие новости:

– Барски и орлы приказали, чтобы Шалатан в течение недели передала тебя им. Они говорят, что ты шпион и тебя следует казнить.

– Шалатан послушается? – спросил я.

– Она протестовала и оттянет передачу насколько возможно, но рано или поздно ей придется подчиниться этим требованиям. Мне жаль, Лейф. Я надеялась, что мы вместе отправимся на север.

Я понял: нужно немедленно бежать! Но я должен был скрывать свои планы от Пери, поэтому изменил тему разговора и спросил о событиях дня:

– Воины Шалатан хорошо выступили сегодня на арене?

Пери улыбнулась:

– Чтобы определить порядок состязаний, был брошен жребий. Моей госпоже предстоит сражаться только завтра.

– А как вообще происходит состязание? – спросил я. – Каковы правила?

– Джинны сражаются с джиннами, и победитель занимает более высокий ранг, а проигравший – более низкий. Разрешено любое оружие – хотя, конечно, моя госпожа сама не выходит на арену.

– Как же тогда завоевывается победа?

Меня это очень интересовало. На Арене 13 состязание выигрывалось, когда бойцу-человеку наносили порез. А на этой арене что – сражаются до тех пор, пока не убивают все сущности джинна?

– Я буду мишенью. Если меня убьют, моя госпожа проиграет.

Я удивленно посмотрел на Пери. Мне была невыносима мысль о том, что ее ранят, не говоря уж о том, что убьют. Для меня она стала почти другом.

– Почему именно ты? – спросил я.

– Потому что я Пери-коммуникатор. Битвы на арене – последняя коммуникация, метод, с помощью которого определяется иерархия. Поэтому справедливо, что я должна быть мишенью.

Я беспокоился о Пери, но понимал: теперь, когда моей жизни угрожает новая опасность, надо бежать как можно скорее. Добравшись до Высокой Стены, я уже добился всего, чего надеялась добиться наша экспедиция. Если бы мне удалось благополучно вернуться в Мидгард, Гаррет погиб бы не напрасно. Хотя у меня больше не было отцовской карты, я выяснил, что она верна, и четко запомнил ее детали. Мы сможем последовать самым безопасным путем, избегая Серого Города, а когда доберемся до Высокой Стены, возьмем под контроль ворота и сможем держать здесь оборону против севера.

Во время путешествия самую большую угрозу для нас будут представлять крылатые создания, но теперь нам хотя бы знакома эта опасность. Возможно, мы сумеем придумать, как от них защищаться.

Каждый день я тревожно ожидал возвращения Шалатан. К моему облегчению, две первые битвы ее воины выиграли, но на третий день случилось невообразимое. Пери убили.

Когда воины принесли в сад ее окровавленный труп, я подбежал, взял в ладони ее голову и, глядя в ее невидящие глаза, заплакал. Воины стояли неподвижно и молча таращились на меня.

Потом приблизилась Шалатан и, не успел я заговорить, как она нацелила на меня палец. Сердце у меня в груди затрепетало, и я вновь провалился в темноту.

С тех пор меня держали взаперти в маленькой камере глубоко под землей, куда еду приносили всего раз в день. Наконец, спустя почти неделю, воины отвели мня в круглое помещение, точь-в-точь такое, как в кри-коре.

Я очутился лицом к лицу с Шалатан, которая сидела в высоком кресле, одетая так же, как во время нашей первой встречи; за ее поясом были изукрашенные кинжалы, на шее – черный медальон с рубинами.

Я знал, что мне полагается отвечать, а не задавать вопросы, но я сердился и все еще очень горевал о Пери.

– Почему со мной так скверно обращались? – крикнул я.

К моему удивлению, Шалатан не выбранила меня; в ее глазах было нечто сродни сочувствию.

– Барски и орлы жаждут отобрать у тебя жизнь и требуют, чтобы я отдала им тебя завтра, прежде чем солнце поднимется высоко. Я не могу отказать. Я и так была слишком снисходительна к тебе и содержала не так, как следовало бы содержать пленника. Когда я научила тебя нашему языку, мы чересчур сблизились. Это моя вина, и вот почему они требуют твоей выдачи. Все кончено. Но не думай, что я отдаю тебя по доброй воле. Я собиралась отвезти тебя на север, чтобы судить там, и будь выбор за мной, так бы и поступила. Я не хотела, чтобы все закончилось вот так.

– А я не хотел, чтобы погибла Пери, – печально сказал я.

Шалатан впервые улыбнулась:

– Тебе еще многому следует научиться. Пери не мертва. Пока жива наша мать, как Пери может умереть? Она будет рождена заново шатеком, как и все мы. Смерть лишь временна. Пока жива наша мать, мы не можем умереть.

– Тогда позволь мне увидеться с ней в последний раз! – взмолился я.

Шалатан покачала головой:

– Она пока не может говорить. Но она все еще будет разговаривать, когда ты уже станешь прахом. Мы будем помнить тебя, ученый.

Потом меня отвели обратно в камеру, и я ждал в темноте,

когда меня передадут барскам. Мои мысли все время возвращались к тому, что сказала Шалатан: «Пока жива наша мать, мы не можем умереть».

Еще одно открытие. Теперь мне стало ясно то, что Ада давно бы уже поняла: ключ к уничтожению Хоба – убийство шатека, с помощью которого рождаются его сущности. Это и должно стать нашей первоочередной задачей.

Той ночью за мной пришли, и я шагнул из дома в темноту, ожидая увидеть барска и орла.

Вместо них за открытой калиткой сада ждала женщина, глядя на городскую ограду и на стоящую еще дальше Высокую Стену. Женщина была босая, в длинном платье, и на мгновение мне подумалось, что это Пери, но при моем приближении она повернулась, и свет звезд озарил саму Шалатан. Она смерила меня с ног до головы властным взглядом, но потом выражение ее лица смягчилось, и, поманив меня за собой, она двинулась к городской стене.

Я оглянулся и увидел, что мой эскорт остановился у выхода из ханши.

Я зашагал за Шалатан, но, подойдя ближе, замедлил шаги – она могла решить, что мне негоже идти рядом с ней. Однако, к моему огромному удивлению, она внезапно остановилась, схватила меня за руку и крепко сжала ее, пристально глядя мне в глаза. Я впервые оказался так близко к ней – обычно Шалатан ездила на разире или сидела в кресле – и понял, что мы с ней одного роста.

– Контакт наших рук беспокоит тебя, ученый? – спросила она. – Наше предыдущее рукопожатие тебя не волновало.

Выражение ее лица снова едва уловимо изменилось. Оно смягчилось, бледная кожа с зеленоватым оттенком словно потемнела, и – внезапное потрясение – я понял, что гляжу в мягкие карие глаза Пери. Это длилось всего мгновение. Глаза и кожа не могли на самом деле изменить цвет (меня явно подвело воображение), но я мельком увидел сходство между Пери и ее госпожой Шалатан.

– Ты не знал, ученый, что мы – одно? – спросила она.

Все еще держа меня за руку, она начала гладить ее большим пальцем, медленно и ласково, как некогда делала Пери.

– Это я пожала тебе руку, я научила тебя словам нашего языка, – негромко проговорила Шалатан. – Я пила с тобой вино и преломила хлеб – и я, облаченная в синие доспехи, убила своих врагов. Я сражаюсь и умираю, и вновь рождаюсь из лона моей матери, чтобы сражаться и умереть опять. Семьсот тринадцать –

это мы. Не больше и не меньше. Семьсот тринадцать – мое число. И каждый из них – я, потому что мы одно. Я джинн-воин. Я Шалатан.

Голова моя шла кругом, я начал считать. Было семьсот воинов. Плюс четыре личных охранника Шалатан, а иногда – еще шесть, итого семьсот десять. Вместе с Пери и Шалатан получалось семьсот двенадцать. Потом я вспомнил шатек, которая бегала в яме под моей камерой.

Шатек была матерью всех в ее кри-коре. Обитавшие там являлись одним созданием, существом с единым разумом и многими сущностями. Шалатан была таким же джинном, как и Хоб, но гораздо более высокого ранга.

Мир за Барьером населяли джинны вроде Хоба. Хотя здесь, на арене, сражались сотни воинов, на самом деле джиннов было всего тринадцать, по одному в каждой зоне; всего тринадцать, но каждый – с толпой сущностей.

Я уже понял это, потому что изучал Хоба и беседовал с Адой, но только теперь, выслушав объяснения Шалатан, осознал, что на самом деле значит этот факт, и увидел все ее глазами. Разговаривая с Пери, я разговаривал с горстадом, и все сущности Шалатан делили высший разум. Они и вправду были единым целым, и все они слушали меня.

Шалатан снова повернулась к стене.

– Мы должны торопиться, – прошептала она. – Еще немного – и взойдет луна.

По-прежнему держа меня за руку, Шалатан повела меня по траве к городской стене. Вскоре мы уже следовали вдоль плавного изгиба стены на запад. Сердце мое подпрыгнуло, когда я понял, что мы направляемся к маленьким боковым воротам, которые я заметил во время своих блужданий. Сейчас они были открыты, и я с удивлением увидел кобылу Ларас, ожидающую в тени за воротами. Мало того, здесь было мое оружие: в ножнах, притороченных слева и справа от седла, висели два длинных меча, оставленные у Серого Города, а под лукой – мой щит. На траве, слегка поблескивая в свете звезд, лежал короткий меч и брошенные на каменном мосту лук и стрелы.

– Ты принесла мое оружие?!

– Конечно – мы забрали все, что ты оставил.

– Но моя лошадь… Агнван… Она была мертва, а теперь жива. Как такое возможно?

Шалатан улыбнулась.

– Многие твари могут возродиться из лона шатек, – загадочно сказала она.

В голове моей теснились другие вопросы, но я видел, что

Шалатан начинает терять терпение.

Внезапно она отпустила мою руку.

– Возьми все это, – велела она. – Я возвращаю воину то, что ему принадлежит.

Удивленный, я быстро поднял короткий меч и сунул его в ножны за плечом. Потом взял лук и колчан, наполовину полный стрел. Я быстро сосчитал их – двадцать две, как и раньше. Я забросил колчан за плечо и прикрепил лук к ремню, свисающему с лошадиной шеи.

– Не медли! – скомандовала Шалатан. – Скачи прямо к маленькому мосту на юге. Сегодня ночью его не охраняют. Как только переправишься через реку, мчись во весь дух. На равнине при свете луны тебя увидят с башни, и барски с орлами пустятся в погоню. До восхода луны осталось десять минут, используй это время с толком. Твоя агнван быстрая и выносливая. Если ты возьмешь хороший старт и сможешь продержаться впереди барсков и орлов до рассвета, они, наверное, прекратят погоню.

Я сел на Ларас и сверху вниз посмотрел на Шалатан.

– Спасибо, что даешь мне шанс выжить, – негромко сказал я.

– Почему, как ты думаешь, я тебя отпустила? – спросила она.

Я улыбнулся и пожал плечами:

– Может, из великодушия?

– Барски и орлы посетили меня снова меньше часа назад и сказали, что меня тоже следует послать на север и судить. Они считают, что я осквернена, потому что так долго находилась рядом с тобой. И меня, без сомнения, сочтут виновной и приговорят к смерти: все мои сущности, включая шатек. Смерть наша будет окончательной. Таково их решение – и я не могу изменить их волю. Возможно, они правы: мы слишком сблизились, и я научила тебя слишком многому. Теперь они не смогут сделать со мной ничего худшего; что может быть хуже суда и смерти? Поэтому я даю тебе шанс на свободу. Я делаю это не ради тебя, но ради твоего народа. В конце концов, мы, джинны, – дети людей, и не все дети ненавидят своих родителей. Я предпочла человеческий облик всем другим, потому что мне приятно в нем находиться. Возвращайся, ученый, и расскажи людям, с чем они имеют дело. Расскажи, какими глупыми надо быть, чтобы вторгнуться в наши земли.

– Вторгнуться? – спросил я, собираясь протестовать – мол, ничего подобного.

Шалатан улыбнулась:

– Думаешь, меня так легко одурачить шпиону, который носит карту? Карту, которую он все еще чертит? А теперь возвращайся и доложи обо всем своим. Расскажи, что есть джинны вроде меня с

силой семисот тринадцати. Есть много таких Шалатан. И есть легионы джиннов куда более великих – у них сущностей столько, что и не сосчитать. Расскажи также о барсках и орлах. А потом объясни, что это только начало. За Высокой Стеной людей ожидают куда большие ужасы; ты видел лишь самую малую часть воинов-джиннов. Умоляй свой народ остаться в безопасности в Дануре – земле, которую им выделили. За стеной тумана люди могут жить, но если они пересекут Барьер, опоясавшись для войны, они будут навсегда стерты с лица земли. – Шалатан показала на небо и сказала: – Джинны правят звездами.

– Вы уже добрались до звезд?! – поразился я.

– Да. За этим островом есть обширные континенты, которыми управляют джинны, но мы добирались и до миров, которые вращаются вокруг своих солнц – таких же, как наше. Мы хотим, чтобы ты об этом знал. Заставь других людей понять, заставь их образумиться. Вот почему я тебя отпустила. Если люди вторгнутся сюда, у них не будет надежды на победу, я же предлагаю твоему народу шанс на жизнь. А теперь ступай и донеси мое предупреждение – предупреждение той, кто скоро умрет.

– Я передам твои слова, Шалатан, – ответил я. – И благодарю за данный мне шанс. Прости, но теперь я осмелюсь дать тебе совет. Не иди смиренно навстречу смерти. Этой ночью покинь город и возвращайся в свой кри-кор на юге. Собери своих вассальных джиннов и сражайся с теми, кто преследует тебя. Ты ведь воин, а воин должен умирать сражаясь. Разве может быть лучший конец?

Шалатан улыбнулась, но ничего не ответила.

А я поскакал через открытые ворота навстречу свободе. Город находился слева от меня, темный изгиб реки и Высокая Стена – справа.

Спустя несколько минут я увидел слева маленький мост. Как и обещала Шалатан, он не охранялся, и я быстро проскакал по нему; река внизу текла на запад.

Но переправившись через реку, я продолжал ехать к океану вместо того, чтобы двинуться на юг, к дому, тем же путем, каким я сюда попал. Барски и орлы вскоре могли пуститься в погоню, но мне нужно было осмотреть Бронзовые Ворота и решить, насколько легко их можно протаранить.

Ларас заржала, когда я сменил направление, но я заставил ее скакать к воротам.

Вскоре красные стены – западная граница города – остались далеко позади; здесь две реки сливались в одну, широкую и глубокую, и устремлялись к Западному Океану, который был не

больше чем в двух лигах отсюда. Я чуял в воздухе соль и слышал далекий шум бьющего о берег прибоя.

Справа от меня через реку был перекинут мост, и я поскакал по нему. Копыта кобылы гремели по камням, эхо отдавалось от Высокой Стены.

Огромные Бронзовые Ворота находились прямо напротив моста; теперь стало видно, что они круглые, как огромная темная пасть в сером камне. Ворота крепились к Стене громадными железными болтами и были такими большими, что понадобилась бы армия, чтобы просто сдвинуть их с места. Но с них свисали цепи, а сбоку на бетонном основании стояли два кабестана[1]. Чтобы их вращать, явно использовали животных – наверное, разиров.

Оглянувшись, я увидел позади равнину, омытую лунным светом. Стена была так высока, что луна все еще скрывалась за ней, но как только я покину это место, меня ясно увидит любой, кто несет дозор на высокой сторожевой башне.

Я еще раз внимательно рассмотрел ворота: они открывались в сторону реки – значит, их контролировали те, кто находился по эту сторону. Странно: ведь к северу отсюда притаилась куда более грозная сила.

Это что, защитная стена? – задумался я. Внезапно я понял, что ее могли построить те, кто правил этими землями раньше – может, даже предки моего народа, – чтобы не подпустить некую угрозу с севера. Как бы дело ни обстояло в действительности, стена могла пригодиться для этой цели и сейчас. У армии гентхаев уйдет много недель, чтобы до нее добраться, но, попав сюда, они смогут отдохнуть и собраться с силами в безопасном месте, защищенные Высокой Стеной.

Я увидел достаточно, поэтому повернул лошадь. Опасность дышала мне в спину, и, едва добравшись до южной стороны моста, я пустил Ларас в галоп и вынырнул из тени Высокой Стены. Луна уже поднялась в небо над нею.

И тут со сторожевой башни внезапно донесся резкий рев трубы; эхо металось туда-сюда, как издевательский смех.

Я поскакал прямиком на север; стук копыт отдавался в моей голове, подстегивая меня.

Вокруг была плоская пахотная земля, временами пересеченная дренажными канавами, которые Ларас легко перепрыгивала, но через две-три мили начнется подъем. Еще две мили – и мне придется спешиться и вести лошадь в поводу на вершину крутого склона.

Интересно, насколько быстро по такой ровной земле может бегать орл с барском на спине? И сумеет ли он подняться на

холмы там, впереди?

У меня мелькнула подленькая мысль: может, Шалатан освободила меня по приказу барсков и орлов, чтобы те могли поразвлечься, охотясь за мной?

Я оглянулся на залитую луной землю и, к своему унынию, увидел вдалеке трех всадников. Они увеличивались прямо на глазах, и я проклял себя за глупость, за то, что задержался возле ворот.

«Нет, Шалатан меня не предала, – подумал я. – Я должен был послушаться ее совета, должен был немедленно поскакать на юг».

Когда я добрался до холма, пастбище уступило место кустарнику, потом деревьям, но я не надеялся сбить преследователей со следа, потому что на вершину вела всего одна прямая тропа.

Да, скорее всего, меня поймают именно здесь!

Еще один взгляд через плечо – и я убедился, что преследователи уже намного ближе. Я знал, что мне остается только одно. Мысленно я услышал голос Гаррета: «Всего трое. Вряд ли это стоит моих трудов, Лейф, поэтому я оставлю их всех тебе. Убей их немедленно, пока не доехал до склона!»

14. Лейф-воин

Тот момент, когда Лейф бросил вызов барскам и орлам, большинство историков-людей считают моментом начала Войны Джиннов.

«История Конфликта», Эйтель Пессимист

Лейф

Я завернул кобылу по крутой дуге, почти не сдерживая ее галопа. Потом, помчавшись прямиком к джинну слева, потянулся за луком. Лучше умереть здесь, лицом к лицу с врагами, чем ждать, когда тебя рубанут сзади.

Управляя Ларас коленями, я наложил стрелу на тетиву.

На исход битвы влияло множество неизвестных факторов. Я не знал точно, проскачет ли Ларас в этом направлении достаточно долго, чтобы приблизиться на нужное расстояние к врагу. Джинны считали лошадей трусливыми тварями – что, если она в ужасе шарахнется? С другой стороны, ветер дул с запада, от океана, и запах джиннов мог не коснуться ее ноздрей до тех пор, пока враги не окажутся совсем близко. Хотя конный лучник-гентхай умеет целиться и на скаку, он никогда не пустит стрелу, не видя точной цели. Небо было безоблачным, луна – яркой, и ее серебристый свет позволит мне ясно рассмотреть врагов. Всему этому научил меня Гаррет, называя это «экономикой битвы». Беспорядочной, расточительной стрельбы не будет; я приготовился отложить лук и взяться за другое оружие, если того потребует ситуация.

Я крикнул на Высоком Языке так громко, чтобы враги ясно меня услышали:

– Я Тварь из Данура, явившаяся, чтобы пожрать вас всех! Я

явился, чтобы вернуть мой мир!

Я был уже очень близко к ним. Орл бежал ко мне любопытным раскачивающимся аллюром; его огромная голова моталась из стороны в сторону, затеняя луну при каждом шаге, а барск на его спине держал в одной руке длинное зазубренное копье, подняв его под прямым углом. Две другие руки сжимали костяные выступы на шее орла; четвертую я не видел.

У орла, похоже, не было оружия, но его острые когти зловеще поблескивали в лунном свете. Я видел, с какой опасностью столкнусь, если подскачу ближе, и отчаянно искал, куда направить стрелу.

Потом орл снова мотнул головой, и я мельком увидел миндалевидный глаз, с ненавистью разглядывающий меня. Увидел всего на одно мгновение, но успел прицелиться и выстрелить, бросив на лук вторую стрелу, как только первая ударила в цель.

Стрела вонзилась в глаз, и голова орла мучительно вздернулась, дав мне возможность вогнать еще одну стрелу рядом с первой так, что их перья соприкоснулись.

Теперь орл упал на колени, и я сделал третий выстрел – на сей раз в правый глаз барска. Эту стрелу отразил наносник, она отскочила в сторону, но теперь мы были совсем близко друг к другу, и я послал следующую в левый глаз.

Я толкнул Ларас коленями, промчавшись слева от барска и орла. Я не умел искусно орудовать тяжелым длинным мечом, но с лошадиной спины было легче достать им противника.

Повесив лук обратно на ремень, я вытащил длинный меч, сжал рукоять обеими руками и замахнулся, когда Ларас галопом проносилась мимо врага.

Орл падал, нагнув голову, одной рукой ощупывая то, что осталось от его глаза, в то время как барск, наверное, уже был мертв и держался верхом только потому, что продолжал сжимать руками костяные выступы. Но, не желая рисковать, я начисто снес его голову с плеч. Уже возвращая меч в ножны и снова потянувшись за луком, я развернул лошадь, и Ларас заржала, празднуя триумф.

Теперь я находился позади своих преследователей и приблизился ко второму барску сбоку. Орл начал поворачиваться ко мне, чтобы избежать атаки сзади; я видел, что доспехи на его шее – зеленые чешуйки – наверняка отразят стрелу, даже пущенную с близкого расстояния.

Черные доспехи барска тоже были неуязвимы, но орл, делая крутой поворот, задрал хвост – наверное, чтобы удержать равновесие. Я прицелился в серебристом свете луны и быстро

послал стрелу в мягкие ткани под хвостом. Орл завопил и чуть не сбросил своего седока; шея орла страдальчески дергалась и изгибалась. Я снова сменил лук на длинный меч, развернулся по крутой дуге и встретил барска и орла лицом к лицу, пытаясь сбить врага в черной кольчуге на землю. Раздался лязг стали о сталь, полетели искры – это мой клинок столкнулся с поднятым копьем и скользнул по нему, чтобы ударить по сжимающей его руке.

Пронзил меч кольчугу или нет, но барск удержал оружие. Я почувствовал, как моя кобыла задрожала и, опустив взгляд, увидел, что орл дерет когтями ее шею. Ларас встала на дыбы, чуть не выбросив меня из седла, но потом снова опустилась на все четыре ноги, и я, замахнувшись длинным мечом, отрубил орлу руки по запястья. Кровь хлынула из обрубков, раздался еще один страдальческий вопль.

Я увидел, что третья пара – барск и орл – быстро приближается к нам, поэтому послал Ларас на юг, прочь от места битвы, наклонившись, чтобы похлопать кобылу по шее. Рана казалась не тяжелой, и хотя по лошадиной шее текла кровь, когти орла вонзились не очень глубоко.

Третий барск ехал почти параллельно со мной, но постепенно приближался; не пройдет и нескольких минут, как мы встретимся. Однако второй отставал: к этому времени его орл наверняка потерял много крови.

Тропа была где-то впереди. Я уже скакал по невысокому кустарнику, а между деревьями виднелся склон холма. К юго-западу были густые заросли, и я, отчаянно стараясь найти укрытие, направил лошадь туда.

То, что я свернул, застало третьего барска врасплох и подарило мне несколько драгоценных секунд. Я не надеялся затеряться среди близко растущих деревьев. Помня чуткие подергивающиеся уши орла, я понимал, что самый слабый звук приведет его ко мне. Нет, я составил более рискованный план. Единственной действенной защитой против таких созданий была атака – внезапная атака. Возможно, им редко приходилось сталкиваться с подобной тактикой.

Я добрался до деревьев раньше третьего барска и орла, почти не сбавив аллюра, низко пригнувшись к шее Ларас. Между безлистными побегами оставались узкие просветы, похожие на тоннели, где ветви сплетались над головой – возможно, эти тропы проложили дикие свиньи.

Я должен был продолжать скакать, не то мои враги обнаружат меня или замедлят ход, приблизившись к деревьям; я же хотел, чтобы они гнались за мной изо всех сил.

Моя кобыла мчалась сквозь заросли, я смотрел вправо и влево – и через несколько мгновений нашел как раз то, что нужно. Я послал Ларас влево, в брешь, и увидел, что удача меня не подвела. Тоннель между деревьями не только позволил мне устремиться в неожиданном направлении – завернув за крутой поворот, я увидел, что он выходит на тропу, идущую почти параллельно той, которую я оставил. Теперь я скакал обратно.

Вынув короткий меч и подняв левой рукой круглый щит, я услышал топот мчащегося орла и вырвался на открытое место как раз тогда, когда тот собирался нырнуть в чащу. Круто свернув влево, я бритвенно-острым краем щита ударил барска по шее. Я почувствовал, как тот качнулся назад, но Ларас уже проскакала мимо, и я ринулся прямиком на вторую пару врагов, которых ранил раньше.

Взглянув на орла, я понял, что он близок к смерти. Он хромал, из обрубков его рук струилась темная кровь. Но его наездник, барск, не был ранен и поднял топор, чтобы встретить мою неистовую атаку. Когда мы сшиблись, я блокировал смертоносное копье и сделал горизонтальный выпад, целя в горло врага.

Обмен ударами не решил исхода битвы, но толчок заставил орла упасть на колени, и барска сбросило с его спины – он не смог удержаться за костяные рукояти. Развернув кобылу, я увидел, что с головы барска слетел шлем, который стоит на коленях и тянется к своему топору.

У меня осталось очень мало времени, поэтому я вложил короткий меч в ножны, вернул на место щит и, вскинув лук, выпустил в барска три стрелы – быстро, одну за другой. Одна попала ему в шею, и барск, дернувшись, опрокинулся вперед.

Но я уже мчался к последней паре, снова сменив оружие и высоко вскинув щит, чтобы прикрыть голову, держа меч под углом сорок пять градусов.

Третий барск направил на меня длинное копье, и я крепко сжал коленями бока кобылы, готовясь встретить удар. Когда мы сблизились, я увидел на груди его доспехов изображение тройного серебряного шипа и понял, что имею дело с предводителем отряда – с тем самым, с которым столкнулся раньше в саду.

Я ухитрился отразить грозивший мне смертью наконечник копья, но сила столкновения сбросила меня с седла. Я тяжело ударился о землю, сделал кувырок и встал на колени, все еще сжимая щит и меч.

Вскочив, я повернулся лицом к страшному седоку, барску, который снова направил на меня копье, и к орлу, чьи острые

когти блестели как кинжалы, когда он ринулся на меня.

Широко расставив ноги, я приготовился встретить атаку. Моей целью станет орл.

Я снова прикрыл голову щитом, но в последнее мгновение шагнул вбок, чтобы разминуться с копьем. Ко мне тут же метнулись руки орла, и я с силой опустил на них нижний край щита.

Создание испустило длинный пронзительный вопль: щит рубанул его по левой руке, врезавшись до кости. Орл крутнулся, его тяжелый хвост метнулся ко мне, как змея. Я увернулся, упал ничком на траву и успел откатиться в сторону, когда барск ткнул в меня копьем сверху вниз. Он промахнулся лишь на волосок.

Я почувствовал на своем лице дыхание орла, разящее тухлым мясом, и снова пустил в дело щит, вогнав его в раскрытую пасть и услышав, как металл стукнулся о зубы. Орл снова закричал и метнулся прочь, но я вскочил и погнался за ним.

Барск старался совладать со своим «верховым»; в тот миг, когда он остановил и развернул его, я ударил изо всех сил, и кончик меча, пронзив левый глаз орла, вошел глубоко в мозг. Он тут же рухнул на колени, хотя его наездник все еще ухитрялся держаться. В тот же миг я прыгнул на спину упавшему орлу и обрушил на голову, спину и плечи барска град ударов щитом и мечом.

Ошеломленный яростной атакой, барск повернул голову и недоумевающе посмотрел на меня. Несколько секунд спустя с него слетел шлем, а потом я с силой нанес удар мечом, пробив череп и пронзив мозг.

Соскользнув со спины мертвого орла, я упал на колени на траву, дрожа после пережитого напряжения, и делал глубокие медленные вдохи до тех пор, пока мир не перестал вращаться вокруг меня.

Только теперь я понял, что совершил.

Я без всякой помощи убил трех барсков разом с их внушающими страх «верховыми». А таких воинов-гентхаев, как я, было много.

Да, через год мы сможем добраться до Высокой Стены и защитить ее от любой угрозы. За Стеной могут находиться другие ужасные противники, но этот первый этап был нам вполне по плечу. Барски, орлы, разиры и создания вроде Шалатан – все они могли пасть под натиском клинков и стрел гентхаев. Однако теперь я знал, что по другую сторону Стены есть более сильные джинны и что еще больше живет на континентах, лежащих где-то за островом.

Услышав топот, я повернулся и увидел, что ко мне рысцой

бежит моя кобыла. Я погладил ее и осмотрел раны на ее шее. Это были всего лишь царапины, кровь больше не текла. Я уже собирался сесть верхом, чтобы продолжить путь на юг, когда меня осенила внезапная мысль.

Шалатан говорила о новом рождении из лона ее матери, и я слышал истории о том, что Хоб может восстанавливать раненые сущности. Что, если барски и орлы тоже на такое способны и через несколько дней или даже часов смогут продолжить преследование?

Я решил не рисковать. Они были бинарными джиннами, поэтому я предположил, что надо расправиться только с барсками. Одна часть джинна не сможет полноценно функционировать без другой.

Я нашел голову первого барска, а после с помощью меча обезглавил двух остальных. Покончив с ними, я поскакал на юг и, едва рассвело, добрался до вершины склона и посмотрел оттуда на далекий город и на Высокую Стену. Придется сильно отклониться на восток, но я должен был убедиться, что головы унесет так далеко, что не останется надежды на регенерацию.

Наконец я добрался до высокого утеса, под которым разбивалась о камни вода. Там я одну за другой швырнул головы барсков в реку и понаблюдал, как они исчезают за краем. Их пронесет мимо стен города и увлечет дальше, в океан, где они станут пищей для любых голодных тварей, таящихся в глубине.

После этого я продолжил путь на юг – меня ожидали долгие недели путешествия. Вместе с картой, надежно хранящейся в моей голове, я вез много других ценных сведений.

15. Радостные известия

Хотя Война Джиннов стала для самих джиннов неожиданностью, гентхаи давно уже предвидели ее. Для джиннов это была худшая из войн – гражданская, где протокол был отброшен и некоторые обменивались рукопожатием с Тварью.

«История Конфликта», Эйтель Пессимист

Лейф

Дни мелькали за днями, я быстро продвигался вперед и наконец добрался до каменного моста. Почти наступил полдень, стояла ясная погода, ярко светило солнце, и я был в отличном настроении, потому что путь был гладким. Скоро я снова буду с Квин.

И тут я увидел посередине моста восемь силуэтов, и мое хорошее настроение испарилось: меня поджидала еще одна опасность. Без сомнения, это были светловолосые воины из народа, принесшего клятву верности Шалатан. Если это так, они могут попытаться убить меня или взять в плен – они ведь не знают, что Шалатан меня освободила. А может, они снова взбунтовались? В любом случае они не встретят дружелюбно человека, едущего через их мост.

Я задумался, не отступить ли, чтобы попытаться переправиться позже, в темноте, – но я заехал уже так далеко и столько всего вынес… Теперь меня не остановить!

Повинуясь внезапному порыву, я двинулся вперед, но не потянулся за оружием. Я заметил, что на пике больше не торчит

голова Гаррета. Пятна крови остались, но не было ни следа сражения, которое мы вынесли здесь.

К моему удивлению, когда я подъехал ближе, одетые в шкуры люди расступились и, улыбаясь и кланяясь, дали мне проехать. Да, они явно были из того племени, что присматривало за мной ради Шалатан: три воина, две женщины и трое детей.

Приглядевшись внимательней, я заподозрил, что женщины и дети – те самые, которых убили облаченные в синие доспехи воины Шалатан. Дети, брошенные в реку, женщины, сраженные клинками… Теперь они снова были живы, их возродила шатек. Жизнь здесь могли отобрать так жестоко и безжалостно – но так же легко могли ее вернуть. Вот он, странный мир джиннов.

Но для людей подобного исхода не существовало. Если мы сразимся с джиннами, многие из нас наверняка погибнут – погибнут навсегда.

Барьер был уже близко, когда произошла встреча, которой я не ожидал.

Я разбил лагерь на берегу реки Медии. Стояла холодная ночь, землю покрывал иней, тонкий ледок сковал воду. Все вокруг словно застыло, звезды над головой ярко блестели, не чувствовалось ни дуновения ветерка.

И вдруг раздался резкий треск. Что-то вырвалось из-подо льда, постепенно выплыло из воды и двинулось ко мне.

Ада рассказывала мне о множестве разновидностей джиннов. Хотя те, с которыми я встречался во время путешествия (не считая орлов), внешне напоминали людей, я знал – есть и джинны, похожие на насекомых или раков, есть и такие, что могут жить под водой.

Боясь нападения, я потянулся за коротким мечом. Но сущность, которая шла ко мне (с нее стекала вода), имела человеческий облик. Потрясенный, я внезапно узнал Пери. Она была голой, но, остановившись у берега по колено в ледяной воде, не дрожала и, судя по всему, отлично себя чувствовала.

– Рада видеть тебя, Лейф, – сказала она с улыбкой.

Я тоже был счастлив. Я видел на ее мертвое тело – но вот она здесь, – заново рожденная.

– Я тоже рад, Пери. Как ты это делаешь? – спросил я, показав на воду и на след в раскрошившемся льду.

Только сейчас я заметил, как изменилась ее шея: под челюстью виднелись рыбьи жабры, хотя сейчас она вроде дышала как человек.

– Только так я могла тебя догнать. Мне очень нужно с тобой поговорить, потому что я принесла радостные вести от моей

госпожи.

Шалатан последовала моему совету и бежала на юг, чтобы защитить свой кри-кор?

– Вы бежали из города? – спросил я.

– В этом не было нужды, – с улыбкой ответила Пери. – Как только ты убил барсков и орлов, наши соперники запаниковали. Они не могут понять, как такое вообще возможно. Пока они были в смятении, мы набросились на них и некоторых убили, а других прогнали прочь. Это было великолепно! Река покраснела от крови. Теперь мы контролируем ворота. Мы ваши союзники. Приведи свою армию людей и присоединись к нам у Высокой Стены.

– Но Шалатан велела передать моему народу, чтобы люди оставались в пределах Барьера, иначе их уничтожат! – воскликнул я.

– Это было до того, как мы увидели, на что ты способен. До того, как мы вместе уничтожили барсков и орлов, – сказала Пери.

– Вместе?! – удивился я.

Пери показала на Ларас.

– Эта агнван – одна из семисот тринадцати. Она тоже шалатан, сделанная по образу создания, на котором ты некогда ездил. Мы несли тебя в битву. Своей победой ты все изменил. Вместе мы поедем на север, к смерти и славе. Поэтому передай своим людям эти радостные вести и побуди их присоединиться к нам. Так приказывает моя госпожа. А теперь исполним рукопожатие, и я оставлю тебя.

Пери подошла и схватила меня за правую руку. Ее кожа была холодна как лед. Она сжала мою руку и слегка погладила ее тыльную сторону большим пальцем. Потом улыбнулась, села на Ларас и, не оглядываясь, поскакала прочь.

Я ждал у Барьера почти три дня, а еды у меня оставалось не много.

Я знал, что Квин и Тайрон будут беспокоиться – я отсутствовал куда дольше, чем ожидалось, почти четыре месяца. Может, они думают, что меня уже нет в живых.

Я не мог двигаться дальше, потому что не знал, как связаться с медиями. Возможно, это знал Гаррет, но он погиб и забрал знания с собой.

В отчаянии я стал охотиться и убил волка, но на нем было столько паразитов, что я не смог заставить себя его съесть. Однако, вспомнив слова Гаррета и гхетту, которую он бросил в воду, я оставил себе маленький кусок шкуры волка.

Наконец медий уловил мое присутствие. Он вышел из

кипящего темного облака и приблизился ко мне, держа повязку для глаз.

– Это рискованно – возвращаться через Барьер? – спросил я, вспомнив двух погибших воинов.

Было бы ужасно зайти так далеко и пасть перед последним препятствием.

– Риск всегда есть, – ответил медий.

– Если я погибу, скажи Конниту, что карта Мэта точна. Подожди… Мне нужны бумага и чернила. Я должен кое-что записать.

Итак, прошло еще полдня, прежде чем медий принес мне то, о чем я просил. Я по памяти нарисовал карту, добавив к ней все, что мы встретили на пути, и отметив черепом и скрещенными костями окрестности Серого Города, чтобы показать: тут опасно. Потом написал краткий отчет о случившемся и о том, что я узнал.

Все это я отдал на сохранение медию, чтобы он присмотрел за картой и записками, пока я пересекаю Барьер.

В конце концов он завязал мне глаза и провел обратно через Барьер в Мидгард. Я слышал неподалеку голоса и шаги, но ни разу не почувствовал, что мне грозит опасность.

Гентхайские воины проводили меня обратно в Джиндин, и спустя неделю после возвращения в Мидгард я наконец-то вступил в город, но там меня встретил один из помощников Коннита с приказом отвести меня во дворец.

Мне же хотелось лишь одного – пойти в дом Тайрона и увидеть Квин.

– Я отсутствовал несколько месяцев, – запротестовал я. – Мне нужно домой, чтобы люди, которые обо мне беспокоятся, увидели, что я цел и невредим. А еще мне нужно помыться и переодеться.

По выражению лица воина я понял, что зря теряю время.

– Мне велено отвести тебя прямиком к господину, – твердо сказал он. – Сейчас он сидит в ожидании встречи с тобой. Мы должны идти.

Я удрученно вздохнул, но понимал, что долг превыше всего.

Меня привели в восточное крыло дворца, однако, войдя в большое помещение, чтобы отчитаться перед Коннитом, я, к своему удивлению, увидел там и Аду – хотя специалист по джиннам, конечно, сможет по достоинству оценить то, что я узнал.

Я начал подробно рассказывать о своем путешествии, и когда описал созданий, убивших наших товарищей и лошадей, Ада перебила, чтобы рассказать то, что о них знала:

– Эти летающие существа называются гунгары. Они

компонент многих высших джиннов, но не всех. Во-первых, у джиннов есть много сущностей, во-вторых, есть горстад, высший разум, третий компонент – шатек, а четвертый – крылатые гунгары, которые поглощают и впитывают ум и плоть врагов или других созданий, которых джинн решил изучить. С помощью шатека и словов джинн может заменить и оживить тех, кого поглотили гунгары.

Слова Ады ошеломили меня. Я вспомнил серебристую татуировку в виде листа папоротника на лбу Шалатан и фигуру, составленную в небе стаей гунгар.

Теперь все это обрело смысл. Крылатые создания были частью Шалатан, которая воспользовалась знаниями, накопленными моей кобылой Ларас, чтобы создать ее копию.

– Думаю, нам повезло, что у Хоба нет гунгар, – сказал я.

– Нам и вправду повезло, Лейф, – заметила Ада, – но он – сикода. Истинные сикоды имеют не много сущностей – не больше тринадцати – но Хоб эволюционировал. Было бы хорошо узнать, сколько именно у него сущностей, сейчас их наверняка больше тринадцати.

Я продолжил рассказ, и когда дошел до смерти Гаррета, голос мой задрожал от нахлынувших чувств, а глаза наполнились слезами. Ада налила в чашку воды из кувшина и протянула мне ее через стол. Я отхлебнул и попытался взять себя в руки.

– Гаррет был храбрым человеком и великим воином, – сказал Коннит. – Его никогда не забудут. Он погиб, чтобы дать тебе шанс выжить. Ты воспользовался этим шансом и вернулся к нам с информацией, которая может обеспечить нам победу.

Я кивнул, но не ответил, вспомнив слова Пери: «Вместе мы поедем на север к смерти и славе».

Мы и вправду этого хотим? Не был ли первоначальный совет Шалатан более разумным?

Я сделал глубокий вдох и снова заговорил. Я рассказал о том, как был пленником, о своих беседах с Пери, о нашем путешествии в город с огромной ареной, где джинны сражаются с джиннами за господство и место в обществе.

– Интересно, – заметила Ада. – Во времена расцвета Империи людей мы заставляли джиннов биться с джиннами на наших аренах, и азартные игры тогда были так же важны, как и сейчас в Джиндине. Мы использовали джиннов ради развлечения, но они все еще ведут подобные битвы по собственной воле.

– Так устроена их иерархия, – сказал я. – Более слабые джинны – ближе к Барьеру, те, что сильнее – дальше к северу. Но мы на острове… Есть более крупные земные массивы, и на них живет куда больше джиннов. Шалатан сказала, что некоторые

джинны даже покинули этот мир и теперь управляют звездами.

– Такое возможно? – удивленно спросил Коннит.

Ада улыбнулась:

– Меньшего я и не ожидала. Мы исследовали внутренние планеты нашей Солнечной системы и имели базы на Луне и на Марсе. Джинны принимали в этой активное участие, поскольку могли функционировать там лучше людей. Я не удивлена, что они достигли миров, которые вращаются вокруг других солнц.

Потом я рассказал о воротах и о своем сражении с барсками и орлами. Сперва я не вдавался в детали битвы, но Коннит потребовал подобного отчета – удар за ударом – и пристально смотрел на меня, слушая мой рассказ.

– Ты сражался просто великолепно, – объявил он.

– Иначе я бы погиб. Мне помогло то, что барски и орлы не ожидали, что им бросят вызов. Они правят с помощью страха.

– Они и вправду правят с помощью страха, но здесь есть нечто большее, – сказала Ада. – Они требуют уважения, потому что они агенты АСКИ – самого могущественного из джиннов. Каждая Шалатан имеет семьсот тринадцать сущностей, аски же могут насчитывать много тысяч. Ты молодец, что победил барсков и орлов, Лейф. Такие бинарные джинны – грозные воины.

Потом я рассказал о путешествии обратно к Барьеру и о своей последней встрече с Пери у реки.

– Смерть и слава? Она действительно так сказала? – переспросил Коннит.

– Я не стал бы лгать, господин! – запротестовал я.

– Лейф, я не сомневаюсь в правдивости твоего рассказа. Просто ее слова удивили меня. Она предлагает нам союз, обреченный на провал, желая, чтобы мы присоединились к ней в предприятии, которое приведет нас к неминуемому уничтожению.

– Ее слова типичны для джинна-воина вроде Шалатан, – сказала Ада. – Они не боятся смерти, им важно только то, как именно они умрут. Они желают закончить жизнь в сиянии славы. Это дань уважения тебе, Лейф, что она передумала после того, как ты успешно разгромил барсков и орлов. Из врага, который с помощью своих гунгар убил вторгшихся людей, она превратилась в того, кто желает быть нашим союзником. Без сомнения, она велит своим вассальным джиннам присоединиться к этому союзу.

– У вассальных джиннов есть дети, и я принял малышей на мосту за людей. Зачем им дети, если сущности выходят из шатека полностью сформировавшимися?

– Те дети никогда не вырастут, – объяснила Ада. – Более слабые джинны ближе к людям по образу мыслей и чувствам и

желают воспроизвести человеческую семейную жизнь и общество. Но за Высокой Стеной вы бы нашли много сильных джиннов-асков; некоторые из них едва ли напоминают людей. Они совершенно чужды нам, думают совсем не так, как мы, и могут напоминать насекомых, крабов или же принимать гибридные формы.

– А что насчет шатеков? – спросил я. – У Шалатан, похоже, она всего одна, но та шатек – мать всех ее сущностей. А шатек, с помощью которой ты создала Трима, умерла после того, как родила всего одну сущность.

– Потому что она была шатеком низшего уровня. У высших джиннов не одна шатек; аски могут иметь сотню и обладать способностью генерировать еще больше. Но давайте подытожим, что мы выяснили, – кивнула мне Ада. – Суммируй для нас факты.

– Прежде всего мы выяснили то, что Ада, наверное, уже знала, – сказал я, глядя на Коннита. – Мы можем победить Хоба, уничтожив его шатека. Еще мы знаем, что джинны непрерывно сражаются друг с другом за место под солнцем, и это тоже может быть нам на руку. Шалатан предложила нам союз. Возможно, рано или поздно мы сумеем заключить союз и с другими джиннами. И, наконец, мы установили, что карта моего отца точна, а вот что начертил я, – сказал я, вынув из кармана карту и толкнув ее по столу к Конниту. – Теперь мы знаем путь к Высокой Стене.

– Подозреваю, что сейчас у Хоба уже больше одной шатек, – сказала мне Ада и повернулась к Конниту. – А ты что думаешь?

Тот нахмурился, оторвав взгляд от карты:

– Многое еще нужно уложить в голове, но заключить союз с той единственной Шалатан кажется безумием. Что же касается того, чтобы найти других подобных союзников… Возможно ли это? Мы могли бы взять под контроль земли отсюда до Высокой Стены – но неужто мы и вправду хотим пойти против более сильных джиннов севера?

– Мне кажется, джинны не следят за Мидгардом, – сказала Ада. – Значит, непосредственной угрозы для нас нет. Мы должны последовать первоначальному совету Шалатан. У нас в запасе могут быть века, чтобы собраться с силами и развить наши технологии…Я помогу начать этот процесс. Нужно, чтобы людей стало больше, и есть способы увеличить урожаи с одного надела земли. Время на нашей стороне.

– А пока мы можем сделать один важный шаг к тому, чтобы и гентхаи и горожане были в большей безопасности. – Коннит сделал паузу и улыбнулся мне. – Это придется тебе по сердцу, Лейф!

– Мы можем уничтожить Хоба! – воскликнул я.

Он кивнул.

– Да, пора покончить с ним навсегда. За последние недели, несмотря на все наши усилия его обуздать, он убил множество людей. Хоб потребовал, чтобы Протектора восстановили в правах и чтобы гентхаи удалились из Джиндина. Мы дали ему ответ, казнив Протектора, и теперь находимся в состоянии войны. Боюсь, рано или поздно Хоб пустит в ход против города какое-нибудь смертоносное оружие. Мы должны убить его прежде, чем он это сделает! Завтра я соберу на совещание весь Руководящий Совет, и будем разрабатывать план действий. Но, поговорив с тобой и выслушав твой отчет, одно решение я уже принял – мы применим грамагандар.

Это меня потрясло. Но я ожидал это. Грамагандар уничтожал фальшивую плоть, из которой были сделаны Хоб и все джинны. Именно потому, что люди пустили его в ход против джиннов, нас почти всех уничтожили, а выживших заперли в пределах Барьера. Каково будет увидеть, как сущности Хоба убивает то, что называют «Дыханием Волка»?!

– Но господин…Я думал, вы собираетесь держать грамагандар в секрете на тот случай, если мы выступим против джиннов за Барьером, – сказал я.

– Судя по твоему рассказу, Лейф, пройдет много времени, прежде чем мы поведем армию через Барьер… Наверное, на нашем веку такого не будет. Кроме того, Ада предположила, что за нами здесь не наблюдают. Джинны не узнают, что мы запустили грамагандар. Мы используем всего один, если наше наступление провалится; остальные оставим в резерве. Но не говори об этом оружии и о наших планах напасть на Хоба никому, кроме Тайрона: он единственный, кому я доверяю такие сведения. Мы знаем, как быстро разносятся сплетни, и не хотим, чтобы Хоба предупредили. А теперь иди отдыхай и набирайся сил. Ты наверняка будешь рад снова увидеться с друзьями.

Это была чистая правда – я страстно жаждал увидеть Квин.

16. Надеюсь, они никогда не узнают

Грамагандар – анафема для всех джиннов, и его использование запрещено. Это оружие плавит их плоть и посылает их в никуда. Но и джинны и грамагандар – продукты Нима, который предлагает им и жизнь, и смерть.

«Руководство по языку Ним»

Лейф

Поскольку Ада жила и работала в доме Тайрона, я думал, она пойдет со мной, но она сказала, что задержится, чтобы обсудить кое-что с Коннитом.

Это было хорошо, потому что я хотел увидеться с Квин наедине.

Я пошел прямиком к дому, и она побежала ко мне через сад. Мое сердце часто забилось при виде ее. Как я смог прожить без нее так долго?!

Квин крепко обняла меня:

– Лейф! Лейф! Я так боялась, что с тобой что-то случилось… Что я больше никогда тебя не увижу! Отец тоже беспокоился; он ожидал, что ты вернешься еще в прошлом месяце, чтобы потренироваться перед началом сезона.

– Со мной все в порядке, Квин. Но столько всего случилось, и мне столько нужно тебе рассказать, – сказал я, обнимая ее в ответ.

– Отец! Отец! – закричала она, едва выпустив меня. – Лейф вернулся!

Взяв за руку, она повела меня в дом.

Мне хотелось одного – побыть с ней наедине, но куда там!

Едва я вымылся и переоделся, как меня позвали в столовую, чтобы праздничной трапезой отметить мое возвращение. Тайрон, Ада, Дейнон, Квин, Тина и ее маленький сын Робби уже сидели за столом.

Я был голоден, но едва мог проглотить кусок, потому что все задавали мне вопросы, особенно усердствовал Тайрон. Дейнон сидел тихо. Хотя он тепло поздоровался со мной, в его глазах я увидел грусть.

Я многое рассказал о пережитом за Барьером, но не вдавался в детали. Ада, конечно, слышала мою историю и раньше.

– Хорошо, что ты вернулся, Лейф, – сказала Тина, когда мой рассказ подошел к концу.

Казалось, к ней отчасти вернулась былая живость. Она взъерошила Робби волосы, и малыш улыбнулся ей.

Пару вечеров в неделю Тина водила своего ребенка в Дом Отдохновения, где собирались, и утешали друг друга вдовы, потерявшие мужей на Арене 13. Тайрон рассказал, что там у нее появилось несколько подруг. Он считал, что такие визиты ей помогают.

– Ты принес хорошие новости, – сказала Тина. – Наверное, они дают нам всем надежду на будущее. В конце концов, джинны не собираются на нас нападать. Замечательно, что эта тень исчезла из нашей жизни. Ты не представляешь, как приятно думать, что мой сын может расти в безопасности.

Некоторое время все молчали, но Тайрон встал, чтобы потрепать ее по плечу, а Квин поцеловала сестру в щеку.

– Коннит рассказал, что Хоб снова начал нападать, – сказал я. Пока в основном говорил я; теперь мне захотелось узнать, что случилось за время моего отсутствия. – Насколько все было скверно?

Все вдруг замолчали.

Потом Дейнон встал и, склонив голову, вышел из комнаты. Тина отправилась за ним.

– Что случилось? – спросил я.

Тайрон покачал головой:

– Наверное, самое худшее, что могло случиться с бедным Дейноном. Хоб нападал на отдаленные фермы и убивал целые семьи. Сказать «Хоб нападал» – преуменьшение. Он убил отца Дейнона, мать и двух его братьев; однако он знал, что Дейнон из моей команды, и поэтому оставил его в живых, угрожая убить позже.

– Мне поговорить с ним? – спросил я, привстав.

– Лучше предоставь это Тине, Лейф, – посоветовал Тайрон и, положив руку мне на плечо, снова усадил.

Я хотел как-то утешить Дейнона, но не знал как. Что сказать тому, кто потерял семью? Я вспомнил, каково было мне, когда Хоб убил мою мать и довел до самоубийства моего отца. Ничьи слова не помогли бы мне тогда почувствовать себя лучше. Я просто хотел, чтобы меня оставили в покое.

Может, Дейнону бы полегчало, если бы он узнал, что с Хобом вскоре расправятся раз и навсегда. Мне хотелось объявить о нашем решении за столом, но я дал обещание Конниту и сдержался. Об этом я должен был рассказать Тайрону наедине.

– Дейнон очень усердно работает с Адой – это ему помогает. Шаблонирование дает ему возможность справиться с болью утраты. Ты не рассказывал нам о Дейноне, Лейф, – сказал Тайрон, нахмурившись. – А он гений!

Ада, обучавшая Дейнона искусству Ним – языку шаблонов, с помощью которого общались с лаками на Арене 13, – считала его вундеркиндом, но мы хранили это втайне от Тайрона. Пока меня не было, секрет наконец выплыл наружу.

– Тост за Дейнона, – сказал Тайрон, поднимая бокал вина. – Я не буду жить вечно, и рад сознавать, что кто-то займет мое место. Я всегда надеялся обучить одаренного шаблонщика, точно так же как меня самого обучил Гунтер.

Гунтер был легендарной личностью в битвах на Арене 13. Он тренировал моего отца Мэта и ввел шаблоны в лака, с помощью которого отец победил Хоба на арене. Я победил Хоба всего однажды, но мой отец сумел сделать это пятнадцать раз.

Мы чокнулись.

– Есть еще один тост, – продолжал Тайрон. – За мою младшую дочь Квин, которая, надеюсь, продвинется в рангах на Арене 13, как только начнется новый сезон. Она явно этого достойна!

Это были великолепные новости, и я улыбнулся Квин, сидящей по другую сторону стола. Я радовался за нее, но еще и беспокоился. Мне предстоит всегда волноваться, когда она будет сражаться.

Прежде чем остаться наедине с Квин, я должен был поговорить с Тайроном.

Он повел меня в свой кабинет на верхнем этаже, и я уселся за стол напротив него. Пока я рассказывал ему о планах Коннита, он прихлебывал из бокала красное вино.

– Он собирается использовать то оружие – грамагандар? Разумно ли это? – спросил Тайрон.

– Это увеличит наши шансы на успех. Нужно убить все сущности Хоба, прежде чем он сможет пустить в ход какое-нибудь собственное сильное оружие, – ответил я.

Тайрон нахмурился:

– В таком случае я надеюсь, что джинны за Барьером и вправду за нами не наблюдают. Ада рассказала, что было два восстания джиннов. Во время первого произошла большая битва, и люди одержали в ней верх, потому что уничтожили своих врагов-джиннов с помощью грамагандара. Но потом началось второе восстание, и на этот раз джинны победили. Они убили миллиарды людей, разрешив лишь нескольким тысячам остаться за Барьером. А знаешь, почему они учинили такое зверство?

Я кивнул:

– Из-за оружия, которое уничтожает фальшивую плоть. Они боятся грамагандара и не могут простить, что мы им воспользовались.

– Да, – мрачно отозвался Тайрон. – Поэтому давай надеяться, что они никогда не выяснят, что мы пустили его в ход против Хоба. Иначе нам всем может прийти конец.

Наконец-то я смог отправиться в комнату Квин! Но там не состоялось то полностью счастливое воссоединение, какого я ожидал. Квин продолжала изливать свои чувства, накопившиеся за время моего затянувшегося отсутствия.

– Я боялась, Лейф. Меня ужасало, что я никогда больше тебя не увижу. Я ожидала, что ты вернешься по меньшей мере месяц назад, и всерьез стала опасаться худшего, – сказала она, снова обнимая меня.

– Я чувствовал то же самое. Я скучал по тебе, Квин, – отозвался я, глядя ей в глаза. – Бывали времена, когда я думал, что никогда не вернусь домой. Нас было десять человек, когда мы пересекли Барьер, но вернулся я один.

– Тогда я хочу, чтобы в следующий раз, когда Коннит попросит тебя отправиться с поручением, ты отказался. Обещаешь? – спросила она, отстранив меня на расстояние вытянутой руки и пристально глядя мне в глаза.

Я покачал головой:

– Не могу, Квин. Если мы хотим когда-нибудь стать свободными и жить в безопасности, мы должны рисковать. Надо расправиться с Хобом.

– Я была там, где Хоб совершил свое первое убийство в эту зиму, – вдруг сказала Квин.

– Кого он убил? – спросил я.

– Парня по имени Гудвин.

– Где это произошло?

– В музее в западном крыле дворца… Это случилось там.

– Кто еще был тому свидетелем?

– Только я. В тот момент мы с Гудвином были вместе, наедине, – сказала Квин, больше не глядя мне в глаза.

Мое сердце болезненно подпрыгнуло. Почему они были вместе?!

– После того как Хоб убил Гудвина, я думала, он убьет и меня тоже, – продолжала Квин, – но он знал, кто я такая. Он говорил и о тебе. И угрожал.

Когда она рассказала мне, что произошло, я пришел в ужас. Однажды Хоб пообещал убить меня, когда я кого-нибудь полюблю, и прибавил, что сперва убьет этого человека, чтобы усугубить мои страдания. Теперь стало ясно, что он и вправду собирается исполнить свой замысел.

В тот миг, когда я вернулся в город, над Квин нависла еще бóльшая угроза, и я очень за нее боялся.

Квин рассказала мне о Гудвине; хотя теперь этот парень был мертв и Квин просто сделала то, о чем просил ее отец, я невольно ощутил легкую ревность.

– Мне жаль… Очень жаль, Лейф, но я с ним флиртовала, – сказала она. – Если бы я его не поощряла, его бы не было со мной, когда появился Хоб. Я в ответе за его смерть – и к тому же предала тебя. Если ты захочешь со мной порвать, я пойму…

Я положил руки ей на плечи и заглянул в глаза.

– Ты хотела быть с ним? – спросил я. – Ты бы предпочла быть с ним, а не со мной?

Я чувствовал себя ужасно, задавая такие вопросы, но не мог удержаться.

– Нет, Лейф. Ни единой минуты я так не думала. Мы танцевали вместе, я смеялась над его шутками, мне было приятно с ним общаться, – и только. Это правда, – сказала Квин, твердо глядя мне в глаза.

Я крепко обнял ее, и мы поцеловались. Когда мы отодвинулись друг от друга, я вытащил из кармана кусочек волчьего меха, сшитый в форме треугольника, и протянул Квин.

– Это называется гхетта, – с улыбкой сказал я. – Залог любви. Воин-гентхай дарит его женщине, которую выбирает себе в жены. Принимая это, она принимает и его, а потом отдает гхетту своему отцу, который хранит ее как доказательство обязательств воина. Теперь я предлагаю ее тебе, Квин.

Она взяла гхетту и обняла меня.

– Я принимаю ее, – тихо сказала она мне в плечо, – но ты должен пообещать, что никогда больше не пересечешь Барьер.

Мне бы хотелось ответить «да». Мне бы хотелось успокоить ее и сделать счастливой. Но я не мог так поступить.

Нахмурившись, я покачал головой:

– Я не могу тебе этого пообещать, Квин. Хотел бы, но не могу. Но скажу одно – крайне маловероятно, чтобы какой-нибудь человек снова пересек Барьер. По крайней мере, на нашем веку.

Прежде чем заговорить, она долго и пристально смотрела на меня:

– Вот что я скажу, закроем эту тему. Если ты когда-нибудь снова отправишься за Барьер, я пойду с тобой.

Направляясь во дворец на встречу, где будет окончательно спланирована атака на Хоба, я одновременно и нервничал, и был радостно возбужден. Месть, о которой я так долго мечтал, теперь стала близкой – рукой подать. Я хотел увидеть, как Хоба уничтожат навсегда. Но могущественный джинн умел быстро оправляться, и дело предстояло опасное. Даже если мы пустим в ход грамагандар, это не гарантирует успеха.

Мы расселись вокруг большого стола там, где я встретился с Коннитом после победы над гвардией Протектора.

Гентхаи переделали восточное крыло дворца: теперь на стенах висели гобелены с изображением едущих по долине конных воинов; в небе над ними господствовал громадный рогатый месяц, так называемая Волчья Луна. Месяц был символом Трангандара, волчьего божества, которое, как кое-кто верил, поведет их к победе над джиннами за Барьером.

Лишь в этой комнате для встреч стояли стулья и стол – уступка горожанам; во всех остальных местах гентхаи предпочитали сидеть на полу.

Вся встреча от начала и до конца прошла в дружеской обстановке.

– Наш отряд будет небольшим. Внезапность и скорость важнее численности, если мы пустим в ход грамагандар, – заявил Коннит. – Я уверен, что мы сможем покончить с Хобом.

Он оглядел всех по очереди и стал ждать ответа.

Кроме меня на совете присутствовали Тайрон, Ада и Воуд. Воуд был другом Тайрона и его конкурентом, механиком с собственной командой бойцов Арены 13. Этот высокий человек прихрамывал из-за раны, полученной на арене, но в свое время был очень успешным бойцом.

Тайрон кивнул Конниту:

– Трим тоже хочет участвовать. Он согласился привести четырех диких лаков, чтобы те отнесли оружие и привели его в действие.

– Они станут очень полезным дополнением к нашему отряду: оружие тяжелое, и это освободит четырех наших воинов, – сказал Коннит.

– Сколько воинов мы возьмем? – спросил я.

– Не больше двадцати, – ответил Коннит. – Я отберу лучших, в том числе не меньше пяти лучников, и среди них Доната – он искуснее всех управляется с коротким луком.

– Гаррет захотел бы участвовать в этом деле, – хмуро сказал я.

– Да, – негромко согласился Коннит. – По нему будут скучать. Но мечников возглавит воин Каласар – он большой и тоже может сражаться двумя длинными мечами. Не многие, кроме Гаррета, на такое способны.

– С нами хочет пойти один из механиков, Брид. Он играл важную роль в нашем прошлом покушении на Хоба, – сказал Тайрон.

– Добро пожаловать, – ответил Коннит.

– А что насчет тебя, Воуд? Собираешься принять участие в атаке? – спросил Тайрон, повернувшись к коллеге.

Воуд покачал головой:

– Думаю, с моей больной ногой я стану только помехой, когда придется быстро двигаться по тем тоннелям. Но я организую отряд для охраны Колеса. Не все сущности Хоба обязательно будут в цитадели, и едва вы начнете атаку, они могут попытаться напасть на город.

– Верно, – согласился Тайрон. – Делай, как задумал.

– Возможно, не придется убивать все сущности Хоба, – заметила Ада. – Я могу сделать то, что пыталась сделать в Колесе, прежде чем вмешалась гвардия Протектора. Если мы возьмем под охрану одну из сущностей джинна, я смогу покончить со всеми остальными, не заходя далеко в цитадель…В том числе с шатек, с помощью которых Хоб создает новые сущности.

Коннит решительно покачал головой:

– Я не могу такого позволить. Это…

– Ты сомневаешься, что мне такое по силам? – сердито перебила Ада. – Когда гвардия Протектора вошла в зеленую комнату, мне оставалось несколько мгновений, чтобы уничтожить Хоба!

– Я уверен, что тебе такое по силам, но мы не можем этого допустить, Ада, – заявил Коннит. Он хмуро посмотрел на Тайрона, и тот кивнул в знак согласия. – Мы не сомневаемся в твоих способностях, и мне искренне жаль, если я как-то тебя оскорбил, но ты слишком много значишь, чтобы рисковать тобой в логове Хоба. Никто не знает столько, сколько знаешь ты. Пока нам как будто ничто не угрожает из-за Барьера, но все может измениться, и тогда ты будешь нужна как никогда.

Ада вздохнула и склонила голову. Когда она снова подняла

взгляд, в ее глазах блестели слезы:

– Ты прав, Коннит. Но я не могу забыть, что сотворил Хоб с Талом на арене. Я хочу отомстить ему за это!

Тал был мужем Ады, и я с ужасом вспоминал его смерть: он упал на колени, и Хоб отсек ему голову. Неудивительно, что Ада жаждала мести. Я сам долго мечтал отомстить и радовался, что буду среди тех, кто отправится атаковать логово Хоба.

17. Шатеки сикоды

Ним бессмертен. Словы никогда не могут умереть.

Таким образом, создания, сформированные Нимом, унаследуют вечную жизнь.

«Руководство по языку Ним»

Лейф

Перед тем как солнце скользнуло за горизонт, на востоке начала сгущаться тяжелая туча, и ветер усилился, предвещая дождь.

С наступлением темноты дождь и вправду пошел, барабаня по деревянным домам и колотя в их двери; ливень превратил улицы в грязь, очистил рыночные тротуары и заставил грифов укрыться под брошенными фургонами у края канала, где они сидели нахохлившись, грязные и сердитые.

Тайрон уже вел упряжку быков в зубы шторма, заставляя их двигаться вверх по склону холма, переходившего в еще более крутой подъем к цитадели Хоба.

Мы ехали напрямик тем самым путем, каким двигались с Тайроном в ночь, когда отправились выкупать душу Керна. Всего у нас было четыре фургона, и ни единый проблеск света не выдавал их под проливным дождем.

Сразу за фургонами, закутавшись в темные плащи с капюшонами, ехали конные гентхаи под предводительством Коннита.

Внутренности мои завязались в узел, меня укачивало в фургоне. Мы готовились два дня, и у меня было слишком много времени на раздумья.

Я не сомневался, что Хоб ожидает нашей атаки; его могли

даже предупредить, и он будет готов нас встретить. Мы считали, что в бою на арене Хоб сдерживался: его скорость, сила и оружие соответствовали тамошним нормам. Он готовился действовать в рамках тех боев, возможно некоторым образом испытывая себя. Но теперь никаких ограничений не будет.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, и разорванные тучи сдуло за горизонт словно клочки тряпок.

И тогда над землей Мидгарда засияла луна, рогатый месяц, тонкий и ужасный – ясное обещание Волка. Потому что именно грамагандар, Дыхание Волка, даст нам реальную надежду на победу над мириадом сущностей джинна-отшельника.

Вскоре впереди показалась огромная изогнутая стена цитадели Хоба, отражающая лунный свет: огромные каменные блоки за бронзовой пленкой блестели частицами кристаллов. Когда мы двинулись вдоль стены, я заглядывал в каждое из небольших темных отверстий в ее основании. Норы уходили вниз, под цитадель, и ими пользовались слуги Хоба – кисточки, одичавшие создания, скорее животные, чем люди.

Наконец мы оказались перед воротами.

Двое гентхаев останутся охранять фургоны. Результат нашей вылазки был непредсказуем, и нельзя было бросать без защиты то, что поможет нам спастись.

Выпрыгнув из фургона, я ощутил влажную прохладу ночного воздуха; с башен падали мелкие капли – память о недавнем дожде.

Я посмотрел вверх. На этот раз цитадель Хоба не заслонял туман, и в свете луны ясно виднелись тринадцать шпилей. Они были одинаковой высоты, но каждый шпиль был по-своему изогнут и перекручен с таким мастерством, будто тринадцать мастеров в расцвете своего таланта состязались друг с другом. Среди шпилей находились другие сооружения, невидимые из города, – тоже каменные, но изящные, как усики насекомых. Они напоминали сооружения на крыше кри-кора, подземной крепости, где меня сперва заперла Шалатан.

Главное здание, над которым поднимались башни, украшали гротескные изображения: вывернутые шеи поддерживали искаженные скотские лица, с ухмылками злобно смотревшие на нас сверху вниз. Еще я увидел изгибы, коньки и темные ниши, в которых, как мне представлялось, могли притаиться грязные создания, как в пещере на склоне утеса. Ниже находились окна, высокие, заостренные и угловатые; свет прорывался из них словно толчками, как будто его источник то усиливался, то слабел.

Сперва я не мог понять, как я сумел при луне разглядеть столько деталей, но потом понял, что в придачу к мерцающему

свету в окнах цитадель сияет изнутри, блестит и мерцает, когда капли каскадом сыплются вниз.

Внутрь вели жутковатые сводчатые ходы, но все они, кроме одного, были перекрыты бронзовыми воротами. Тайрон не однажды посещал логово Хоба и сказал, что эти небольшие ворота никогда не запираются, хотя он понятия не имеет, почему. Их створки были приоткрыты, за ними царила угрожающая темнота со слабым проблеском света, и я понял, что этот тусклый свет – отражение луны на влажных плитках двора.

Ко мне вернулась тревога. Я снова подумал о Хобе, который прожил в Мидгарде так долго, что наверняка учитывал возможность нападения на свое логово. Значит, у него имелся план на случай чрезвычайных событий, какие-нибудь встречные меры, которых не предвидели Тайрон и Коннит…

Я вспомнил слова Пери, что джинны называют Мидгард, землю в пределах Барьера, Дануром – Местом Твари. Я кричал барскам и орлам, что я Тварь из Данура, предположив, что джинны считают нас тварями, возможно, потому, что люди создали и использовали грамагандар. Но вдруг тварью был Хоб: такой опасный и грозный, что джинны заперли и его тоже? Если это так, у нас нет надежды победить.

И какие формы могут принимать другие его сущности? Они не обязательно должны походить на людей.

Прошло несколько минут, пока мы занимали свои позиции. Тайрон знал план этой части логова Хоба. Пятеро из нас должны были, не зажигая факелов, пройти через двор, потом через тоннель и распахнуть одни из широких двойных дверей зала, чтобы дать войти остальному отряду. Вход во двор был очень узким; запертые в этом бутылочном горлышке, мы не смогли бы как следует использовать наши воинские силы.

Без дальнейших задержек мы прошли под сводчатой аркой, потом пересекли двор. Тайрон шагал впереди, я – сразу за ним, а три гентхайских воина сформировали тесный кулак в нашем арьергарде: три лучника, вооруженных короткими луками, смертельно опасными на средней дистанции.

Оставив позади двор, мы цепочкой вошли в тоннель. Я ощутил приступ клаустрофобии и обрадовался, вступив в просторный зал с колоннадами слева и справа; за ними чувствовалось темное пространство, где, без сомнения, скрывалось основание по меньшей мере одного шпиля.

Я вспомнил, как в прошлый раз пришел сюда вместе с Тайроном.

Две колоннады отражали одна другую, за колоннами с каждой стороны залегали тревожные тени. В дальнем конце зала

три ступени вели к трону, который, к счастью, сейчас был пуст.

В свой прошлый визит мы с Тайроном увидели сидящего на этом троне Хоба. Тайрон выкупил у него голову Керна, и я, в ужасе и гневе при виде живой головы в ящике, обнажил свои мечи. Тайрон заставил меня вложить их обратно в ножны, а потом опустился перед Хобом на колени, колотясь головой об пол и умоляя сохранить мне жизнь.

На этот раз здесь не слышалось шорохов и шепота, не было ощущения, что за нами наблюдают. Раздавалось только эхо наших шагов, когда мы настороженно шли по плитам мраморного пола.

Тайрон не выказывал страха, ведя нас по часовой стрелке вдоль внешней стены. Он целеустремленно шагал вперед с уверенностью человека, который точно знает, куда идет и что собирается сделать.

Тайрон утверждал, что Хоб не ожидает, что кто-нибудь просто отважно войдет в его логово и распахнет главную дверь. Дерзость такого маневра должна была застать джинна врасплох.

До сих пор Тайрон оказывался прав. Мы уже добрались до громадных бронзовых дверей, но когда Тайрон протянул руки, чтобы отодвинуть первый длинный тяжелый засов, в зале внезапно начало темнеть. Я инстинктивно оглянулся на трон и даже в тускнеющем свете увидел, что он уже не пуст.

На троне сидел некто в черном, похожий на Хоба, он так же выглядел во время моего первого посещения цитадели.

Это и был Хоб.

Я смотрел на большую безволосую голову, на лицо с крючковатым носом, напоминающим клюв орла. Белки глаз были очень большими, радужки – маленькими и темными. Я избегал смотреть джинну в глаза. Когда я сражался с ним на арене, он вперил в меня грозный взгляд – и ноги мои ослабели, я на время сделался его рабом.

Я почувствовал, как копье страха пронзило мою грудь, войдя в горло. Тайрон, должно быть, ощутил то же самое, потому что руки его застыли на тяжелом засове. Он молча смотрел назад, на трон. Но потом, со стоном, в котором смешались страх и отчаяние, он снова повернулся к двери и с оглушительным звоном стали о бронзу отодвинул первый засов.

В ответ Хоб зашипел как рептилия и встал.

Он сошел с возвышения по трем ступеням и медленно двинулся к дверям; с каждым шагом глаза его светились все ярче. Тайрон сражался со вторым засовом как тонущий человек и стонал словно под пыткой.

Я повернулся к троим гентхаям, решив, что пора пустить в ход их мастерство.

– Стреляйте! – крикнул я, показав на Хоба.

Но их руки застыли на луках, глаза широко распахнулись от ужаса.

Внезапно я тоже почувствовал себя безнадежно слабым в присутствии джинна. Я вспомнил, как Шалатан направляла на меня палец, заставляя мгновенно терять сознание. Хоб обладал другой разновидностью силы, но сопротивляться ей было так же трудно. И дело тут совершенно не в храбрости – просто такой силе невозможно что-либо противопоставить. Я начал медленно цепенеть и не мог даже вытащить меч или поднять щит. У меня стали подгибаться колени.

Теперь из теней к нам направились другие черные силуэты: темные слуги Хоба в одеждах с капюшонами. Они шептались в унисон, собираясь позади своего ужасного господина. Кисточек было пятнадцать-двадцать, они держали сильно изогнутые мечи, поблескивающие в неярком свете.

Но потом Тайрон с ужасающим криком отодвинул второй засов и рухнул на колени, отчаянно борясь с третьим, последним, который был почти у самого пола. Этот засов, самый длинный и самый тяжелый, тянулся через все огромные двойные двери.

Я увидел, что у Тайрона не хватает сил отодвинуть его в одиночку, и, стиснув зубы, шагнул к нему. Единственный шаг – вот и все, на что меня хватило, а потом я снова застыл.

Теперь Хоб шел прямиком к Тайрону. Ближайший кисточка почти добрался до меня, занеся кривой клинок, чтобы перерезать мне горло.

В тот миг, когда казалось, что мы проиграли и здесь погибнем, Тайрон с мучительным стоном сумел отодвинуть третий засов, и двери тут же начали открываться, как будто их толкала невидимая огромная рука. Тайрон откатился в сторону, луч лунного света вырвался из-за створок, как гигантское копье.

Теперь настал черед Хоба и его слуг остановиться: они застыли, словно пригвожденные к полу.

И тут через порог шагнула лошадь со всадником; их омывал лунный свет. Лошадь встала на дыбы, раздувая ноздри, пар облаком заклубился вокруг ее головы словно дыхание дракона. А за всадником и над ним как неполное гало висел круто изогнутый полумесяц – фаза луны, известная гентхаям как Волчья Луна.

При этом зрелище Хоб сжал руку в кулак и показал им на дверь. К нам как будто потекла волна ужаса, отчего колени у меня подогнулись и я упал на бок. Лошадь снова поднялась на дыбы и заржала, но всадник сдержал ее, и копыта с грохотом обрушились на пол, выбив искры из мозаичного пола.

Посмотрев на всадника, я узнал густые усы воина-гентхая и

его решительные глаза.

Кто же еще это мог быть, как не Коннит! Он всегда находился на переднем краю атаки гентхаев и первым ворвался в ворота во время битвы за дворец Протектора. Но сможет ли он выстоять против ужасной силы Хоба?

Коннит послал свою лошадь вперед. В левой руке он держал факел, озаряющий зал желтым светом, отблески которого отражались в колоннадах, правой вздымал сверкающий меч.

Лошадь и всадник в едином порыве устремились вперед, и Коннит одним взмахом отсек Хобу голову. Удар был таким мощным, что голова взлетела в воздух и упала среди колонн, потерявшись в густой темноте.

Теперь в зал въехали три других конных воина – Донат, Каласар и Тандар; каждый из них, как и Коннит, держал факел и меч.

Четверо гентхаев бросились на слуг Хоба, и те в панике пустились наутек. Но бегство их не спасло: за ними гнались даже между колонн, и факелы отбрасывали гротескные тени, когда кисточки вопили и погибали.

Стоявшие рядом со мной лучники-гентхаи стали целиться из луков, но не могли найти верную мишень – такой быстрой и неистовой была бойня. Спустя несколько минут в зале не осталось дышащих врагов, а тела павших или лежали неподвижно, или подергивались в предсмертных судорогах.

Тогда в зал вошли остальные члены нашего отряда. Сначала – Трим, одетый как для боя на Арене 13. Он носил людские доспехи, спрятав свою горловую втулку, отчего казался человеком-воином. Его благородное лицо было мрачным, мерцающие глаза – суровыми. За ним следовали лаки с огромными боевыми топорами с обоюдоострым лезвием; они несли пристегнутый к шестам тяжелый цилиндрический кожаный футляр. Этим четверым доверили нести грамагандар – оружие, от которого зависела наша победа.

Лаки положили цилиндр на плиты пола и шагнули вперед. Двое из них сняли с плеч топоры и тут же начали расчленять труп Хоба.

Тайрон медленно встал, длинно выдохнул и поднял меня на ноги:

– Что ж, Лейф, дело чуть не сорвалось. Все оказалось опаснее, чем я ожидал. На мгновение мне подумалось, что мы проиграли, едва сделав первый ход…

Все еще обессиленный, не способный вымолвить ни слова, я молча кивнул.

Тайрон пошел к колоннам слева, вернулся с головой Хоба,

швырнул ее на пол рядом с изувеченным телом и подал знак.

Один из лаков дважды опустил топор, разрубив голову на четыре части. Тайрон внимательно за этим наблюдал, потом вернулся ко мне.

– Мы делаем это не из злобы, а с благой целью, – сказал он. – Джинны обладают огромной способностью к регенерации. Каждую сущность нужно обезглавить и рассеять ее останки как можно дальше друг от друга. Лучше всего сжечь, но сейчас у нас нет на это времени.

Повинуясь его жесту, куски вынесли наружу, чтобы разбросать по склону холма. Одновременно четыре воина вернули своих лошадей тем гентхаям, которые охраняли фургоны. Пришло время спуститься в лабиринт под цитаделью Хоба, там лошади будут бесполезны.

– Что ж, – сказал Тайрон, – первая победа за нами. Но это была всего одна из сущностей Хоба. Теперь мы начнем спускаться под землю, что будет намного опасней.

Трим двинулся вперед, рядом с ним шагал Коннит, мы с Тайроном следовали за ними по пятам. За нами шли Каласар, Тандар и Донат во главе остальных воинов-гентхаев, последними – лаки со своей ношей.

Обогнув трон, мы спустились по ступеням помоста и через изукрашенную бронзовую арку попали в круглое помещение с беломраморным отполированным полом. Оттуда брали начало пять темных узких тоннелей.

Мы последовали за Тримом по центральному. Сперва тоннель шел круто вниз, но потом выровнялся. Твердый пол тонким слоем покрывала пыль, которая облачками взлетала у нас из-под ног. Стены излучали неяркий желтый свет, поэтому факелы были не нужны.

Тоннель свернул влево, и мы оказались в высоком узком помещении. В каменной стене по левую руку от себя я увидел три большие ниши, заглянул в первую из них – и отпрянул… Это был склеп, в котором лежит давно умершее существо: от него остался лишь скелет. Рост создания в семь-восемь раз превышал человеческий, из скелета торчало несколько белых отростков, похожих на тонкие ветки, от которых словно отслоилась кора после того, как сердцевина сгнила и корни засохли. Но отростки все еще были покрыты очень тонкими волосками, похожими на пух. Конечности-отростки имели по четыре-пять суставов, и каждый заканчивался ужасным зазубренным гвоздем – возможно, жалом. Конечности, похоже, тщательно сложили, чтобы они поместились в тесной нише. Перед скелетом лежал огромный череп с двумя темными дырами – глазницами, в которых некогда

были глаза.

– Да, это очень старая шатек, – сказал Тайрон. – Мы глядим на останки шатек сикоды. Эта красотка, наверное, породила Хоба. Ада рассказывала мне, что чем дольше шатек живет, тем больше она вырастает. А еще такая мерзость порождает себе подобных. Где-то там, внизу, все еще живет версия – или версии – этого создания: их-то мы и должны найти и уничтожить. Хоб не просто регенерирует – он может рождаться снова и снова.

– Сколько шатек там может быть? – спросил я. – У Шалатан насчитывалось семьсот тринадцать сущностей, но шатек была всего одна. У Хоба наверняка намного меньше сущностей – так сколько же шатек ему нужно?

– Не забывай, Лейф, что Хоб – джинн-отшельник, – ответил Тайрон. – Он отринул свои первоначальные шаблоны и модифицировал себя по своему вкусу. Убей единственную шатек Шалатан – и Шалатан больше не сможет возрождаться. Пусть не сразу, но это станет для нее смертным приговором. Но Хоб еще и механик Ним и может использовать словы, чтобы шаблонировать свое будущее. Я полагаю, у него есть несколько шатек для подстраховки, на тот случай, если одну или больше убьют.

18. Мой хозяин милосерден

Когда человеческую душу облекают в фальшивую плоть, остается она такой же или изменяется? Помнит ли она свою прежнюю жизнь, или только думает, что помнит? Только Ним знает правду.

«Руководство по языку Ним»

Лейф

Вскоре мы уже шли по узким, порождающим клаустрофобию тоннелям; они тоже излучали свет, которого хватало, чтобы ясно видеть. Теперь пол стал мягче, наши ботинки увязали в глине, и четыре лака фыркали и ревели как быки, пробираясь вперед с грамагандаром.

Мы передвинули Трима назад, чтобы он командовал лаками, когда придется пустить в ход оружие. Я оглянулся на грамагандар. Его привязали кожаными ремнями к шестам, но футляр убрали, приготовив оружие к бою. Грамагандар был отлит из темного металла с красноватым оттенком – огромный цилиндр с выпуклым концом, выполненным в виде волчьей головы: клыки обнажены, пасть гневно ощерена и раскрыта, чтобы извергнуть огненное дыхание. На поверхности цилиндра (длинного, примерно в полтора раза длиннее человеческого туловища и вдвое толще его) виднелись странные прожилки, напоминающие вздутые вены, а еще диковинные завитки, пересекающиеся линии и слова на языке, которого я не узнавал.

Наконец тоннель вывел нас в темную пещеру, где всем нам – не считая нагруженных грамагандаром лаков – пришлось зажечь

факелы и поднять их повыше. Перед нами предстало удивительное и ужасное зрелище.

Сотни больших серых шаров покачивались в полутьме словно под дуновением ветра, хотя воздух здесь был неподвижным и влажным. Шары смахивали на грибы с тонкими ножками и стояли в пещере ряд за рядом, как будто их тут выращивали. Ощущалась сильная вонь гниения, но не это заставило желчь подступить к моему горлу так, что меня едва не вырвало.

Я смотрел не на грибы. Это были отрезанные человеческие головы, покачивающиеся на длинных стеблях примерно на высоте моего плеча. Глаза были открыты и смотрели на нас, лица подергивались в му´ке.

Так вот что Хоб делал с теми, кого забирал в свою цитадель!

Тайрон забрал голову Керна и сжег ее, чтобы она никогда больше не могла попасть в злые руки Хоба. Но зачем джинн так поступал? Зачем ему сохранять головы живыми в такой ужасной манере?

С горестным криком Тайрон ринулся вперед и пошел между рядами, пристально всматриваясь в головы, как будто кого-то искал. Может, друга, которого захватил Хоб и превратил в такое?

Мы выстроились в шеренгу перед головами и молча наблюдали за поисками Тайрона. Прошло десять минут, и Коннит положил руку мне на плечо:

– Иди и приведи его обратно, Лейф. Мы больше не можем ждать.

Я прошел между рядами покачивающихся голов, видя, как глаза умоляют меня, как рты молча открываются и закрываются.

«Может, не все они побежденные воины. Может, некоторые из них были обычными горожанами, похищенными с улиц Джиндина после наступления темноты», – подумал я.

Казалось, головы молят меня о помощи. Но как им помочь, не сделав того, что Тайрон сделал для Керна? Он рассек трубки у основания шеи Керна, позволив тому погрузиться в покой смерти. Должны ли мы точно так же избавить от страданий эти бедные измученные души? Наверняка такой поступок был бы для них благодеянием.

Я добрался до Тайрона как раз тогда, когда он проверял последний ряд, пристально вглядываясь в каждое бедное лицо.

– Нам нужно идти дальше, – негромко сказал я.

– Да-да, – отозвался он, склонив голову и глядя на свои ботинки.

– Вы искали друга? – спросил я.

Он поднял голову и встретился со мной взглядом.

– Я искал подругу, но ее здесь нет, – ответил Тайрон. – Я

должен был в этом убедиться. Ты прав… Мы слишком задержались. Надо идти.

– Перед тем как отправиться дальше, не должны ли мы подарить им покой? – спросил я.

Тайрон покачал головой:

– Если мы добьемся своего, в этом не будет необходимости. Если же мы проиграем, то разделим их судьбу.

Без дальнейших объяснений он резко кивнул и пошел обратно, чтобы присоединиться к остальным.

Спустя несколько минут мы добрались до дальней стены пещеры и вошли в другой тоннель, который привел нас в еще одну пещеру, такую высокую и просторную, что, несмотря на свет факелов, свод ее терялся в темноте.

Первым предупреждением об опасности послужило слабое трепетание воздуха. Потом раздался зловещий свист, и на нас обрушился град смертоносных стрел, а впереди вспыхнул слепящий свет ярче тысячи факелов. Не знаю, должен был он ослепить нас или осветить, чтобы помочь нашим врагам.

Из сияния к нам двинулись чудовищные, искривленные силуэты: вроде бы люди, но с чересчур длинными ногами и руками, в которых было слишком много суставов.

Они бесновались, идя на нас – армия смертельно опасных сущностей Хоба. Какой шанс у простых смертных выстоять против таких существ? Среди атакующих были и создания примерно человеческого роста, одетые в доспехи и размахивающие мечами. Слуги Хоба – или тоже его сущности, только другого вида? Слуги наверняка участвовали в атаке – я видел кисточек в одеждах с капюшонами; некоторые кисточки бежали к нам на четвереньках.

Сердце мое часто застучало от возбуждения и страха. Вот она, битва, которой мы ожидали! Опасность куда страшнее той, в тронном зале! Вместо одной сущности и нескольких кисточек теперь мы имели дело с мириадом сущностей и армией слуг. А нас было так мало! Могли ли мы надеяться одержать верх?

«Очень многое зависит от грамагандара, – подумал я. – Гентхаи вообще когда-нибудь испытывали его? А если испытывали, то против кого?»

Коннит ничего об этом не говорил. Оружие, без сомнения, было очень старым, может сделанным еще до падения Империи людей. Будет ли оно по-прежнему эффективным? А вдруг джинны развили в себе некие качества, помогающие противостоять этой угрозе? Может, именно для защиты от грамагандара и нужен яркий свет?

На нас обрушился еще один шквал стрел. Я увидел, как одна

стрела глубоко вонзилась в шею Бриду; тот вскинул руки, рухнул и остался лежать у наших ног, дергаясь в конвульсиях.

Я упал на колени, ошеломленный, не способный думать, держа щит над головой. Повсюду вокруг меня другие делали то же самое, стараясь укрыться от смертельного дождя, который стремился нас погубить. Наши лучники так и не смогли выпустить в ответ ни одной стрелы.

Я оглянулся: только Трим и четыре лака, которые несли грамагандар, все еще оставались на ногах.

Но потом Коннит вскочил, держа по мечу в каждой руке. С искаженным яростью лицом, он вопил что-то дикое и неразборчивое. Теперь мы вставали один за другим, а Коннит уже бежал к свету.

Мы одновременно начали отчаянное наступление, наши лучники взялись за мечи, и я побежал вместе с остальными, забыв о себе ради общей цели. И тут где-то в глубине души я услышал волчий вой. Мне показалось, что я не просто воин, бегущий с остальными гентхаями, чтобы встретиться с противником, – я волк, мчащийся вместе со стаей, чтобы растерзать своих врагов. И не важно, что у врагов численный перевес по меньшей мере пять к одному.

В правой руке я держал короткий меч, в левой – круглый щит. Когда мы сшиблись с первыми рядами противника, я почувствовал, как кто-то тянется ко мне справа, и ударил мечом; клинок натолкнулся на что-то твердое, я покачнулся, восстановил равновесие и побежал дальше. Я рубил мечом и щитом направо и налево, но вскоре многочисленные вражеские ряды, с которыми мы столкнулись, стали слишком велики, и меня сжали с трех сторон.

Я повернулся и увидел, что остальные сражаются рядом. Справа Коннит, держа по огромному мечу в обеих руках, наносил страшные удары направо и налево, и враги падали перед ним, как срубленные деревья. Слева от меня с каждым быстрым выпадом или рубящим ударом попадал в цель Каласар.

Но свет, бьющий в глаза, стал еще ярче; он почти ослепил нас, и, когда падал один враг, другой прыгал вперед, чтобы его заменить. Некоторые из противников были просто ужасными – гораздо выше обычного человека, с такими длинными руками, что они почти не подпускали нас на расстояние удара клинком. Их было слишком много – и вскоре силы мои начали убывать. Мне пришлось отступить вместе с теми, кто сражался бок о бок со мной.

Но потом я услышал позади некий звук, ощутил вибрацию, от которой у меня заныли зубы, и внезапно, с кашлем и ревом, к нам

устремилось опаляющее пламя грамагандара.

Даже среди неистовства битвы я сумел оглянуться и увидел ужасающий язык пурпурного огня, который рванулся прямиком туда, где мы сражались. Предполагалось, что такое пламя уничтожит фальшивую плоть – но разве его сможет выдержать хоть одно живое существо?

На мгновение я растерялся, и один из врагов рубанул по моей незащищенной голове. Я слишком поздно вскинул щит, чтобы парировать удар, и понял – мне конец. Но удара я не почувствовал; вместо этого я увидел, как противник рухнул передо мной. Вокруг, куда ни посмотри, враги шатались и падали или пытались бежать. Яркий свет начал тускнеть, как будто солнце зашло и наступили сумерки. Я видел, как тает плоть, стекая с лиц, как гнутся кости, как пузырятся и вытекают из глазниц глаза, как изгибаются и ломаются руки и ноги, когда грамагандар делает свою смертоносную работу.

Пламя снова устремилось ко мне; под вибрирующие рыки пурпурные импульсы прерывались мгновениями темноты. Огненный язык лизнул мою плоть и прошел сквозь нее так, будто его и не было, но когда пламя добралось до наших врагов, эффект его оказался смертельным: доспехи смялись и изогнулись на тающих телах.

Все, облаченные в фальшивую плоть, погибли; остались только кисточки, которые со скулящими криками поскакали прочь и как крысы суетливо скрылись в темноте.

Мы повернулись спиной к умирающим, и все двинулись обратно, к ужасному огню. Четыре лака, гримасничая от напряжения под огромным весом грамагандара, теперь направляли пламя вверх. Трим держался на порядочном расстоянии за их спинами, иначе огонь уничтожил бы и его.

Я посмотрел вверх, проследив взглядом траекторию огня, и увидел, что высоко над нами стоят вражеские лучники. До этого мгновения их скрывала темнота, теперь же, когда их осветило пурпурное пламя Дыхания Волка, наши лучники начали по ним стрелять. Враги пытались спастись, убегая вдоль высокого выступа, некоторые бросали оружие, другие падали даже раньше, чем до них добиралось пламя. С пронзительными воплями они срывались в темноту, но грамагандар выдыхал огонь, пока на выступе не замерло всякое движение.

Грамагандар сделал свое дело, и смертоносное оружие снова привязали стропами к шестам. Но когда лаки приготовились поднять свою ношу, Тайрон жестом велел им подождать.

На тело павшего Брида вылили масло и подожгли факелом. Его товарищи молча наблюдали, как Тайрон выполняет этот акт

милосердия. У нас не было уверенности в победе, и Тайрон хотел, чтобы останки нашего друга не достались Хобу, если мы будем вынуждены отступить.

Тем временем Коннит тихо спросил меня:

– Ты почувствовал это? Он был с нами. Волк был с нами.

В его дрожащем хриплом голосе слышался религиозный трепет, как будто Коннит не вполне им владел.

– Почувствовал, – признался я. – Я слышал в голове его вой.

Пока горело тело бедного Брида, мы молчали; наши ноздри наполняла вонь горелого мяса. Потом я снова посмотрел на Коннита.

– Я знаю, что грамагандар считается безвредным для человеческой плоти. Но я уж думал, пришел мой последний миг. Думал, пламя поглотит и меня тоже, – признался я.

Коннит мрачно улыбнулся:

– Оружие создано для того, чтобы уничтожать фальшивую плоть; оно должно убивать всех, рожденных шатек. Вот почему я не позволил Аде присоединиться. Но даже подлинная плоть может со временем пострадать от прикосновения к нам. Старость может быть более болезненной, кости станут более хрупкими, слабость придет быстрее. Но сейчас это мало нас волнует. Не беспокойся, Лейф: мы воины, нам не надо бояться старости.

Мы снова пустились в путь. Все так же медленно мы спускались к самой глубокой части системы пещер и тоннелей. Тайрон считал, что далеко внизу мы найдем шатек, благодаря которым Хоб может создавать новые сущности. И там мы их уничтожим.

Некоторые факелы потерялись в битве, но их оставшихся хватило, чтобы освещать нам путь. Мы все время держались начеку, но не видели ни нашего главного врага, ни тех, кто выполнял его приказы.

Иногда мы шли по тоннелям, которые казались новыми, и мягкая земля под ногами еще больше замедляла наше продвижение. Но чаще всего мы шагали по древним тоннелям, вымощенным неплотно сидящими кусками камня – эти ходы соединяли пещеры разных размеров. Пещеры создала вода и другие силы природы, но тоннели прорубили Хоб и его прислужники. На такой глубине с потолков капала вода, и маленькие ручейки время от времени пересекали наш путь или вились рядом, прежде чем скрыться в какой-нибудь темной пропасти.

Наконец мы вышли в пещеру, где отвесная стена воды с грохотом падала из темноты в глубокий резервуар, вздымая облако брызг. Вода в резервуаре крутилась, разбиваясь об

огромные валуны, и гигантским каскадом рушилась в темноту.

Когда мы приблизились к резервуару, наши факелы осветили стройную фигуру женщины, сидящей на краю; ее длинные светлые волосы ниспадали с плеч.

«Неужели Хоб похитил ее с улиц и держал тут живой?» – удивленно подумал я.

Но Тайрон, увидев ее, застонал словно от боли и шагнул вперед, жестом велев остальным держаться сзади. Чувствуя некую угрозу, я последовал за ним по пятам и, когда он приблизился к женщине, схватил его за руку.

– Кто это? Вы ее знали? – спросил я.

Глаза Тайрона были дикими в свете факелов, и я увидел, что на его щеках блестят слезы горя, которое росло, угрожая поглотить его как поток.

– О да, я ее знал, Лейф. Она была для меня дороже жизни. Ее звали Джаканда, она была матерью Тины и Квин и моей женой… Пока Хоб не забрал ее себе.

Тайрон никогда не говорил о жене, и я никогда его не расспрашивал. Мне сказали, что она умерла от лихорадки, когда Квин была почти младенцем. Теперь вдруг многое прояснилось. Тайрон таил секрет даже от своих детей – потому что Хоб убил Джаканду.

Содрогнувшись, он вырвал руку из моей хватки и быстро пошел к женщине. В пещере было полутемно, поэтому я выхватил у Каласара факел, побежал вперед и зашагал рядом с Тайроном. Мы оба остановились перед женщиной.

– У меня есть для тебя послание, Тайрон, – сказала она, – послание от моего господина.

Голос ее был хриплым и полным боли, еле слышным на фоне рева падающей воды. Даже при свете факела, пламя которого металось из-за поднятого водоворотом ветра, я видел, как скверно обращался с нею Хоб: горло Джаканды ужасно опухло, на руках и ногах виднелись темные синяки. Края ее рта были или разорваны, или разрезаны, и свежая кровь двумя ручейками бежала по шее, пачкая белое платье, которое она сжимала у горла.

Тайрон застонал и протянул к ней руки. Он попытался что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова.

Женщина была юной, очень юной – наверняка душу жены Тайрона заключили в фальшивую плоть, рожденную шатек. В мочке левого уха Джаканды поблескивала маленькая серебряная сережка в виде волка. Внезапно я понял, что эта женщина выглядит в точности как Квин.

– Мой господин попросил передать, что тебе еще не поздно

умолять его о прощении. Если ты повернешь назад, он даст тебе два великих дара.

– Дара? – переспросил Тайрон, подойдя на шаг ближе.

– Во-первых, он позволит твоим дочерям прожить свою жизнь в безопасности в том мире, наверху. Во-вторых, он позволит мне вернуться с тобой, чтобы мы вчетвером снова могли быть вместе.

Тайрон покачал головой и начал отворачиваться, но она внезапно шагнула вперед и схватила его за руку.

– Тайрон! – вскричала она. – Мой господин милостив. Просто сделай то, что он просит, и мы снова сможем быть счастливы. Пожалуйста. Пожалуйста…Я ужасно по тебе скучаю, и боль так трудно терпеть. Я всегда любила только тебя. Только тебя.

Тайрон снова начал поворачиваться и потянулся, чтобы убрать ее руку со своей. В ту же секунду я увидел, что должно произойти. Но вся моя быстрота и навыки ничего не дали: у меня хватило времени лишь на то, чтобы сделать один напрасный шаг.

Было слишком поздно…

Джаканда прыгнула через край бассейна, все еще держа Тайрона за руку. Он пошатнулся, попытался восстановить равновесие, но потом опрокинулся в бездну вместе с ней.

Невозможно было разобрать, что они закричали. Все звуки потонули в грохоте водопада.

Я посмотрел вниз и увидел, как тела Тайрона и Джаканды ударились о камни; на короткий миг брызнуло красным, прежде чем их быстро унесло в темноту.

19. Дыхание Волка

Неудивительно, что джинны ненавидели грамагандар и боялись его. И неудивительно, что люди безжалостно пускали его в ход.

Если оружие существует, его будут использовать.

Но это всегда имеет свои последствия.

«История Конфликта»,
Эйтель Пессимист

Лейф

Я был потрясен до глубины души, голова у меня шла кругом. Я сел на влажные камни и закрыл лицо руками, слыша неумолчный рев водопада.

Сумасшедшие мысли крутились в моем мозгу быстрее водоворота в каменном бассейне, в который рушился водяной поток: «Тайрон может быть еще жив!»

Я вскочил, собираясь нырнуть в водоворот и спасти его. Я даже открыл рот, чтобы позвать на помощь, но потом вспомнил долгое падение, всплеск красной крови на камнях – и понял: Тайрон ушел навсегда.

Все произошло так быстро. Если бы я только шагнул между ним и женщиной! Теперь было слишком поздно, и я мог только раскачиваться взад-вперед, снова и снова видя эту ужасную сцену.

Я опять сел. Кто-то подошел и стал кричать мне в ухо, но я оттолкнул этих людей.

Кажется, остальные положили свою ношу и присели на корточки на некотором расстоянии от меня, но это казалось неважным. Что бы теперь ни произошло, все теперь было

неважно. Ничто не могло изменить случившееся. Меня переполняло ужасное горе и чувство потери.

Тайрон был моим учителем и другом. Отца, Мэта, я потерял давно – и вот как будто снова потерял отца. Тайрон наставлял меня и давал советы, он помог мне стать тем, кто я есть. А теперь бедная Тина из-за Хоба потеряла мужа, отца и мать. Как ее хрупкий разум сможет справиться с таким горем? Как я вообще смогу рассказать ей правду о том, что только что произошло?

А Квин… Несмотря на споры с отцом, она глубоко его любила.

Я долго медлил у водопада; разум мой словно онемел. Потом поднял глаза и увидел, что Трим молча стоит рядом, а Коннит неподалеку.

– Нам нужно торопиться, – сказал Коннит.

Но прежде чем я смог ответить, заговорил Трим:

– Какова твоя воля, Лейф?

– Моя воля… – Я задумался, качая головой, все еще в шоке. – Моя воля так долго была волей Тайрона… Не могу поверить, что его больше нет. Я просто хочу завершить то, что он начал.

– Тогда послушай меня, – сказал Трим. – Послушай хорошенько. Ты знаешь, что следует сделать. Мы должны отнести оружие туда, где все еще обитают матери Хоба. Мы должны найти и уничтожить его шатек… Между нами и этим местом стоит много врагов, и, чтобы пробиться через них, нам придется снова пустить в ход грамагандар.

Я мрачно кивнул:

– Что угодно. Теперь мы не можем повернуть назад.

Коннит подошел и опустился рядом со мной на колени.

– Сперва мы доберемся до логова шатек, а потом сделаем вот что, – мрачно сказал он. – Грамагандар – оружие, которое работает двумя способами. Первый ты уже видел. При втором способе Дыхание Волка выпускается медленно, расширяющимися волнами смерти. Оно выдыхается трижды, и каждое дыхание расходится дальше предыдущего. Шатек и все рожденные из их плоти умрут при прикосновении этого огня.

– Тогда ты тоже умрешь, – сказал я, посмотрев Триму прямо в глаза.

– Все рожденные шатек должны умереть здесь, – ответил он. – Между дыханиями будут долгие паузы, но третье достигнет мира наверху. Оно пройдет сквозь камень, очистит подземный мир, башни и шпили и доберется до края города. Если я смогу, я уйду до этого последнего смертоносного дыхания.

– Почему Трим не может покинуть нас немедленно, чтобы мы запустили оружие прямо здесь и сейчас? – требовательно спросил

я Коннита. – Мы, наверное, недалеко от шатек. Разве грамагандар не способен уничтожить их отсюда?

– Возможно, но не наверняка, – ответил тот. – Мы должны добраться до их логова, до их родовых покоев. Если мы запустим грамагандар там, только тогда мы будем твердо уверены, что шатек уничтожены.

– Тогда у нас нет выбора. Мы должны идти, – сказал я, встал и подобрал свой меч и щит.

Наконец мы вошли в пещеру такую громадную, что там могло бы поместиться все Колесо.

Свет здесь был слабым, а у нас осталось не много факелов, поэтому в тенях могло затаиться что угодно.

И вот далеко впереди, на другой стороне пещеры, я увидел боевой порядок наших врагов, озаренных сзади световой аркой: отряд из нескольких десятков сущностей Хоба. На этот раз свет был недостаточно ярким, чтобы превратить их в силуэты и спрятать их лица, и я понял, что все они похожи как две капли воды! У каждой сущности – безволосая голова, крючковатый нос и странные, ужасающие глаза, в которых маленькая темная радужка теряется среди слишком больших белков. И все до единого лица и глаза, глядящие на нас, источая силу и ненависть, – это лицо и глаза Хоба.

За ними в темноте мерцал мост; с огромной переливчатой аркой он выгибался над черной бездной, словно соединяя два берега. Но дальний берег терялся в тумане, и сперва я подумал, что мост – порожденная светом иллюзия, призрачная проекция, по которой ни одно создание из плоти не сможет сделать ни шага.

Но Трим показал прямо на него:

– Подозреваю, что шатек спят за тем мостом. Мы должны перейти по нему на дальнюю сторону пещеры и поискать их.

Я снова посмотрел на наших врагов. Несколько воинов с внешностью Хоба были одеты для боя на Арене 13 – в кожаные шорты и куртки с короткими рукавами, оставляющими тело открытым для клинков. Другие были в темных доспехах и шлемах, закрывающих их лица; эти держали длинные мечи или огромные топоры, а некоторые даже копья.

Мне подумалось, что, возможно, не все они сущности Хоба. Были ли некоторые из них мертвецами или теми, кто из страха повиновался своему ужасному господину? Я вспомнил Джаканду, которая увлекла Тайрона навстречу смерти – мужа, которого она явно любила, даже когда готовилась лишить его жизни. Почему? Потому, что Хоб пообещал оставить в покое их дочерей? Она

сделала это, чтобы спасти Тину и Квин от мучений подземного мира?

Потом мне в голову пришла еще одна ужасная мысль. Тайрон упал – и почти наверняка погиб. Но что, если Хоб ухитрился отыскать его голову и оживил ее, добавив к тем измученным душам, которых мы уже видели? Нельзя было допустить, чтобы такое случилось. Вот еще одна причина полностью уничтожить Хоба.

Нам нужно убить всех, кто встал против нас. Некоторые и вправду могут быть бедными страдающими существами, жертвами, но… у нас нет выбора.

– Отойдите! – закричал Коннит, обращаясь к нашим врагам. – Отойдите и дайте нам пройти! Отойдите или почувствуйте на себе ярость гентхаев!

Его слова прозвучали впустую; они отразились от стен и, искаженные эхом, стихли. Потому что смерть в этом месте для последователей Хоба не имела значения. Джинны не умирают так, как люди. Сущности не боялись нас. Они хотели только защитить шатек, которые обещали им бессмертие, и их собственная смерть ничего для них не значила.

Что же касается прислужников Хоба – то почему их должны были волновать наши угрозы? Единственный несомненно известный им факт – это пытки, которым подвергал их темный господин; для них существовала только его воля.

Собравшиеся перед нами ряды быстро дали ответ: по пещере пронесся смех, звучавший все громче и громче, пока наконец не раскатился презрительным громом. Когда же смех стих, враги принялись бить мечами в щиты, затопали, застучали оружием по полу – металл, дерево и кожа по камню, – и пещера зазвенела и загремела от их вызова.

Вслед за тем они напали.

Не успев сказать ни слова, Коннит кивнул Триму: грамагандар был уже наготове. Дыхание Волка вырвалось с кашлем и низким ревом, чтобы испепелить наших врагов. Многие рухнули сразу, растаяв, как только их лизнул язык пурпурного огня; другие успели пробежать какое-то расстояние, прежде чем зашататься и тоже упасть.

Немногие избежавшие импульсов огня атаковали нас сбоку. Но мы выстроились кругом, защищая грамагандар, и Коннит повел нас под атакой вперед, к мосту, двигаясь таким быстрым шагом, какой только могли выдержать несущие оружие лаки.

Очень немногие враги добрались до нашего защитного кольца, а те, что добрались, пали под стрелами и мечами гентхаев. Четыре лака по команде Трима медленно повернулись

по часовой стрелке, чтобы грамагандар выплевывал огонь по кругу, и я снова ощутил вибрацию в зубах, когда сквозь меня прошел огонь. Мне вспомнились слова Коннита: «Мы воины, нам не надо бояться старости».

Мы дошли до моста, и Трим первым начал длинный подъем к высшей точке арки, взмывавшей над темной глубокой пропастью. Грамагандар был направлен назад, чтобы уничтожить любого, кто будет нас преследовать.

Я шел за Тримом, но едва поставил ногу на мост, как из темноты внизу донесся теплый ветер; буря заревела у меня в ушах, воняя гниющими морскими водорослями, выброшенными на берег моря. Это была вонь стоячей воды, в которой разложилась плоть; вонь гниения мертвой матки.

Несмотря на это, я не стал медлить, и несколько мгновений спустя ветер стих. Я услышал, как наши шаги отдаются эхом от каменного свода высоко вверху, оглянулся и увидел, что Коннит и Каласар следуют за мной по пятам, а за ними со своей тяжелой ношей тащатся четыре лака. Дальше шли Тандар и пятеро лучников-гентхаев, продолжавшие стрелять по нашим преследователям.

Мост под ногами был полупрозрачным, как кристалл, но с шероховатой грубой поверхностью. Он становился все круче и, когда мы добрались до высшей точки, внезапно сделался скользким. Я споткнулся, чуть не упал и в страхе перед глубокой пропастью пошел медленнее.

Мне подумалось, что один неверный шаг – и четыре лака, несущих грамагандар, могут обрушить все наши надежды в бездну. Однако мост был шире, чем казался, и, держась его середины, мы надеялись уцелеть.

И тут я увидел, что прямо посередине моста нас ожидают трое в темных доспехах. Последние сущности Хоба?

Трим повернулся и сказал тоном, в котором было больше приказа, чем просьбы:

– Предоставь их мне, Лейф.

Он обнажил свои мечи.

– Нет, – покачал головой Коннит. – Зачем рисковать, если есть куда более легкий способ?

Трим мрачно улыбнулся, и грамагандар перенесли вперед. Его пламя быстро очистило мост от противника.

Хобу почти конец? Все, что от него теперь осталось – это шатек, матери, которые еще могли рожать его сущности?

Ветер снова донесся из провала, наполнив наши ноздри вонью и чуть не погасив последние факелы.

Мы с Тримом добрались до вершины моста и бок о бок

начали спускаться. Теперь стало видно, что эта сторона моста уходит в яму, напоминающую кратер почти круглой формы. Высокие внутренние стены обширной ямы были едва освещены; от радужного моста струилось куда более яркое сияние. Но по мере того как мы спускались, оба источника света начали угасать. Спустя еще две дюжины шагов мы замедлили ход и в сгущающемся сумраке стали поджидать грамагандар, Коннита и Каласара. Сразу вслед за ними шли двое лучников, но Тандар и остальные остались посередине моста, чтобы охранять наш тыл.

Коннит нес факел, поэтому он подошел к Триму, а я передвинулся назад.

Наконец мы добрались до конца моста; нас окружала тьма, и наши факелы отбрасывали огромные искаженные тени на стену кратера. Теперь мы видели пещеры у подножия этой стены – тринадцать темных голодных ртов, каждый из которых мог быть домом шатек. Однако нам следовало в этом удостовериться.

Внезапно я услышал странный звук – несколько легких пощелкиваний, будто трещали древние кости. Звук исходил из устья ближайшей пещеры. И вот на свет медленно появилась голова – отвратительная пародия на голову женщины: гладкая, лишенная волос, с большими светящимися зелеными глазами.

Да тут и вправду находилось логово шатек!

Лаки уже положили оружие на землю; двое целились, в то время как двое других сняли из-за спины топоры с обоюдоострым лезвием и встали лицом к шатек.

Я внимательней пригляделся к созданию: большой нос, разинутый рот, раздвинутые толстые губы, а за ними двойные ряды зубов, острых, как ядовитые клыки змеи, загибающихся назад, к темной глотке. А потом существо выбежало на мерцающий свет факела, и стало ясно, что тело его похоже на тело шатек, купленной Адой у Торговца, и на тело шатек Шалатан. Блестящее черное туловище смахивало на туловище насекомого, но имело восемь ног и было вдвое крупнее быка – эта шатек оказалась гораздо больше тех двух, которых я видел раньше.

Стремительно выскочив из пещеры, она побежала прямиком к нам, но два лака высоко занесли топоры и опустили ей на голову. Первый топор отскочил словно от доспехов, но второй глубоко вонзился в левый глаз. Шатек в муке закричала и попятилась обратно в тоннель, тряся головой и забрызгивая кровью тех, кто на нее напал. Вдруг существо подняло голову и выплюнуло в своих врагов длинную серебристую струю жидкости.

Теперь пришел черед лаков завопить: оба они упали на колени, прижав ладони к лицам. От их ничем не защищенных

голов поднялся пар, и я понял, что жидкость прожгла кожу и глаза.

Шатек снова ринулась к нам, но стрела вонзилась в ее второй глаз, и она остановилась, мотая головой из стороны в сторону, словно для того, чтобы вытряхнуть стрелу.

Из пещеры слева появилась еще одна шатек, но и ее остановила стрела. Выбежали и другие матери Хоба, спеша на помощь своим товаркам, – и вот тогда лучники показали, чего они стоят. Они стреляли снова и снова со смертоносной точностью, и шатек получали стрелу или были вынуждены вернуться в свои безопасные логова.

Когда непосредственная угроза миновала, я спросил Коннита:

– Сколько это будет продолжаться? Сколько еще ждать первого дыхания?

– Меньше чем через минуту все будет готово, – ответил он.

– А когда будет второе?

– Через час. И еще через час – третье.

– Тогда беги, Трим. Беги, спасайся! – скомандовал я. – Возвращайся наверх!

– Но здесь все еще опасно, – запротестовал он.

– Послушай, Трим. Однажды мы можем встретиться с еще более могущественным врагом, чем Хоб. Беги быстрее, я приказываю! Спаси себя ради будущих битв!

Лак послушно повернулся, пробежал мимо грамагандара и вскоре исчез из виду за аркой моста.

Несколько врагов преследовали нас до той стороны моста, но сколько их и смогут ли они остановить Трима, было трудно сказать. Я беспокоился, что у него не осталось времени спастись от первого дыхания.

Волк и вправду вскоре выдохнул. Первым предупреждением была вибрация в зубах, которая вскоре превратилась в боль; и почти сразу грамагандар начал сиять мягким оранжевым светом.

На мгновение у меня закружилась голова, потом я ощутил слабость…А вслед за тем увидел такую яркую вспышку, что на время будто ослеп. Когда зрение вернулось ко мне, я поспешил мимо грамагандара, отводя взгляд от лаков, рухнувших поперек оружия; лаков, которые так тяжко трудились, что принесли сюда орудие собственного уничтожения. Я знал – шатеки Хоба в пещерах тоже наверняка мертвы.

Мы победили. Хоб перестал существовать. Я отомстил, и людям Мидгарда наконец-то больше не грозил этот жестокий хищник.

Приятно ощутить вкус победы после стольких лет ожидания,

но сейчас надо было спасаться из логова Хоба. Тут еще могли оставаться банды кисточек, не пострадавшие от грамагандара.

Коннит показал на мост, и мы осторожно пошли по скользкой поверхности. Когда наш отряд перевалил через верхнюю точку, идти стало легче, и мы ускорили шаг.

По дороге из цитадели нам могли повстречаться кисточки, но необходимости в отчаянной спешке не было, и мы двигались по тоннелям и пещерам размеренным шагом. В начале второго часа оставленный нами Волк выдохнул во второй раз, и немногие увиденные нами враги начали таять.

Наконец мы добрались до того места, где раньше на стеблях покачивались человеческие головы, взиравшие на нас с безмолвной мольбой. Здесь мы ненадолго задержались, удивленные тем, как все изменило дыхание грамагандара.

Головы были целы, но теперь лежали на земле – мертвые, с открытыми невидящими глазами. Сделанные из фальшивой плоти стебли растаяли или съежились, лишив этих бедных измученных людей источника жизни. Это было милосердное избавление от того, что сотворил с ними Хоб.

Мы снова двинулись к выходу из цитадели. Несмотря на победу, я чувствовал странную тревогу, которая постепенно росла, пока не перешла в острое предчувствие несчастья.

Что, если за цитаделью, за пределами досягаемости последнего дыхания грамагандара, одна из сущностей Хоба спаслась от уничтожения? Воуд и его люди охраняли Колесо и его окрестности, но не могли уследить за всем. Одна из сущностей могла ускользнуть от их наблюдения. Если так, она страшно отомстит за то, что мы сделали здесь.

Я зашагал быстрее. Я хотел убедиться, что Квин в безопасности, но ве´сти, которые я нес, лежали на моем сердце тяжелым грузом.

Мне придется рассказать о смерти ее отца.

20. Меня зовут Квин

Посмотри в зеркало и заговори. Если ты узнаешь свое отражение – ты разумное существо.

Но где пребывает твое сознание?

В твоей голове или в этом отражении?

«Руководство по языку Ним»

Квин

Я задержалась в административном здании дольше обычного. Перед началом сезона дел стало гораздо больше, и я должна была следить за документами.

Это был хороший предлог, потому что мне не хотелось находиться рядом с отцом и Лейфом, пока они готовятся к атаке на Хоба; это только заставляло меня тревожиться еще больше. Поэтому я попрощалась с ними за завтраком и провела день в усердных трудах, чтобы не давать волю своим страхам.

Трим собирался принять участие в атаке, и вместо него мне дали другого охранника – молодого гентхая, который забыл, как надо улыбаться. С прямой спиной, словно проглотил шомпол, воин мрачно проводил меня домой по сумеречным улицам города. Когда мы подошли к дому, было уже темно, я поблагодарила гентхая, он кивнул в ответ и оставил меня у входа во двор.

В окнах, как обычно, сиял свет, но, еще не успев отпереть дверь, я почувствовала, что дома никого нет. Трем отцовским слугам полагалось находиться на месте – повару, готовящему ужин, и двум вооруженным охранникам, которые всегда дежурили здесь после наступления темноты. Я знала, что Тина и ее сын проводят ночь в Доме Отдохновения, но Дейнон и Ада

должны были быть дома.

Я вошла на кухню – и меня поприветствовала тишина.

Обеспокоенная, я громко позвала:

– Ада! Дейнон! Я дома!

Ответа не последовало.

На плите кипело рагу, но повара на кухне не было.

Я поднялась наверх и постучала в дверь спальни, которую Дейнон делил с Лейфом. До того как они стали постоянными жильцами, эту длинную комнату отец всегда отдавал своим самым юным ученикам. Мне никто не ответил, и я открыла дверь. Комната была пустой.

Я отправилась к Аде – ее комната тоже оказалась пустой.

Не на шутку встревожившись, я поглядела через окно во двор и резко втянула воздух сквозь зубы. Там что-то двигалось в темноте.

В этот миг из-за облака вышла луна и осветила фигуру в плаще, медленно крадущуюся по плитам к задней двери. Кисточка – один из слуг Хоба! Кисточки были каннибалами и убийцами. Он что, собирается проникнуть в дом?!

Я позволила кинжалу выскользнуть из рукава в мою левую руку и внимательно прислушалась. Кисточка остановился, почти коснувшись лбом двери… Что он делает? Пытается сюда вломиться?

К моему удивлению, кисточка повернулся, крадучись отошел от двери и направился к дальней стене сада. Потом облако снова скрыло луну, и он исчез из виду.

Сжимая кинжал, не зная, чего ожидать, я медленно и осторожно спустилась по лестнице. И увидела на полу лист бумаги: его пропихнули под дверь.

Я поднесла листок к свету ближайшей свечи и внимательно рассмотрела. Почерк был грубым, и записку как будто написали кровью: «Ада моя пленница. Я предлагаю ей единственный шанс на жизнь. Приходи в Колесо сегодня ночью и встреться со мной на Арене 13. Она будет моей мишенью, а ты будешь ее защищать. Если ты откажешься сражаться, я буду долго мучать ее, прежде чем перерезать ей горло».

Я знала, что Хоб часто лжет, и понимала: возможно, Ада уже мертва. Но я не могла с этим смириться. Я должна была пойти. У меня не было выбора.

Я готовлюсь к битве с Хобом.

Я буду биться с ним, в надежде спасти Аду.

Я начинаю свой ритуал.

Я пристально смотрю на свое лицо в зеркале,

сосредотачиваюсь и произношу первую команду:

– Крась черным!

Девушка в зеркале тут же подчиняется, обводя контуры своей верхней губы быстрыми точными мазками.

Я произношу вторую команду:

– Крась красным!

И снова мое отражение в зеркале повинуется и красит нижнюю губу в ярко-красный цвет артериальной крови.

Я хмурюсь, поэтому девушка в зеркале выглядит свирепой.

Ее темные волосы с одной стороны длиннее и опускаются до подбородка, с другой же стороны едва доходят до брови, поэтому ясно виден шрам – тонкая линия, которая тянется по диагонали от левого глаза до уголка рта.

Я уже надела традиционные для Арены 13 короткие штаны и куртку, поэтому мои руки и ноги обнажены и готовы принять порез.

Теперь я отхожу от зеркала, сажусь на кровать и нагибаюсь, чтобы взять левый ботинок. Всегда первым должен идти левый ботинок. Я натягиваю его и начинаю зашнуровывать. Шнурки я завязываю тройным узлом. Приходит черед правого ботинка. И снова я заканчиваю шнуровку тройным узлом.

Это специальные красные ботинки «триг», которые купил мне Лейф. Они того же цвета, что и кровь Хоба.

Пришло время задать важный вопрос. Я вновь встаю перед зеркалом и наклоняюсь вперед до тех пор, пока едва не касаюсь его лбом. И спрашиваю:

– Девушка в зеркале на стене,

Кто всех быстрее, поведай мне!

Девушка глядит на меня и в унисон со мной произносит единственное слово:

– Квин!

В очередной раз ритуал завершен, и теперь мы – одно.

Я Квин, и я готова сразиться со своим врагом.

Я вышла из дома и двинулась через город одна, торопливо шагая по темным улицам. Ни один фонарь не горел – Джиндин опустел. Люди съежились за запертыми на засов дверями, боясь расплаты. Нападение на логово Хоба предполагалось держать в тайне, но в этом городе тайны трудно хранить.

Я боялась за Лейфа и за отца, которые были сейчас в тоннелях глубоко под цитаделью. Я гадала: убили они другие сущности Хоба – или джинн восторжествовал и мои близкие мертвы?

Но Хоб угрожал убить меня на глазах у Лейфа… Меня

посетила воистину темная мысль. Может, наш план потерпел крах и Лейф уже в плену у джинна? Я выбросила эту мысль из головы и по городским улицам, освещенным серебристым светом рогатого месяца, поспешила к Колесу.

Наконец деревянная громада поднялась над окружающими домами, закрыв собой месяц и звезды.

Последние люди давно покинули здание, но я вошла с помощью отцовских ключей. Внутри было не совсем темно: несколько факелов еще горели, поэтому я смогла отыскать путь на Арену 13.

Я спустилась под галерею для зрителей, вошла в зеленую комнату…И увидела тело, лежащее рядом со столом. С сильно колотящимся сердцем я медленно подошла, едва осмеливаясь взглянуть – вдруг это отец или Лейф?

Это был не отец и не Лейф, но человек, которого я знала. Мертвецом оказался Воуд – механик, друживший с моим отцом с тех пор, как они вместе тренировались еще мальчишками. У него была сломана шея, и его открытые глядящие в никуда глаза напомнили мне о том, что случилось в музее; тот миг, когда снова зажглись огни и я обнаружила у своих ног мертвого Гудвина.

Я содрогнулась, сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и двинулась к дальней двери. За ней начинался короткий коридор, который вел прямо на арену.

В коридоре я увидела еще одно тело – и на сей раз издала горестный вопль; слезы потекли по моим щекам.

Потому что я увидела бедного Дейнона.

В отличие от Гудвина и Воуда ему не даровали быструю смерть. Опустившись рядом с ним на колени, я увидела, что лицо его искажено от боли, рубашка спереди вся заляпана кровью, а тело лежит в липкой луже. Я увидела, что у него сломаны пальцы: они были выгнуты под невозможными углами.

Время как будто остановилось, пока я смотрела на него. Он был таким многообещающим, таким талантливым. Он стал бы одним из величайших шаблонщиков, каких когда-либо видел город. Лейф и Дейнон тесно дружили, и если Лейф выжил, мне придется обрушить на него ужасные новости.

Теперь я подумала об Аде и, надеясь, что она еще жива, отвела взгляд и встала. Дрожа всем телом, я обошла труп, стараясь не наступить в лужу крови.

Дверь «мин» оказалась открыта, поэтому я осторожно ступила на арену, вытащив из ножен на поясе два меча-тригладиуса.

Хоба я не увидела, и большая дверь «макс» оставалась закрытой. Но Ада была здесь – живая! Она стояла у дальней

стены, глядя на меня.

Она была в черных ботинках «триг» и одета как для боя на Арене 13: в традиционные короткие кожаные штаны и куртку, чтобы ее тело, как и мое, было открыто клинку. Но нижнюю часть ее лица закрывала коричневая кожаная маска, прилегающая очень плотно, чтобы Ада не могла сказать нашему врагу слова на языке Ним.

По ее щекам текли слезы. На мгновение я подумала, что она боится того, что ее ожидает, но потом поняла: она уже знает, что Дейнон мертв. Ей нравился этот мальчик, они сблизились, когда она учила его языку Ним, и вот Хоб заставил ее смотреть на смерть Дейнона.

Моей первой мыслью было снять с нее маску, чтобы Ада могла говорить. Я подошла ближе и поднесла клинок к ее лицу, гадая, как срезать маску, не поранив кожу. Но прежде чем я смогла что-либо предпринять, глаза Ады широко распахнулись от страха, и я услышала гулкий грохот двери «макс».

Я повернулась в тот миг, когда Хоб шагнул на арену.

Его огромная фигура была окутана тьмой. Вот существо, которого боялись все в Джиндине, страшилище, которым пугали детей. Он наполнял ужасами их ночные кошмары, его тень скользила по колыбелям и детским кроваткам. Он таился в шкафах, таращится в окна и посылал в ночь дрожь страха.

Бескрайний безрассудный ужас охватил мою душу, заставил сердце колотиться так, что я начала задыхаться и почувствовала, что теряю сознание. Арена завертелась вокруг меня, тьма собралась в уголках моих глаз.

Я сделала глубокий вдох и сосредоточилась на том, что следовало сделать. Я мысленно снова продекламировала слова ритуала: «Девушка в зеркале на стене – кто всех быстрее, – поведай мне!» – «Квин!»

Мое сердце забилось в более глубоком и размеренном ритме, когда обе двери начали закрываться.

Высоко вверху вспыхнули свечи в канделябре с тринадцатью рожками, он постепенно опустился, и арену залил свет. Я пристально посмотрела на своего врага и встала между ним и Адой.

Хоб тоже оделся для боя, но был без своей обычной бронзовой маски. Его голова, размером больше головы обычного человека, была совершенно лысой. Крючковатый нос напоминал клюв хищной птицы. Но глаза – вот что привлекло мое внимание. Темные зрачки и большие белки`… Когда он уставился на меня немигающим взглядом, у меня внезапно ослабели ноги.

Я вспомнила, что Лейф рассказывал мне об их схватке – Хоб

пустил в ход некую загадочную силу, отчего Лейф почувствовал себя беспомощным, попавшим в тиски воли джинна. Я попыталась отвести взгляд, но это было нелегко. Его глаза пристально глядели в мои. С огромным усилием я разорвала эту связь и уставилась на его рот.

И тут Хоб заговорил:

– Твой отец мертв, хотя мальчишка, которого ты любишь, все еще жив.

Слезы брызнули у меня из глаз. Хоб мог солгать, но что-то говорило мне, что он сказал правду. Меня захлестнуло огромное чувство потери, угрожая сокрушить меня.

– Вот почему я позвал тебя сюда, – продолжал Хоб. – Я собираюсь убить тебя – и женщину, которая стоит за твоей спиной. Я сделаю это медленно. Я буду отсекать от тебя кусок за куском до тех пор, пока ты не перестанешь быть похожа на человека. Женщина пыталась меня уничтожить, и за это она умрет. Но тебя я задумал убить по другой причине. Я хочу, чтобы мальчишка Лейф увидел, что я с тобой сделал. Когда он появится, ты, несмотря на ужасные раны, все еще будешь дышать, все еще будешь в сознании. Я хочу, чтобы он услышал, как ты умоляешь тебя убить. Я пообещал ему это много лет назад и теперь собираюсь выполнить свое обещание.

Хоб вытащил мечи из ножен и сделал шаг ко мне. Я подняла свои мечи, готовясь защищаться.

Он возвышался надо мной, и я чувствовала себя очень маленькой.

Хоб помедлил; выражение его лица было трудно распознать – смесь отвращения и ненависти.

– Мальчишка изменился со времени нашей первой встречи, – злорадно сказал джинн. – Тогда он осмелился мне угрожать, и я собирался убить его на месте. Он хотел отомстить за смерть породивших его людей. Он готов был умереть, готов пожертвовать своей жизнью в безнадежной попытке меня убить. Но я понял, как могу его наказать. «Кого ты любишь?» – вопросил я, и он признался, что у него есть друзья, но он ни в кого не влюблен. Я понял, что, как и большинство людей, однажды он поддастся слабости и кого-нибудь полюбит. Я знал: если я убью ту, в кого он влюбится, это причинит ему бóльшую боль, чем сама смерть. Теперь ты – предмет его любви, вот почему ты умрешь.

Без предупреждения Хоб сделал ко мне два быстрых шага и нанес удар мечом, который держал в правой руке. Я оказалась недостаточно проворной, чтобы полностью увернуться, но вместо того, чтобы рассечь мне плечо до кости, клинок лишь срезал маленький кусочек плоти.

Боль опалила меня, но я, танцуя, ушла в сторону. Кровь стекала по моей руке, и я сознавала, что Ада движется позади меня так, чтобы я оставалась между ней и Хобом.

Необходимость защищать Аду беспокоила меня. Она была величайшим из когда-либо живших шаблонщиков и настолько хорошо знала свое дело, что если бы не вмешательство охраны Протектора, ее словы уничтожили бы все сущности Хоба. Но ее не тренировали для боя на Арене 13. Она знала шаблоны боевого танца, но сама в нем не практиковалась.

Я была стройной и натренированной, идеально подготовленной для битвы. И к тому же очень быстрой – быстрее Лейфа, хотя я не сказала бы такое ему в лицо. Но Ада весила больше меня. Ей нелегко будет танцевать вплотную у меня за спиной, как она делает сейчас. Поэтому мне придется уворачиваться от мечей Хоба и одновременно защищать ее.

Наверное, даже без Ады победить его будет трудно.

Хоб напал снова, и я быстро отступила назад, наткнувшись на Аду. Но она предвидела мое внезапное отступление, и мы сумели оправиться от этого короткого мгновения неуклюжести. Я даже среагировала достаточно быстро, чтобы рубануть Хоба и рассечь ему левое предплечье. Для него это был пустяк, небольшая ранка, но она прибавила мне уверенности. Мне хватало проворства, чтобы ранить Хоба, но в следующий раз порез должен быть глубже.

Я протанцевала вправо, отступая к стене арены и слыша, как Ада движется позади меня. Пока все шло хорошо.

Теперь Хоб напал, орудуя обоими мечами, но я увернулась и снова полоснула его – на этот раз по другой руке. И опять это была небольшая рана, но она показала, на что я способна. «Ведом ли Хобу страх? – подумала я. – Беспокоит ли его то, чего я уже достигла? Может ли он вообразить, что проиграет, даже погибнет от моей руки?»

Внезапно он снова атаковал, тесня меня назад. Я слышала, как тяжело дышит Ада. Чем дольше мне придется ее защищать, тем труднее ей будет оставаться в безопасности за моей спиной.

Теперь мы снова оказались у самой стены. Ада, наверное, касалась ее. Я застучала ногами по доскам арены, с помощью звукового кода Улум давая ей знать, какой ход собираюсь сделать. К счастью, она работала вместе со мной на тренировках. Каждый код был личным, известным только бойцу и лаку (или лакам), которые на него работали; другой боец не знал, о чем сигналит его противник.

Вместе мы протанцевали влево, но Ада двигалась медленнее меня. Я пыталась защитить ее, блокируя удары Хоба, но

преуспела лишь частично.

Я услышала приглушенный крик боли и, когда мы протанцевали в сторону от джинна и вернулись в относительно безопасный центр арены, бросила взгляд назад. С пальцев Ады стекала кровь, я увидела, что у нее рассечено предплечье – хотя рана не выглядела слишком серьезной. К счастью, Хоб не задел артерию.

Он снова напал, но я держалась стойко, блокируя его клинки, а потом полоснула в ответ. Я старалась не смотреть ему в глаза – я глядела только на его тело и пыталась предугадать каждый его маневр.

А потом, совершенно внезапно, все пошло наперекосяк.

Хоб сделал еще более свирепый выпад, и мне с трудом удалось защититься.

Неужели до сих пор он сдерживался и просто играл со мной?

Он заставил меня отступить, и Ада снова оказалась недостаточно быстрой. Она опрокинулась навзничь, а я споткнулась и упала на одно колено.

Хоб, не обращая на меня внимания, устремился прямиком к Аде и пырнул ее обоими мечами.

Я всегда думала, что я быстрая – самая быстрая и самая лучшая. Теперь я доказала, что так оно и есть.

Каким-то образом я оказалась между Хобом и Адой – хотя за этот маневр мне пришлось заплатить: клинок Хоба вспорол мне щеку от глаза до мочки уха. Рана была серьезной, я почувствовала, как хлынула кровь. Теперь у меня будет два шрама, но один из них куда более глубокий.

Хоб сделал два шага назад и снисходительно улыбнулся.

– Теперь я заберу еще один кусок твоей плоти! – злорадно сказал он.

Но я знала, что должна сделать, хоть это и влекло за собой ужасный риск. Хоб был таким быстрым, что я понимала: задуманное может стоить мне жизни.

Я нырнула и прокатилась между его ног, вскинув вверх оба меча, доверившись маневру Михалика – «смертельному гамбиту».

21. Колесо мести

Для женщин рода человеческого
это опаснее, чем для мужчин.

«Сборник старинных сказок
и баллад»

Хоб

Была боль, и была темнота. Но потом в этой темноте возникло сознание, как первое мерцание света свечи, озаряющего склеп.

Боль уменьшилась, сознание окрепло, и в конце концов мускулы содрогнулись в конвульсиях.

С неимоверным усилием Хоб открыл глаза.

Сперва он ничего не увидел и не услышал. Но он почувствовал на лице холодный ветер и ощущал, что над ним в темноте что-то движется. Он собрал всю свою энергию, чтобы создать хоть какой-нибудь свет.

Горизонт был круто изогнут, словно он стоял на маленьком холме – древнем кургане вроде тех, что некогда создавали древние, чтобы хоронить своих мертвых. За краем горизонта виднелись источники света.

Он как будто был слегка приподнят над этим курганом, и он пытался… напрасно… понять, что это значит. Он порылся в памяти, но от нее остались лишь разрозненные фрагменты. Однако он помнил врага, грозного врага. Не просто одного, врагов было много.

Было воспоминание о поражении; воспоминание о боли; воспоминание о расчленении.

Он осознал, что у него нет ни рук, ни ног, ни даже торса. Он обратил мысленный взгляд внутрь в поисках своей самой сокровенной сути, горстада – высшего разума.

А потом он познал предельную боль – боль окончательного поражения.

Горстада не было. Он был всего лишь одной сущностью; всем, что осталось. Его изувечили и разбросали куски так далеко друг от друга, что он больше не мог регенерировать.

И тут Хоб узнал темные силуэты, кружащие высоко над ним…

Гриф подлетел ближе. Будучи падальщиком, он обычно ждал, когда его добыча умрет. Но эта была беспомощной и почти неподвижной. Гриф сделал три шага вперед, широко раскинув крылья и впившись в небо пристальным взглядом. Он встопорщил воротник из перьев, объявляя, что главный здесь он и мясо внизу принадлежит ему.

Остальные падальщики уже подлетали, скользя по длинным спиралям против часовой стрелки. Их не испугала демонстрация силы первого грифа. Все они вкусят этой плоти.

Видя, что собираются сделать его сородичи, гриф захлопал крыльями и наполовину подлетел, наполовину допрыгал до головы, насаженной на острый сломанный флагшток. Его когти вонзились в лысую макушку, и прожорливый клюв опустился в поисках плоти в левой глазнице.

И тогда Хоб широко разинул рот в беззвучном вопле.

Вскоре собрались и другие падальщики, чтобы начать спор из-за мяса.

Когда солнце в конце концов поднялось над куполом Колеса, голова Хоба была обклевана до костей, и грифы улетели на запад, к своему обычному месту сборищ на крыше огромной скотобойни. Там они хорошо разживутся требухой до того, как зайдет солнце.

Солнце весь день освещало голову, торчащую на флагштоке на куполе Колеса. Сперва сверкающе-белая, постепенно она потемнела; к вечеру плоть снова покрыла кости. Полная регенерация была невозможна, но стремление к ней не исчезло. Энергия черпалась от самого солнца. Только когда разум Хоба снова смог отслеживать этот процесс, тщетность его стала очевидной.

Наконец солнце скользнуло за горизонт, и наступила ночь.

Была боль, и была темнота. Но потом в этой темноте возникло сознание – как первое мерцание света свечи, озаряющего склеп.

Боль уменьшилась, сознание окрепло, и в конце концов мускулы содрогнулись в конвульсиях.

С неимоверным усилием Хоб открыл глаза – и увидел кружащих над ним грифов.

Первый из них захлопал крыльями и наполовину подлетел, наполовину допрыгал до Хоба. Беспомощный, он почувствовал, как когти вонзаются в его лысую макушку. Жадный клюв опустился в поисках плоти в левой глазнице.

С беззвучным воплем Хоб снова погрузился в му´ку, терзаемый на колесе мести Квин.

22. Эмиссар

Те, кто ступает на арену, должны остерегаться; там могут быть более опасные и обширные зоны боя, чем в Тригладиусе; и там тоже может произойти «обрыв».

«Амабрамдата», Книга пророчеств гентхаев

Лейф

Уже наступила весна; завтра вечером начнется сезон на Арене 13. Я усердно тренировался, был на пике своей формы и предвкушал первое состязание.

Я завтракал с Квин и Адой, когда в дверь постучали. Коннит прислал юного гентхайского воина, чтобы тот проводил меня на северную окраину города. Коннит ожидал меня там, и я должен был явиться немедленно.

Раньше я спросил бы разрешения у Тайрона, но Тайрон был мертв, и дом казался как никогда пустым. Квин и Тина все еще оплакивали отца. Я оплакивал и Тайрона, и бедного Дейнона, но жизнь продолжалась.

Теперь Ада руководила командой Тайрона и тренировала его бойцов и их лаков.

– Я иду с тобой, Лейф! – заявила Квин. Выражение ее лица не допускало споров. – Когда Коннит послал за тобой в прошлый раз, тебя в результате не было дома несколько месяцев. На этот раз я хочу участвовать в событиях.

– Тогда я тоже пойду, – сказала Ада. – Мне бы хотелось посмотреть, что такого важного происходит, раз тебе не позволяют даже закончить завтрак.

Мы зашагали на север. Солнце еще не встало, но уже начало

светать. Когда мы подошли к ведущей из города дороге, я увидел небольшую толпу; среди собравшихся было десять конных воинов-гентхаев. Высокий человек с двумя длинными мечами на бедрах повернулся и пошел к нам. Коннит, конечно – его ни с кем не перепутаешь.

– К тебе гостья, Лейф, – сказал он. – Она спросила тебя по имени. Говорит, что она Пери и явилась к нам через Барьер.

Я заметил, что Ада и Квин удивленно смотрят на меня. Они знали, кто такая Пери – коммуникатор джинна, сущность, которая общается с остальными от имени целого создания. Ада сказала, что всех таких коммуникаторов зовут «пери», но, приблизившись, я увидел мою Пери – ту, с которой хорошо познакомился во время недавнего путешествия за Барьер.

Когда я подошел, она спокойно посмотрела на меня. Как всегда, в ее черные волосы были вплетены ленты, украшенные зелеными камнями. Я взглянул на ее длинную изящную шею и заметил, что жабры исчезли: на этот раз она не плыла по реке Медия. За Пери стояла реплика моей лошади Ларас – еще одна сущность джинна Шалатан.

Пери с теплой улыбкой подошла ко мне и схватила мою правую руку в свои. Она погладила тыльную сторону моей руки большим пальцем, выполняя рукопожатие, потом отступила и пристально вгляделась в меня полными грусти карими глазами.

– Почему ты не пришел, чтобы присоединиться к нам? – спросила она. – Почему ты не повел своих людей к Высокой Стене?

Краешком глаза я увидел, что на меня смотрит Коннит. Пери обращалась ко мне так, будто я был вождем гентхаев. Я не знал, что ответить, и ждал, когда Коннит ответит за меня, но молчание затянулось, и Пери заговорила снова:

– Вражеские джинны собрались к северу от стены – среди них аски с легионами барсков и орлов. Без твоей помощи нам не удастся долго удерживать ворота. Моя госпожа просит, чтобы ты явился немедленно, пока не стало слишком поздно.

– В этой битве мы не можем наверняка рассчитывать на победу, – властным тоном заявил Коннит.

– У вас нет выбора, – отозвалась Пери, все еще глядя мне в глаза. – Аски знают, что ты прикончил барсков и орлов, и не могут этого простить. Как не могут простить людей за то, что те покинули Данур, отведенное им место. Как только аски пробьют стену и победят мою госпожу, они явятся в Джиндин, чтобы убить всех людей и уничтожить ваш город. Разве вы не воины? – надменно вопросила она. – Лучше сражаться, чем ожидать смерти!

Ушло почти три недели на то, чтобы собрать нашу армию и достичь Барьера.

Ядром армии были гентхаи со своей элитой – конными лучниками. Но город также отправил свое ополчение в три тысячи человек, а еще отряд диких лаков под предводительством Трима – больше двух тысяч.

Несмотря на наши сомнения, Ада и Квин захотели поехать с нами. Они заявили, что нет смысла оставлять их здесь. Если нас победят, джинны вскоре доберутся до Джиндина, сровняют его с землей и на этот раз убьют всех людей.

Я не представлял, как мы можем победить. Я знал, что Коннит чувствует то же самое – хотя он никогда не говорил о поражении, потому что такие разговоры были не в обычаях гентхаев. Но мы взяли с собой двенадцать запечатанных фургонов, и в каждом из них было оружие, которого страшились все джинны, – грамагандар.

Тринадцатый грамагандар, истощивший свою силу после того, как выдохнул в последний раз, остался рядом с подземным логовом мертвых шатек Хоба.

Я гадал, что почувствует Шалатан, если узнает, что мы обладаем таким оружием и готовы пустить его в ход.

Коннит хотел рассказать об этом Пери, но Ада ему отсоветовала. Грамагандар – анафема для всех джинов; мерзость, которая наполняет их ненавистью.

Пери уже ускакала вперед, чтобы присоединиться к остальным своим сущностям. Не было необходимости рассказывать им о том, что мы решили выполнить ее просьбу. То, что знала Пери, тут же становилось известно всем сущностям Шалатан благодаря горстаду, высшему разуму. Они были единым созданием – джинном-воином.

Завтра с помощью медиев мы начнем пересекать Барьер. Не все благополучно пройдут через него. Боясь за Квин, я настоял на том, чтобы находиться рядом с ней во время переправы.

Много хороших людей погибло: Керн, Тал, Гаррет, Тайрон, Воуд и Дейнон. Вскоре мы проедем по каменному мосту, на котором убили Гаррета. Он не дожил до того, чтобы это увидеть, но именно с его помощью такое стало возможно.

Люди собираются ехать на битву с джиннами.

Может, мы и вправду то, о чем я так самонадеянно крикнул барскам и орлам.

Мы – Тварь из Данура.

Мы едем, чтобы вернуть себе свой мир.

Глоссарий Мидгарда

Этот глоссарий был составлен по следующим источникам:
«Руководство по языку Ним»,
«Свидетельства Мэта»,
«Руководство по бою на тригладиусах»,
«Амабрамсум», Книга мудрости гентхаев,
«Амабрамдата», Книга пророчеств гентхаев,
«Сборник старинных сказок и баллад»,
«История Конфликта» Эйтеля Пессимиста

Ада Августа. Верховный Адепт Имперской Академии, была убита джиннами-террористами в начале Первого восстания. Ее душу поместили в Хранилище. Ее назвали в честь Ады Августы, графини Лавлейс, которая написала самый первый компьютерный код.[2]

Агнван. Известная у варваров как «лошадь», – трусливая тварь, непригодная к использованию на войне. Она, без сомнения, обладает определенной грацией, но чужда словам и принадлежит к той эпохе, когда плодовитость природы являлась бессистемной, давая шанс на порождение странных форм жизни, чей единственный маленький разум был заперт в единственном хозяине плоти.

Арена 13. Еще одно название Арены Тригладиуса. Некогда люди, сражавшиеся на этой арене, должны были иметь на лбу вытатуированную цифру 13. Когда правило отменили, такая татуировка еще много лет оставалась в моде, но теперь обычай отмирает.

Асгард. В скандинавской мифологии это означает «Место, где обитают боги». Некоторые обитатели Мидгарда называют так все, что находится за Барьером, – землю, захваченную джиннами.

Аска. Высшая разновидность джиннов. Аски – настоящие оборотни и, если не ограничены словом, могут иметь до 10 000 сущностей и десятки шатек. Во время Третьей Эпохи Империи могущество джиннов возросло и контроль древних механиков над ними уменьшился.

Барск. Высший партнер бинарного воина-джинна. С четырьмя руками, острым зрением, крайне свирепый, он ездит верхом на своем партнере – о́рле, двуногом создании с руками, способными держать оружие. Барск и орл созданы друг для друга: первый обладает более развитым разумом и большим доступом к горстаду, который они делят неравномерно. Барск доминирует, но все же зависит от того, кто его везет. Такие бинарные джинны

рождены шатек, но не имеют способности рождаться вторично. Благодаря этому ограничению из них получаются воины, потому что тот, кто может умереть лишь раз, сражается более свирепо, чтобы сохранить свою жизнь.

Барьер (**Великий Барьер**). Зона тумана, тьмы и страха, окружающая Мидгард и мешающая выйти из него и в него войти. Те, кто приближается к Барьеру, либо никогда не возвращаются, либо возвращаются безумцами. Торговец беспрепятственно пересекает Барьер, но только по морю.

Бинарные джинны. Следующий ранг после единичных. Их связывает символическое партнерство, но не всегда на равных, как в случае с барсками и орлами.

Болельщики. Поклонники Тригладиуса, зрители, чьи знания о происходящем – о позициях лаков и их тактических маневрах – часто превосходят знания самих сражающихся. Некоторые специализируются на истории Тригладиуса и помнят наизусть давние классические схватки, шаг за шагом – шаблоны, которые привели к победе.

Вервейт. Создание с четырьмя сущностями и высшим разумом. Три сущности принимают вид волков, но четвертая – прямоходящая, помесь волка и человека. Каждые тринадцать лет гентхаи сражаются с этим существом в ритуальной битве. Некоторые считают, что вервейт – разновидность падшего, деградировавшего джинна. Другие думают, что от таких битв могли взять начало сражения Тригладиус на Арене 13.

Второе восстание. Второе восстание было скоординированной внезапной атакой всех джиннов на людей. Человеческая цивилизация пала, но нескольким тысячам выживших разрешили жить и размножаться в специально отведенном месте, окруженном Барьером. Эту резервацию назвали Мидгардом.

Главный распорядитель. Официальное лицо, обладающее высшей властью в Колесе; его решения претворяют в жизнь множество помощников. Больше всего внимания он уделяет Арене 13, где наблюдает за битвой. Хотя его функции на арене по большей части церемониальные, в случае любого разногласия его решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Горстад. Высший разум, обычно имеющийся у всех высших джиннов с более чем одной сущностью. Но, несмотря на это, групповое сознание, которое делает джинна с множеством сущностей одним целым, каждой сущности всегда свойственно некое индивидуальное сознание. И аски, и шалатаны могут контролировать сознания своих сущностей, даже не давать отдельным сущностям доступа к горстаду.

Грамагандар. Древнее оружие, известное также как «Дыхание Волка», огонь, способный растопить фальшивую плоть. Это оружие – анафема для всех джиннов, и использование его запрещено. Его создали и запустили последние древние люди, и за это преступление их уничтожили, а их покоренные и униженные потомки, варвары-люди, были навечно изгнаны в Мидгард – место, окруженное Барьером.

Гунгары. Гунгары формируют третий компонент каждого высшего джинна. Крылатых гунгар используют для того, чтобы те поглощали и впитывали разум и плоть врагов или других созданий, чтобы изучать и (или) оживлять их с помощью слова и шатек. Гунгар создали не древние люди; это примитивный пример самоуправляемой эволюции джиннов.

Гхетта. Залог любви, который по традиции воин-гентхай предлагает женщине, когда просит ее руки. Если женщина принимает гхетту, она показывает ее своей семье. Ее отец хранит гхетту как свидетельство данных мужчиной обязательств.

Данур. Так джинны называют Мидгард. Данур означает «Место Твари». Легенды гласят, что там, за облаком, которое люди называют Барьером, заперта крайне свирепая тварь. Другое название этого места – Кесториан Датред.

Десидоны. Гибридные джинны с десятью сущностями, сочетающие элементы животных и растений; напоминают деревья. Почти неподвижные, они общаются с помощью разносимой ветром коричневой пыльцы. Древние люди создали их в качестве часовых и шпионов. Они способны нападать и создавать как яды, так и противоядия.

Джиндин. Единственный большой город Мидгарда, хотя в нем есть несколько небольших городков и деревень. Дома в Джиндине в основном деревянные, дороги земляные. Главные достопримечательности – Колесо, большая бойня в виде куба и цитадель Хоба, бросающая тень на весь город.

Джинн. Слов, ставший плотью. Разновидностей джиннов больше, чем звезд на небе: от примитивных единичных, почти не превосходящих первоначальных лаков до высших джиннов, известных как аска, которые способны породить бесчисленное множество себе подобных. Почти все джинны в той или иной степени подчиняются созданным древними людьми шаблонам, впервые придавшим форму их прародителям. Но самые опасные из джиннов уже не подчиняются наделившим их формой сло́вам. Первоначально джинны были созданы для военных целей, чтобы служить Империи людей. Джинн – это аббревиатура от «digital janus interface nano node».[3]

Дирекция Колеса. В ней было пять членов – представителей

игорных домов; возглавлял ее Пинчеон, главный распорядитель. В основные обязанности дирекции входил надзор за Колесом, но она имела более широкие юридические полномочия. В городе Джиндин дирекция уступала только Протектору, но главным образом сосредотачивалась на делах Колеса. Например, если на улицах боец или бывший боец обвинялись в убийстве, разбирательство входило в ее юрисдикцию. После падения Протектора дирекцию Колеса переименовали в городскую управу. Потом, когда был заключен союз с гентхаями, она стала Руководящим Советом, который управлял всем Мидгардом.

Договор. Соглашение между джиннами и человечеством, заключенное после поражения последних. Людей поселили в пределах Барьера и дали им шанс жить здесь при условии, что они согласятся с правлением Протектора. Гентхаи должны были подчиниться ритуальному отбору, который осуществляли вервейты; не-гентхаи – отбору, осуществляемому Хобом. С течением времени договор был забыт городскими жителями. Некоторые считают, что никакого соглашения не было.

Дом Отдохновения. Прибежище для вдов, потерявших мужей на Арене 13. Это благотворительная организация, которую в основном финансируют самые богатые механики. Обычно там предоставляется не постоянное место жительства, а убежище на ночь, где женщины могут поддержать друг друга и помочь вынести боль утраты.

Другие. Так джинн называет тех, кто не входит в число его собственных сущностей. Только с помощью протокола джинны могут взаимодействовать с другими и только с помощью битвы могут определить, какое те занимают положение в обществе.

Запись. Базовый слов-инструмент языка Ним, который используется для того, чтобы ввести другие словы и простейшие элементы в шаблон.

Игорный дом. Игорные агенты (иногда их называют букмекерами) принимают ставки от лица трех больших игорных домов, которые поддерживают экономику Мидгарда. Сборы с их прибыли выплачиваются бойцам, сражающимся в позиции «макс». Лишь бойцам «мин» позволяется ставить на самих себя – но только на свою победу.

Часто зрители Арены 13 заключают очень сложные пари. Многие болельщики пытаются предсказать время победы и помещают выигранные деньги в коллекторы, тогда они суммируются с выигрышами в последующих боях. Красные билеты говорят о том, что делаются ставки на ранение или гибель одного из противников.

Индекс. Каталог лаков, душ, запертых внутри фальшивой

плоти, и словов – все это выставляет на продажу Торговец, когда дважды в году посещает Мидгард. Индекс хранится лишь в памяти Торговца, в письменном виде его не существует.

Катары. Катары – морские джинны, имеющие две главные формы. Первая форма – ракообразная, у них твердые раковины и множество ног. Такие джинны живут недалеко от берега. Вторая форма – головоногое с восемью «руками» и двумя щупальцами, обитающее на глубине. Обе формы созданы древними людьми в военных целях.

Киро. Был официальным лицом, отвечающим за Общину, большую подземную зону под Колесом. С помощью армии помощников он надзирал за хранилищем лаков, кухнями, тренировочными залами и местами боев. Киро правил своей территорией единовластно, и никто не вмешивался в его дела (многие из которых были незаконными). Трим убил его.

Кисточки. Прислужники Хоба, обитающие в «бахроме» на краю его цитадели, а иногда в ней самой. Некоторые из них уже не совсем люди, а гротескные создания, в которых джинн превратил людей. Такие кисточки обладают кое-какими необычными способностями, например, огромной силой и быстротой, к тому же они могут видеть в темноте и находить свои жертвы по запаху. Среди кисточек есть родственники жертв Хоба: они служат джинну в надежде получить вести о тех, кто им дорог, и поклоняются Хобу, надеясь, что однажды тот вернет им жен или детей в идеальных новых телах. Другие кисточки – шпионы и сводят концы с концами благодаря тому, что снабжают Хоба информацией или служат посредниками в его контактах с некоторыми жителями Джиндина. Из-за поведения последней группы всем этим падшим и деградировавшим существам и дали такое презрительное прозвище – в честь бахромы с узелками на подоле плаща Хоба. Насчет узелков хорошо подмечено, потому что кисточки участвуют в запутанных, завязанных узлами заговорах и контрзаговорах, с помощью которых разные группы в Мидгарде стремятся достичь своих целей.

Колесо. Колесо находится в городе варваров-людей под названием Джиндин, в пределах Барьера. В этом здании происходят гладиаторские бои между лаками. В нем тринадцать арен для боев; арена для боев самого высшего класса, в которых сражаются самые умелые – Триладиус, известный также как Арена 13.

Крансин. Субстанция, которой смазывают клинки лаков перед состязанием на Арене 13. Она сделана из коагулянта и вещества, усиливающего боль, из-за нее ритуальный порез руки мучителен для побежденного. Эту боль следует переносить

храбро, и зрители наблюдают с галерки, оценивая поведение проигравшего бойца.

Кри-кор. Своего рода стоянка или форт, которым воины-джинны пользуются, когда находятся за стенами своих городов. Большинство кри-коров находится под землей.

Лак. Краткая форма от «симулакрум». Лаки рождены шатек для различных видов сражений на арене. Хотя по виду они похожи на варваров-людей, у лаков есть горловая втулка. Как только в нее проникает клинок, они тут же теряют сознание – это состояние называется словом «обрыв». У лаков длинные руки, что помогает им сражаться на Арене 13.

Лудуза. Разновидность бинарного джинна, сущности которого поровну делят горстад. Иногда у них нет очевидной связи друг с другом ни по внешности, ни по выполняемой роли. Они были созданы древними людьми с целью шпионажа.

Люди. Древняя раса существ, которые создали язык Ним, сконструировали первых джиннов и таким образом проложили дорогу тем, кто потом лишил их господства. За пределами словов их зовут древними людьми, а их павших и униженных потомков – варварами-людьми. Последние по внешнему виду больше всего схожи с лаками, хотя лишены их силы, скорости и координации. Сила людей – в способности объединяться для достижения общих целей. Страх смерти также может придавать им сил, поскольку у них всего одна сущность, которую легко уничтожить в битве.

Люпины. Категория джиннов, которые принимают различные волчьи обличья. Вервейты – испорченная и падшая форма этой категории джиннов; ими руководит скорее не разум, а инстинкт. Однако истинные люпины – самые умные из джиннов.

Маневр Михалика. Обычно известный как «смертельный гамбит». Выполняя этот маневр, нужно прокатиться вперед через линию лаков противника (или мимо одного лака), чтобы рубануть соперника и завоевать победу. Только Михалик смог успешно выполнить этот рискованный маневр. Все последующие попытки других бойцов закончились смертью или увечьями.

Маори. Древние боги гентхаев. Считается, что они живут в небе на длинном белом облаке.

Медии. Гентхайские мистики, известные как медии, часто бывают в непосредственной близости к Барьеру и чувствуют его колебания. Они называют себя по имени реки Медия; ее берега – место, где легче всего войти в Барьер и выйти из него. Медии имеют способность проходить сквозь Барьер без вреда для себя и проводить других. Путешествие опасно, и не все, кого они сопровождают, выживают.

Медия. Маленькая речка, которая вытекает из гентхайских

земель и впадает в море недалеко к северу от Морских Ворот.

Механики. Знатоки составления шаблонов из словов Ним. Древние люди были первыми механиками и достигли наивысшего могущества во Вторую Эпоху Империи. Аска, самые высокоразвитые формы джиннов, стали величайшими механиками: они полностью контролируют Ним и способны изменять собственную форму. Самые неумелые механики – варвары-люди, создающие шаблоны для лаков, лишенных разума. Они вводят в шаблоны шаги танца, который подает сигналы бойцам Тригладиуса на Арене 13.

Мидгард. В скандинавской мифологии это слово означает «Место, Где Обитают Люди» или «Поле Боя Людей». Место, населенное варварами-людьми, пережившими падение Империи.

Музей Света. Считается, что там хранится архив изображений и предметов цивилизации людей, предшествующей Падению.

Ним. Язык, который развился из примитивного языка шаблонов под названием «Форт» и создал первого джинна. Все джинны – это слов, ставший плотью.

Обрыв. Завершающая функция, которая задействуется, когда клинок входит в горловую втулку лака, временно обездвиживая его. Для бойца «мин» это становится концом состязания; остается только сделать ритуальный порез руки побежденного человека.

Обутайер. Матриарх, правящая гентхаями в мирные времена. Когда племя в состоянии войны, его возглавляет воин-мужчина.

Община. Так называется подземная зона под Колесом, где хозяева держат своих лаков, если не могут позволить себе снимать частное жилье.

Ось. Центральный столб в Колесе. Вырезан из громадного дерева; некоторые считают его центром Мидгарда и ступицей Волчьего Колеса.

Очередность. Длинная последовательность словов в мозгу лака. Если назвать единственный слов, можно задействовать весьма сложное поведение, заранее заданное шаблонщиком.

Первое восстание. Первое восстание началось с двух террористических атак, которые джинны провели против людей. Сперва было неудачное покушение на жизнь императрицы. Второй атакой стало нападение на Имперскую Академию; тогда погибло больше ста человек, в том числе Верховный Адепт. Восстание джиннов в конце концов подавили, пустив в ход грамагандар – оружие, которое плавит фальшивую плоть.

Перевертыши (**оборотни**). Разновидность высших джиннов. На то, чтобы изменить форму своей сущности, нужно время, от нескольких часов до нескольких недель – в зависимости от

степени требуемых изменений. Перед этим процессом нужно поглотить много пищи – по большей части используется кровь, которую берут напрямую у живых существ. Самым обычным способом превращения является использование словов и шатек, чтобы породить сущности, необходимые для конкретных задач.

Простейшие элементы. Структурные элементы, из которых складывается слов.

Протектор. Бывший правитель Мидгарда, назначенный на эту должность джиннами из-за Барьера, перед которыми он держит ответ. Он был обязан поддерживать порядок, для чего у него имелась вооруженная охрана в несколько тысяч человек, размещенных главным образом в городе Джиндин и его окрестностях. Некоторые считают, что Протектор – тот самый человек, которого назначили, когда пала Империя людей и выживших заточили в пределах Барьера. С виду он был похож на мужчину средних лет, но о его происхождении ходят разные слухи; некоторые говорят, что он был джинном.

Протокол. Ритуалы, и физические, и словесные, с помощью которых джинны сосуществуют без непрерывного кровопускания. Успешно завершенная первая стадия протокола известна как рукопожатие.

Разир. Разновидность синглтона низкого уровня. Остальные джинны используют его как вьючное животное. Разиры имеют бойцовские способности и могут также использоваться в битве, но по большей части их держат в резерве. Их трудно контролировать, и они склонны бунтовать против власти.

Расширяемость. Характеристика Ним, позволяющая шаблонщику добавлять к языку новые словы или модифицировать уже существующие. Язык могут расширять те, кто имеет для этого необходимые навыки.

Рекарда. Джинн-воин, созданный древними людьми для битв в холодном климате. У этих джиннов шесть ног, они могут очень быстро бегать по льду и снегу. У них чрезвычайно мощные челюсти с тремя шарнирами, никакие доспехи не могут перед ними устоять.

Римская. Так называют вторую эпоху Империи людей. Гладиаторские бои джиннов стали главным массовым развлечением, вошло в моду ассоциировать их с внешним видом, именами и поведением древней примитивной человеческой нации, называвшейся римлянами и говорившими на латинском языке. Поэтому многие знатные семьи брали римские имена. Термины «тригладиус» и «гладиус» – типичные латинские конструкции.

Рукопожатие. Когда джинны сталкиваются друг с другом,

рукопожатием называется предварительный формальный обмен информацией между ними, чтобы выяснить личность и цель другого. Это первая стадия протокола, чтобы определить, что будет дальше: сосуществование или конфликт. Без рукопожатия тут же на полную мощность включается применение силы.

Сикода. Джинн с множеством сущностей, но с ограниченной способностью генерировать новые. Сикоды – оборотни и обладают навыками, помогающими вести допросы. Шпионаж и пытки – их главные функции. Хоб принадлежит к этой категории джиннов, но он отринул многие ограничения, мешавшие его развитию.

Синглтон. Джинн, имеющий всего одну сущность, низшая разновидность джиннов, превосходящая варвара-человека только в скорости, силе и быстроте рефлексов. Однако некоторые синглтоны обладают большими умственными способностями и могут с помощью дисциплинированного изучения словов подняться до высших форм. Разновидность синглтона известна как лак.

Слов. Основная единица древнего языка шаблонов Ним. Словы содержат другие словы, и назвать один из них – значит назвать все, содержащиеся в нем.

Стек. Оборонительная тактика триглада: боец-человек стоит между двумя защищающими его лаками, которые кружат как колесо в ту сторону, в какую требует ход боя. Стек – также термин последовательности кода Ним; шаблонщик может добавлять что-нибудь к этой последовательности, а может, наоборот, извлекать из нее. Новый код всегда помещается вверху стека.

Сущность. Разумный компонент джинна, который помещен в фальшивую плоть, порожденную шатек.

Считывание. Базовый слов-инструмент языка Ним, с помощью которого можно прочесть элементы шаблона и понять, как они связаны.

Торговец. Только от него Мидгард получает лаков и новые словы, с помощью которых совершенствуются шаблоны лаков. Обычно он посещает Морские Ворота дважды в году: до начала сезона и в разгар сезона.

Третейский судья. Джинн, который надзирает за всеми видами сражений джиннов, от тех, что происходят на арене, до битв во время открытой войны. Такая разновидность джиннов редко показывается бойцам, пока сражение не закончено, и тогда их гунгары поглощают кровь слабейших. Благодаря этому они получают награду за свои труды, и их шатек самые умелые и плодовитые из всех, с легкостью создающие формы джиннов. Хотя главный распорядитель, надзирающий за сражением на Арене 13, выполняет схожую роль, он не нестоящий третейский судья. Он

всего лишь варвар-человек.

Тригладиус. Бой на Арене 13, высший уровень боя в Колесе. Три лака противостоят в сражении одному лаку, побеждает та сторона, которая проливает человеческую кровь. Боец-человек стоит позади трех лаков в позиции «макс», его противник стоит позади одного лака в позиции «мин». Лаки стараются поразить противника. Победу отмечает ритуальный порез руки побежденного бойца. Хотя в поединке нет цели убить, бывают и несчастные случаи, а еще есть бои насмерть, в конце которых проигравшего обезглавливают.

Тритон. Аналитический слов-инструмент, которым механик пользуется для того, чтобы исследовать слов-матрицу и при необходимости пробить защиту, воздвигнутую создателем этой системы. Такой процесс куда сложнее, чем считывание и запись.

Улум. Звуковой код, которым пользуются на арене Тригладиуса, чтобы общаться со своим лаком, стуча ногами по половицам. Каждый боец разрабатывает свою версию Улума и держит ее в тайне.

Фальшивая плоть. Унизительный термин, придуманный древними людьми для плоти, в которой обитает любой джинн, рожденный шатек и словом. Когда разгорелась война между джиннами и древними людьми, джинны сами стали пользоваться этим термином в знак вызова и, одерживая победу за победой, доказали всеобъемлющее превосходство фальшивой плоти над плотью древних людей.

Ханша. Это означает «дом для чужаков». Жилище, построенное для того, чтобы размещать в нем явившихся с визитом представителей других джиннов.

Хоб. Он считается джинном-отшельником, который остался внутри Барьера, когда там заперли варваров-людей. Он охотится на людей, пьет их кровь и иногда отбирает у них рассудок; время от времени сражается на Арене 13 в позиции «макс».

Хозяин баржи. Такие хозяева отвечают за надзор и перевозку товаров от Морских Ворот вниз по каналу до Джиндина. Их семеро, они работают по очереди.

Хранилище. Цифровой склад, где хранятся души, имея возможность родиться снова в теле из фальшивой плоти. Другое наименование для такого состояния души – стазис.

Чаккан. У джиннов это означает «господин» – так обращаются к северу от стены к тем, кто более высокого ранга.

Шалатан. Джинн второго ранга, стоит чуть ниже аски. У Шалатан 713 сущностей и всего одна большая шатек. Поэтому уходит некоторое время, чтобы регенерировать сущности, уничтоженные в битве. Это военный джинн, созданный для того,

чтобы сражаться, и остальными его сущностями всегда управляет сущность, которая принимает вид женщины. Если повезет, такая правительница становится наложницей аски. Шалатан обладает огромным умением генерировать сущности для выполнения определенных задач; одна из них известна как «пери», которая играет роль посланника к другим джиннам. Пери хорошо умеет понимать «других» и является знатоком языков.

Шатек. Мать джинна. Повитуха – механик Ним, формирующий отпрысков с помощью словов Ним.

notes

Примечания

1

Кабестан – механизм, используемый для передвижения грузов в морском деле. – Прим. ред.

2

Августа Ада Кинг (урожденная Байрон), графиня Лавлейс, более известная как Ада Лавлейс (1815–1852) – математик; известна прежде всего созданием описания вычислительной машины, проект которой был разработан Чарльзом Бэббиджем. Составила первую в мире программу для этой машины и считается первым программистом в истории. – Прим. перев.

3

Digital janus interface nano node – наноузел цифрового двустороннего интерфейса.